

ПОЧЕМУ
СТАЛИН
ПРОИГРАЛ
ВТОРУЮ ДМИТРИЙ
МИРОВУЮ ВИНТЕР
ВОЙНУ?

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

ВЫРВАННЫЕ СТРАНИЦЫ

ДМИТРИЙ
ВИНТЕР

ПОЧЕМУ
СТАЛИН
ПРОИГРАЛ
ВТОРУЮ
МИРОВУЮ
ВОЙНУ?

МОСКВА
2009

Оформление серии художника *С. Курбатова*

Винтер Д. Ф.

В 50 Почему Сталин проиграл Вторую мировую войну? / Дмитрий Винтер. — М. : Яуза-пресс : 2009. — 288 с. — (Вторая мировая война. Вырванные страницы).

ISBN 978-5-9955-00476

Почему Сталин проиграл Вторую мировую войну?

Почему сам он считал победу над гитлеровской Германией недостаточной, неполной, пирровой?

Почему сорвался его «освободительный поход в Европу»?

Кто разгадал его тайный замысел и противодействовал его «ледокольным» планам?

Кто стравил Гитлера и Сталина, заставив тоталитарные режимы обескровить друг друга в самоубийственной борьбе?

И главный вопрос: если Сталин проиграл войну за мировое господство, то кого следует считать настоящим победителем во Второй мировой?

Эта сенсационная книга – новый взгляд на причины и итоги самой страшной войны от начала времен, радикальный пересмотр прошлого, решительная ревизия истории XX века.

ББК 63.3(0)62

Необходимыми ресурсами для мирового лидерства обладают две страны — СССР и США. Именно эти страны решат исход войны.

(И.В. Сталин. Секретная речь перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.)

Глава I

ТАК КТО ЖЕ ПОБЕДИТЕЛЬ?

24 июня 1945 года.

Красная площадь. Парад Победы — величайший военный парад в истории человечества. Почему, вопреки всем ожиданиям участников парада, вопреки всем принятым правилам Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин не принимал парад? Почему присутствовал на нем как простой зритель?

Виктор Суворов (он же В.Б. Резун), автор целого ряда произведений из серии «Ледокол», дает объяснение, которое очень хорошо вписывается в его концепцию: Вторая мировая война была затеяна Сталиным как война за установление мирового господства коммунистов. Ради этого Сталин провел коллективизацию, индустриализацию, создал невиданный по мощи военно-промышленный комплекс. Ради этого Сталин помог Германии восстановить свою военную мощь, уничтоженную Версальским договором. Ради этого Сталин готовил лучших генералов Вермахта в советских академиях (а Гудериана — в Казанском танковом училище). Ради этого Сталин запретил в 1932 г. немцам коммунистам создавать коалицию с социал-демократами и тем самым обеспечил нацистам относительное большинство в Рейхстаге и расчистил Гитлеру дорогу к власти. Наконец ради этого был подписан пакт с Германией 23 августа 1939 г., давший Гитлеру возможность начать войну (точнее, Сталину возможность начать войну гитлеровскими руками).

Цель, однако, не была достигнута — когда все было готово для начала «освободительного» похода в захваченную Гитлером Европу, Гитлер в последний момент нанес удар первым и все сорвал. В результате войны Советскому Союзу достались лишь меньшая и худшая половина Европы, северная половина Ирана (и ту через год под давлением американцев пришлось оставить), северная половина Кореи и кое-какие территории в Китае. О том, что благодаря недооценке роли Китая американцами весь он в 1949 г. достанется коммунистам, тогда еще как-то не думалось. Впрочем, есть основания думать, что Сталин уже тогда понимал: если коммунисты и победят в Китае, то надежным союзником для СССР эта страна все равно не станет. Но об этом — ниже.

Такой исход войны был для Сталина не победой, а поражением. Дальше мог наступить только крах коммунистической системы — рано или поздно. И Сталин вел себя в 1945 г. не как победитель, а как побежденный — в частности, просился в отставку. Не затем просился, разумеется, чтобы действительно уйти, а затем, чтобы приближенные просили остаться (*Суворов В.* Последняя республика. М., 1995. С. 5–28, 45–47, 96). Это — общий тактический прием побежденных диктаторов. Также вел себя Иван Грозный в начале 1580-х гг., проиграв Ливонскую войну (*Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1995. Т. 1. С. 410), президент Египта Насер в 1967 г., после проигрыша войны Шестидневной, Саддам Хусейн в 1991 г.; так же вел себя и Сталин в 1952 г. (*Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989. С. 244–245), когда стало ясно, что затеянная им война в Корею не приведет к новой мировой войне и к победе коммунистов во всем мире.

Итак, все вроде бы сходится. Но в версии Суворова есть по крайней мере два пункта, вызывающих вопросы.

Во-первых, в своих более поздних работах — «Последняя республика», «Очищение» и «Самоубийство» — Суворов многократно дает читателю понять (и подкрепляет эту точку зрения фактическим материалом): все политики 1930–1940-х годов — дураки, один Сталин — гений. Возникает вопрос: как же это он при всем при том проиграл?

Во-вторых, если Сталин проиграл, то кто же тогда выиграл? Не Гитлер же! А у Суворова получается примерно так: мудрый Сталин все так тщательно в течение многих лет подготовил, а глупый Гитлер в последний момент чуть ли не случайно все испортил (Суворов В. День-М. М., 1993. С. 248–249; Суворов В. Ледокол. М., 1992. С. 332–333).

Вот и сегодня кое-кто из демократически вроде бы мыслящих людей полагает, что только благодаря Гитлеру Европа избавилась от необходимости хлебать сталинскую баланду, но что коммунизм-де снова вскоре кинется покорять планету, поскольку-де демократии не способны ему противостоять, «и тогда надеяться снова придется на какого-нибудь ефрейтора» (Станилов В. На кого надеяться? // Правда Виктора Суворова. М., 2007. С. 288–291).

Однако такие разговоры сразу прекратятся и ответ на вопрос о победителе станет ясен, если мы обратимся к трудам англо-американских геополитиков. Англо-американская геополитическая концепция предполагает деление мира на три большие части: Хартленд (территория бывшего СССР и сопредельных государств Восточной Европы и Северной Азии), Римленд (приокеанские части Европы и Азии от Норвегии до Японии) и Мировой океан (обе Америки плюс страны, входившие ранее в состав Британской империи).

Так вот, английские геополитики полагали, что тот, кто владеет «Хартлендом», рано или поздно овладеет всем миром. А у их американских коллег была несколько иная точка зрения: для того чтобы одержать победу над «Хартлендом», «Мировой океан» дол-

жен, по американским геополитическим выкладкам, установить контроль над «Римлендом». Судя по тому, чем окончилась «холодная» война, американские геополитики были ближе к истине.

Рузвельт у Суворова изображен чуть ли не дурачком, пляшущим под сталинскую дудку. Возникает вопрос: почему же тогда война завершилась реализацией американского геополитического сценария? Ведь такая благоприятная для англо-американцев ситуация в мире, которая сложилась к 1945–1946 годам, к началу «холодной войны», не возникла сама собой. Ее создали, причем в основном в ходе Второй мировой войны, и уж наверное, главную роль в ее создании сыграли именно те, кому она была выгодна, — американцы и англичане. Сравним теперь американские геополитические штудии (в первую очередь принадлежащие перу адмирала Мэхэна) с фактическим итогом Второй мировой войны — и вопрос о том, кто ее выиграл, отпадет сам собой.

...К тому моменту, когда Сталин отказывался принимать Парад Победы и просился в отставку, главного победителя уже третий месяц как не было на свете. Да, главного победителя звали Франклин Делано Рузвельт. А чтобы понять, как и почему он переиграл Сталина, нам придется вернуться от 1945 года назад. Очень далеко назад. Сначала надо понять, зачем Сталину было нужно затеять войну за мировое господство.

Глава II

СКОЛЬКО БЫЛО ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Идея о существовании в истории всего двух общественно-экономических формаций — рабства и капитализма — не моя. Автор ее еще в советское время по понятным причинам просил меня не особенно распространяться на эту тему; после же 1989 г. я не имею

сведений о том, где он находится и как с ним связаться. Я не решился упоминать его имя без его разрешения, и в то же время не упомянуть не могу — не приведи Господь, обвинят в плагиате. Вместе с тем отсутствие гуманитарного образования сказалось: автор теории (он — математик) не смог ее, что называется, «довести до ума». В общем мне пришлось немало поработать над концепцией: некоторые явно ошибочные положения исключить, другие, наоборот, добавить. Таким образом, есть некоторые основания претендовать на соавторство.

К. Маркс, как известно, говорил о четырех формациях («способах производства») — азиатском, античном, феодальном и современном буржуазном (*Маркс К. К критике политической экономии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 7*). Советская (и вообще коммунистическая) историческая наука пыталась делать вид, что никакого азиатского способа производства не было в природе и что ни Маркс, ни Энгельс ничего об этом способе производства не писали (см., напр.: *Струве В.В. К вопросу о специфике рабовладельческих обществ// Вестник ЛГУ. 1953. № 9. С. 81–91*). Отметим справедливости ради, что и сам Ф. Энгельс к концу жизни практически отказался от представления об азиатском способе производства как о самостоятельной ОЭФ (*Marx K. Das Kapital. Hamburg, 1890. S.104*), очевидно, испугавшись слишком явного сходства между ним и уже намеченным в общих чертах макетом будущего «социалистического» общества.

М.С. Восленский написал признанную классической работу о классовом анализе системы «реального социализма». Он также вполне понимает причину этого стремления коммунистов — игнорировать целую формацию: больно уж прозрачная аналогия с «реальным социализмом» получается (*Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 573–577*). Но вот несколько дальше он,

изучив некоторых западных историков (например, К. Виттфогеля — см.: *Wittfogel K. Oriental Despotism. New Haven, 1957*), сам себе противоречит: никакого «азиатского способа производства» не было, а были просто рабовладение и феодализм с восточной спецификой (*Восленский М.С. С. 583*).

А и в самом деле, чем отличаются друг от друга «азиатский способ производства» и античное рабовладение? Тем, что «азиатский способ производства» предполагает всеобщее рабство подданных перед монархом-деспотом, который может сделать с любым из жителей своей страны все, что ему заблагорассудится? Но так было далеко не везде на Востоке — власть китайских императоров, например, существенно ограничивалась конфуцианской моралью; с другой стороны, чем некоторые римские императоры — Калигула, например, или Нерон — по отношению к своим подданным и их правам лучше восточных деспотов? Или, может быть, различие — в роли государства в экономике? Но на Востоке она далеко не везде и далеко не всегда была преобладающей. Или в том, что на Востоке частная собственность не была неотчуждаемой? Но и в императорском Риме конфискации имущества были обычным делом.

А феодальный строй от рабовладельческого чем отличается? Тем, что рабы ничего не имели и сами принадлежали рабовладельцам, а у крестьян какое-то имущество (в том числе и средства производства) имелось, и поэтому они были заинтересованы в результатах своего труда? Но ведь и в античном обществе (за исключением Рима эпохи упадка, когда все свободное население превратилось в люмпенов, предпочитавших кланяться у государства «хлеба и зрелищ», но не трудиться) не рабы были основными производителями, а крестьяне; и никто пока не опроверг той общепризнанной точки зрения, что именно отказ свободных римлян от производительного труда и привел к упадку, а потом и погубил Римскую Им-

перю. К тому же барин при крепостном праве так же легко мог наложить руку на имущество своих крестьян, как и любой восточный деспот на собственность подданных.

Зато очевидно очень важное отличие капитализма от всех предшествующих ему систем — переход от принудительного труда к свободному. Тот же Восленский сформулировал три критерия принудительного труда:

1. работать заставляют;
2. условия труда безраздельно определяет работодатель;
3. уход с работы или отказ от нее не допускаются мерами физического принуждения (*Восленский М.С. С. 259*).

В самом деле, рабочего при капитализме никто не заставляет работать, как крепостного, раба или подданного «восточной деспотии» — он идет наниматься на работу сам, чтобы прокормить семью. При этом рабочий — не бесправен: он имеет возможность влиять на определение условий труда — договариваться с собственником средств производства, например, о продолжительности рабочего дня, размерах зарплаты, времени и продолжительности отпуска, а в случае явного столкновения его интересов с интересами капиталиста даже право на забастовку имеет. Попробовал бы раб или крепостной забастовать! При этом возможности рабочего с развитием капитализма не уменьшаются, а растут — сравним жалкое (по сути, полурабское) существование промышленных рабочих во времена «дикого капитализма» (когда они даже и бастовать не всегда имели право — во Франции, например, стачки и рабочие союзы были запрещены с 1791 по 1864 г.) с нынешней жизнью трудящихся в развитых капиталистических странах.

Возникает вопрос: почему же трудящиеся при капитализме обладают такими огромными преимуществами перед своими предшественниками в дока-

питалистических формациях? Может быть, именно потому, что труд стал из принудительного вольнонаемным? Если нельзя рабочего заставить работать силой, то напрашивается вывод, что его рабочая сила принадлежит ему самому, и против его воли ею распорядиться нельзя. Ну, а раз рабочая сила принадлежит рабочему, а средства производства — капиталисту, то приходится их владельцам договариваться между собой, поскольку ни средства производства без рабочей силы, ни рабочая сила без средств производства функционирования экономики не обеспечат. Причем чем развитее экономика, тем соотношение стоимости товара «рабочая сила» и стоимости средств производства все больше меняется в пользу первого, что и приводит ко все большей для рабочего возможности влиять на определение условий труда.

В докапиталистических же обществах рабочая сила не является свободно продаваемым товаром, поскольку она не принадлежит непосредственному производителю и ею можно распорядиться против его воли.

Вот потому мы и можем разделить всю историю человеческого общества на две общественно-экономические формации — рабство, где рабочая сила отчуждена от непосредственного производителя и тем самым и средства производства, и рабочая сила сосредоточены в одних руках — руках правящего класса (так что представители правящего класса могут распорядиться рабочей силой против воли работников), и капитализм, где рабочая сила принадлежит самому рабочему, который договаривается об условиях ее продажи с собственником средств производства — капиталистом.

У каждой из двух формаций есть так называемое «основное противоречие». При рабстве представителям правящего класса достаточно просто отобрать у работника побольше, оставив ему поменьше, чтобы обеспечить себе более комфортное существование.

Таким образом, основное противоречие рабства как формации — противоречие между правящим классом и непосредственными производителями при дележе произведенного продукта.

А вот при капитализме все сложнее. Конечно, капиталист тоже стремится взять себе побольше и отдать рабочему поменьше. Однако при системе, где рабочая сила является предметом купли-продажи, капиталисту недостаточно произвести товары, их еще и продать надо. Продать тем же самым рабочим, которые и есть основная масса потребителей. И если они будут бедны, то кто покупать будет? Таким образом, основное противоречие капитализма — не между «общественным характером производства и частным характером присвоения», как нас учили в школах. Общественный характер производства имеет место не только при капитализме, но и, например, при тоталитарных режимах, которые есть на самом деле «рабские контрреволюции», но об этом ниже; присвоение же в любом классовом обществе «частное», ибо присваивает и распределяет прибавочную стоимость правящий класс, т.е. часть общества, причем меньшая часть. Основное же противоречие капитализма — между отношением правящего класса к трудящимся как к производителям и его же отношением к ним же как к потребителям. В первом аспекте проблемы правящий класс, как и при рабстве, заинтересован в том, чтобы присвоить себе побольше, а трудящимся дать поменьше, но во втором аспекте капиталисты заинтересованы в том, чтобы трудящиеся получили побольше — в целях поддержания потребительского спроса.

Ну, при раннем капитализме, когда большинство или значительную часть общества еще составляют представители докапиталистических классов, продать товары можно им, или вообще за пределы своей страны; однако со временем большинство населения превращается в пролетариев, не имеющих своих

средств производства, да и внешние рынки не безграничны. Что же тогда делать? Да и бедность большинства населения для правителей весьма опасна. Приходится искать выход через рост производительности труда. Происходит формирование нового «среднего класса» — теперь уже из наемных рабочих; в современных развитых капиталистических странах он достиг уже 80–90% населения.

Есть и еще одно отличие — характер стимула, побуждающего непосредственного производителя к труду. Если рабство предполагает в основном внешнеэкономические стимулы к труду, то капитализм — экономические.

Имеется различие и в отношении к собственности. При рабстве первична власть: у кого власть, у того и богатство, потеря же власти очень часто сопровождается и потерей если не всего богатства, то значительной его части.

Капитализм меняет соотношение власти и собственности полярно: у кого собственность, у того и власть; при этом потеря той или иной группой капиталистов власти не означает потерю ими собственности — частная собственность священна и неприкосновенна.

В результате правящие круги капиталистических стран перестают «мертвой хваткой» держаться за власть, становится возможной как мирная, демократическая передача власти, так и развитие (хотя очень медленное и постепенное) системы свободы выражения политических взглядов, т.е., попросту говоря, демократия.

Есть и другие различия, но для нас главное другое. XX век, как известно, породил так называемые тоталитарные режимы в тех странах, где к началу XX в. — к моменту появления СМИ как средства «оболванивания» широких масс населения — еще не сформировались прочные буржуазно-демократические традиции (Россия, Германия,

Италия, Испания, Япония, страны Восточной Европы — в дальнейшем мы будем именовать их странами Второго эшелона капитализма, — не говоря уже об азиатских государствах). Страны Первого эшелона — Англия, Франция, США, Нидерланды, Скандинавские страны, где капитализм победил не в середине XIX в., как в странах Второго эшелона, а еще в XVI–XVIII вв., где политическая власть к XX в. прочно находилась в руках буржуазии (а не добуржуазной аристократии, как во Втором эшелоне), где успели сформироваться прочные буржуазно-демократические традиции — устояли против натиска тоталитаризма и сохранили демократию, хотя тенденции к тоталитаризму имели место и там (вспомним хотя бы годы «маккартизма» в США).

Все тоталитарные режимы, независимо от того, как они называются и какого цвета знаменами размахивают, есть «рабские контрреволюции» — неважно, идет ли речь о России 1917 г., Италии 1922 г., Германии 1933 г., Восточной Европе и Китае после 1945 г., Иране 1979 г. и т.д.

Рабские тоталитарные режимы XX в., представляющие собой попытки повернуть колесо истории вспять, создали и уникальную систему внешней политики — так называемую «оборонительную агрессию» (впрочем, начало ей было положено еще в странах «Священного Союза» XIX в., который являлся орудием борьбы уходящего рабства с наступающим капитализмом). Рабские режимы не могут (да и не хотят — они вообще смотрят на производство потребительских товаров для населения как на издержки производства (подробнее см.: *Восленский М.С.* Гл. 4, особ. С. 242–243)) обеспечить своему населению уровень жизни, сопоставимый с таковым в развитых капиталистических странах. При этом для их руководства является очевидным, что любые «железные занавесы» и «границы на замке» способны лишь приостановить, но не пресечь со-

всем распространение среди подвластного им населения правды о жизни «за бугром».

Поэтому единственным окончательным решением проблемы для рабских режимов является ликвидация мировой капиталистической системы как таковой, распространение своего владычества на весь мир.

Глава III

ПОЧЕМУ РОССИЯ?

Вся эта интернациональная шайка, столь же бессовестная, сколь и талантливая, превратила Россию в плацдарм для своих глобальных планов.

(Ф. Энгельс, 1890)

Многие авторы писали об особом пути развития России и о том, что она просто обречена на противостояние Западу и принципиально неспособна принять ценности современного общества («западные», «капиталистические» или «общечеловеческие»). Писали об этом и со знаком «плюс» (славянофилы, евразийцы, Дугин), и со знаком «минус» (Чаадаев, Новодворская). Кажется, российский интеллигент вообще способен воспринимать Россию только в двух крайних ипостасях. Либо «Россия — исчадие ада», и тогда «хорошо все, что плохо для России» (если он «общечеловек»), либо «Россия — град Божий на земле» и «богоизбранная страна», а все вокруг (в первую очередь, естественно, Запад) только и делают, что строят против нее козни (если он «державник»). На что не способны ни те, ни другие — это представить Россию нормальной страной, такой же, как все, со своей историей, в которой было всякое — и хорошее, и плохое, со своими национальными интересами, со своими врагами и союзниками, которые могут в разных обстоятельствах и меняться местами...

Из этого подхода к своей стране органически вы-

текает другой. Еще И.А. Ильин писал о том, что на Западе (да и многие в России, точнее, среди русской эмиграции на том же Западе) отождествляют СССР с Россией, в частности, отождествляют глобальную экспансию СССР с целью установления «мирового коммунизма» — с традиционной региональной экспансией царской России (Наши задачи. Кн. 1. С. 8–9), хотя царизм никогда, даже в бытность свою «жандармом Европы», на мировое господство не претендовал. Так, в 1959 г. в специальном меморандуме, выпущенном Госдепартаментом США, в списке поработоченных коммунистами народов указывались все народы СССР, кроме русских.

Прошло еще тридцать лет, и в годы «перестройки» украинские националисты заявили о том, что, мол, «коммунизм — это миф, что это не коммунисты, а русские хотят захватить весь мир» — и вот уже, констатирует А.И. Солженицын, американцы пишут о том, что «русские» захватили Китай или Тибет (Цит. по: *Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию*// Комсомольская правда. 1990. 18 сентября.).

Подливают масла в огонь и сами коммунисты, особенно поклонники Сталина. «Ненавидеть Сталина — значит ненавидеть Россию!» — об этом высказывании С.Г. Кара-Мурзы уже говорилось. Об «Анти-российской подлости» Юрия Мухина тоже. И таких примеров можно привести много. Стоит ли после всего этого удивляться, что зарубежные (да и доморожденные) недоброжелатели России снова заговорили о том, что наша страна должна извиняться, а то и платить компенсации за злодеяния коммунистов против их стран — Польши, Грузии или стран Балтии?

Насколько, однако, правомерно отождествление России с коммунистами? Чтобы ответить на этот вопрос, помимо всего прочего, не мешает проанализировать состав ведущих деятелей различных российских политических сил накануне, во время и вскоре после 1917 г. с локализацией их «малых родин» на

территории Российской империи. Для анализа берутся наиболее известные «белые» и «красные» военачальники, лидеры и виднейшие деятели различных политических партий, активные участники Октябрьского переворота и Гражданской войны, а также «красные» и «белые» представители различных национальных окраин Российской империи в количестве более 1000 человек.

При этом ставится задача: вычислить процент родившихся за пределами нынешней Российской Федерации; кроме того, отдельно вычисляется процент родившихся на западных землях, присоединенных к России при Екатерине II или позже.

Необходимо учесть и еще один аспект проблемы. Россия представляет собой органическое единство восточнославянских и степных народов, созданное еще в XII в., когда Владимир Мономах соединил Русь и Кипчакскую Степь в одно полицентрическое государство (подробнее поговорим об этом ниже). Поэтому заслуживает внимания и такой вопрос: какой процент лидеров различных политических движений России начала XX в. родился за пределами Евразийского единства, которое, по нашему мнению, включает в себя Россию (без некоторых регионов Кавказа), Украину (без Галичины), Белоруссию, Казахстан и Северную Киргизию.

Итак, начнем с военных деятелей Белого движения (персональные данные берутся из Советской исторической энциклопедии, электронных энциклопедий «Википедия» и «Хронос»). Так вот, из 340 имен 105 (30,88%) родились за пределами нынешней Российской Федерации. Из них 28 (8,24%) приходится на западные губернии, только при Екатерине II и позже вошедшие в состав России. За пределами же Евразийской общности родился 31 человек, т.е. 9,11%.

Переходим к военачальникам Красной Армии. При этом при анализе командного состава Красной Армии необходимо различать «красноармейцев по

призванию» и так называемых «спецов» — высокопоставленных офицеров старой русской армии, пошедших на службу красным часто по принуждению. Разделение провести не всегда просто. Разумеется, прапорщика Крыленко, внезапно ставшего Верховным Главнокомандующим, или поручика Тухачевского, возглавившего армии и фронты, правильнее причислить к первым, а не ко вторым. В целом же при разделении будет учитываться время нахождения в Красной Армии, быстрота карьеры и некоторые другие факторы. Кроме военных, будут проанализированы и некоторые гражданские «спецы».

Итак, **красные военачальники** и «**спецы**». Из 155 красных военачальников за пределами нынешней РФ родилось 71 (45,8%), из них на западных территориях, присоединенных при Екатерине II и позже — 35 (22,6%). Из 27 «спецов» к этим категориям относятся соответственно 9 (33,5%) и 3 (11,1%). Что касается родившихся за пределами Евразийской общности, то их насчитывается 34 (21,94%) среди красных военачальников и 3 (11,1%) среди «спецов».

Теперь перейдем к гражданским политическим деятелям. Начнем с **руководителей и активистов буржуазных партий**. Мы получаем из 69 активистов буржуазных партий 18 (26,08%), родившихся вне границ нынешней России, в том числе четверых (5,8%), родившихся на территориях, присоединенных к России при Екатерине II и позднее. За пределами же Евразийского единства народов их родилось 6 (8,7%).

Теперь логично было бы перейти к **активистам большевистской партии**, а также **советским и хозяйственным работникам** первых десятилетий существования СССР. Из 310 большевистских партийных деятелей, игравших более или менее значительную роль уже в годы Гражданской войны, 152, т.е. почти половина (49%), родились за пределами нынешней Российской Федерации; 70 (22,6%) из

них приходится на западные области, присоединенные к России при Екатерине II или позже. За пределами же Евразийской общности родились 71 (22,9%) из них.

Заслуживают, бесспорно, внимания и **активисты других** (кроме большевиков) **социалистических партий**. Из 59 из выдающихся деятелей 22 (37,29%) оказываются родившимися за пределами нынешней Российской Федерации, в том числе 13 (22,03%) — на западных территориях, присоединенных при Екатерине II и позже. За пределами же Евразийской общности родилось 8 (13,56%) из них.

Итак, подведем некоторые итоги в виде сводной таблицы (см. табл.).

	Родились за пределами нынешней РФ	Родились на новых территориях, присоединенных к России при Екатерине II и позже	Родились за пределами Евразийской общности
Белые военачальники	30,88%	8,24%	9,11%
Красные военачальники	45,8%	22,6%	21,94%
«Спеццы»	33,3%	11,1%	11,1%
Активисты буржуазных партий	26,08%	5,8%	8,7%
Большевики	49%	22,6%	22,9%
Социалисты	37,29%	22,03%	13,56%

Говоря о Евразийском пространстве, не забудем, что по переписи 1979 г. население СССР насчитывало 262 млн чел., а в границах 1913 г. (т.е. примерно с 40% Польши и с Финляндией, но без Галичины) — порядка 275 млн чел. Из этого количества

на Евразийское единство приходилось 224 млн, т.е. 82,55%.

Таким образом, мы видим, что количество родившихся за пределами нынешней России, равно как и на новых территориях, присоединенных к России при Екатерине II и позже, у большевиков значительно выше, чем у их белых оппонентов, и даже выше, чем у членов других социалистических партий. Что же касается Евразийской общности народов, то процент родившихся за ее пределами только у большевиков превышает долю неевразийских территорий в населении Российской империи (17,45%). Таким образом, большевизм не был явлением ни — вопреки высказываниям недоброжелателей России и их «спарринг-партнеров» из коммунистического лагеря — специфически российским, ни — вопреки заклинаниям бывших и нынешних евразийцев — специфически евразийским. Впрочем, не выдерживает критики и противоположная точка зрения, популярная в некоторых националистических кругах, — о том, что большевизм представлял собой «оккупацию России инородцами»: более половины видных большевиков родилось все же на территории нынешней России и более трех четвертей — на территории Евразийского единства народов. Поэтому правильнее будет говорить о созданном большевиками государстве как о наднациональной коммунистической империи.

Разберем и это. Позже. А пока поговорим о том, как Россия пришла к тоталитаризму. Да, Россия представляет собой славянско-степное евразийское образование, созданное на основе симбиоза восточных славян и кочевников Великой Степи (современные юг России, Казахстан, Северная Киргизия). Это образование составлялось со скифо-сакских времен и завершилось в XI–XII веках нашей эры, когда степную часть Евразии заселили предки и ныне населяющих ее тюркских народов — в основном кипчаки. В XII в.

было сформировано русско-кипчакское полицентрическое государство, занимавшее территории современных России (кроме Кавказа и Восточной Сибири), Украины, Белоруссии, Казахстана и Северной Киргизии (*Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993. С. 327*). Это государство было евразийским, поскольку было также основано на славянско-степном симбиозе, но и европейским, открытым тогдашнему Западу, неагрессивным и для своего времени достаточно свободным.

В XIII в. это государство было завоевано татаро-монголами, придавшими облику и внутренней и внешней политике России-Евразии агрессивно-деспотический характер. Вплоть до времени последних Рюриковичей деспотические тенденции укреплялись, и закончилось это потрясениями Опричнины и Смуты. С 1613 г. снова взяли верх европейские тенденции, и развитие России пошло по тому же пути, что и всей Европы, — в сторону освобождения. В этот период (1613–1815 гг.) в постепенной либерализации заинтересованы были все слои населения страны, и в первую очередь дворянство.

Ситуация изменилась после известных событий 1789–1815 гг. в Европе. Капитализм, возникший в XVI–XVII вв. в нескольких протестантских странах, стал теперь претендовать на универсальность. Это вынудило рабские режимы Европы сплотиться в борьбе против капиталистического Запада.

Именно эти соображения вынуждали Россию, а также Австрию и Пруссию превратиться в «жандармов Европы»; в целях борьбы с капиталистическими революциями. Александр I и Меттерних разработали доктрину о праве вмешательства во внутренние дела другой страны, если она охвачена революцией (в 1960-х гг. доктрина Меттерниха получила продолжение в виде доктрины Брежнева об «ограниченном суверенитете» стран «социалистического лагеря»). Внутри России эта политика ото-

звалась «закручиванием гаек» в царствование Николая I (1825–1855).

Россия и тут не оригинальна. Например, в XVI–XVII вв. «жандармом Европы» была наднациональная империя Габсбургов, ядро которой в те времена составляла Испания. Но тогда и задачи «жандарма» были локальными: сколько было очагов «западной» цивилизации — раз-два и обчелся, Англия да Нидерланды. Теперь время было не то. Пожалуй, впервые в истории руководителями Священного Союза в это время была поставлена внешнеполитическая задача глобальной консервативной революции (по терминологии А.Г. Дугина) или, если говорить нашим языком, «рабской контрреволюции»; Александр I в 1817 г. носился даже с идеей интервенции в Южную Америку с целью реставрации там испанского господства.

Между тем в эпоху «европоцентризма», когда Европа была центром мира, а остальной мир — колониальной периферией, Россия была непобедима и неуязвима для вторжения противника; именно эти соображения немало способствовали росту глобальных амбиций у ее правителей. Тот же факт, что изо всех стран Европы именно Россия была к началу XIX в. наименее подвержена влиянию капитализма (начавшего развиваться как уклад лишь в царствование Екатерины II), определил ее ведущую роль в ходе борьбы против последнего в течение почти всех XIX и XX веков. В угоду классовым интересам правящих кругов был нарушен отвечавший национальным интересам России внешнеполитический принцип «дружить не с соседом, а через соседа»; он был заменен континентальным союзом России с соседями — Австрией и Пруссией. Кончилось это, однако, плохо: во время Крымской войны «друзья» предали Россию, ударив ей в спину.

Незавершенность реформ Александра II, проводившихся сверху, привела к тому, что со второй половины XIX в. как во внутренней, так и во внешней

политике Россия как бы «шла одновременно вперед и назад». С одной стороны, развивалось свободное гражданское общество, страна все более эволюционировала к современному государству; с другой стороны, правящие классы — дворянство и бюрократия, точнее, наиболее реакционные круги тех и других, — усиливали против всего этого борьбу, что проявилось в издании в 1878–1881 гг. серии чрезвычайных законов, от которых был всего один шаг до законов тоталитарного государства; другое дело, что в условиях страны с рыночной экономикой и развитым общественным мнением эти законы не могли широко применяться на практике (*Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 394–411).

Две тенденции во внутреннем развитии порождали шараханья и во внешней политике. Вот только краткий перечень этих шараханьей:

1856–1859 — союз с Францией;

1860 — первая половина 1870-х — поддержка Пруссии;

1875 — поддержка Британии и Франции в их конфликте с Германией;

1878–1891 — союз с Австрией и Германией («союз трех императоров»);

1890-е — союз с Францией;

1904–1905 — попытка союза с Германией;

1906–1917 — союз с Западом против Германии.

Однако раздавались и голоса, призывавшие к прогерманской ориентации; германофильские настроения были очень сильны в ближайшем окружении Николая II и вообще в дворянских и военных кругах.

Что касается русских императоров, то они так и не решились стать однозначно на сторону какой-то из противоположных тенденций. Как для «рабской контрреволюции», так и для завершения буржуазной революции («сверху» или «снизу») явно требовались люди порешительнее.

В начале XX в. агрессором номер 1 стала еще одна «полурабская» страна — кайзеровская Германия, развязавшая Первую мировую войну. Экономически Германия была более развита, чем Россия, но и там политическая власть оставалась в руках полусамодержавной монархии и дворянской бюрократии, то есть тех же правящих классов, что и при рабстве, а не буржуазии.

Но особенно усилилась агрессивность рабских режимов с возникновением тоталитаризма. Большевики отбросили все свойственные царям сомнения по поводу того, идти вперед или назад, и установка однозначно была взята на глобальную «консервативную революцию» (точнее — «рабскую контрреволюцию») в красном варианте. Вот о возникновении тоталитаризма в России и поговорим.

Глава IV

НАЧАЛО

Если бы в 1917 г. кто-нибудь сказал, что через двадцать лет будут говорить о «двух вождях революции — Ленине и Сталине», то это было бы сочтено в лучшем случае глупой шуткой.

(Д.А. Волкогонов. Триумф и трагедия)

28 июня 1914 г. наследник австро-венгерского престола эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит в Сараево. Прошло чуть больше месяца, и началась Первая мировая война. У исследователей той эпохи снова и снова возникает вопрос: кому было выгодно сараевское убийство? Явно не Сербии или кому-то еще из стран Антанты. Не говоря уже о том, что сами подозрения такого рода бросали тень на страны Антанты, особенно на Сербию и Россию, им невыгодно было спешить с началом войны. Время работало на них: Австро-Венгрия и еще одна потенциальная союзни-

ца Германии — Турция — постепенно слабели; во Франции проводилась в жизнь программа перевооружения, которая должна была завершиться в 1916 г.; в России завершение аналогичной, но еще более грандиозной программы ожидалось в 1917 г. (к слову, она почти и удалась, несмотря на войну и революцию). Кроме того, в нашей стране проводились конституционная и аграрная реформы, и для их успешного завершения требовалось еще минимум десять лет.

Болеетого, официальный Белград, имея некоторые сведения о готовящемся убийстве, не только предупреждал Австрию, но и пытался помешать убийцам перейти австро-сербскую границу. Не из большой любви к Австрии, а потому, что тоже видели: к войне не готовы! Надо подождать! (*Полетика Н.П.* Возникновение Первой мировой войны. М., 1964. С. 22–25).

Самый простой ответ на вопрос, «кому выгодно»: Германии! Союзники слабеют или начинают думать об измене, а враги усиливаются? Так начать войну, пока всего этого не произошло! И кое-что подтверждает эту точку зрения. Например, возьмем саму дату маневров — 28 (по старому стилю 15) июня. Именно в этот день Сербия отмечала траурную годовщину — 525 лет со дня битвы на Косовом поле, после которой Сербия попала под власть турок. Если хотели спровоцировать сербов, то лучше, как говорится, не придумаешь! Есть и другие подтверждения «германского следа» (подробно см.: *Писарев Ю.А.* Австро-сербский конфликт — пролог Первой мировой войны (мифы и факты)// Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994. С. 7–9; *Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Л., 1930. С. 17 и т.д.).

Но если Германия хотела начать войну, неужели нельзя было состряпать дело так, чтобы «вина» сербов бросалась в глаза, чтобы никто, нигде не сомневался? На практике получилось, что австрийцы так и не смогли доказать причастность официального Белграда к убийству вообще (*Котова Е.В.* Сараевское

убийство 28 июня 1914 г. и закат империи Габсбургов// Цареубийства. Гибель земных богов. М., 1998. С. 472) и в конце концов начали войну против Сербии по принципу «у сильного всегда бессильный виноват». Что с первых же дней серьезно отразилось на репутации Германии и ее союзников во всем мире. В общем, если это все планировалось австрийской или германской разведкой, то после начала войны ее руководители должны были застрелиться. Или как минимум подать в отставку. От осознания собственной профнепригодности.

Непричастность официального Белграда к сараевскому убийству вроде бы очевидна. Но, кроме официального Белграда, был еще очень могущественный Белград неофициальный. 8 февраля 1910 г. была создана могущественная тайная организация «Объединение или смерть», получившая неофициальное название «Черная рука». Организация ставила своей целью воссоединение югославянских земель, половина которых попала под власть Австро-Венгрии. Принятый 3 марта 1911 г. статут «Черной руки» предусматривал, что она «организует революционные акции на всех территориях, где живут сербы» (*Полетика Н.П.* Сараевское убийство. С. 145–147). При этом «Черная рука» была создана и управлялась по принципу тоталитарной секты. Всякий член организации, вступив в нее однажды, уже не имел права выхода. При этом он должен был беспрекословно повиноваться руководству — «Верховной Центральной управе», а также вербовать новых членов для нее.

Рядовой член организации знал только своего поручителя (т.е. того, кто его завербовал и кто отвечал за его лояльность собственной головой), членов своей пятерки и лиц, завербованных им самим (за которых соответственно отвечал головой он). Только члены «Верховной Центральной управы» знали друг друга в лицо, а подчиненных — по именам. «Верховная Центральная управа» никак не была по-

дотчетна рядовым членам, в ней состояли бессленно основатели организации, хотя непонятно, как замещались места, освободившиеся, скажем, в случае смерти кого-либо из членов управы. Вероятно, путем кооптации.

Н.П. Полетика сравнивает эту организацию с чудовищными мечтами Петра Верховенского в романе Достоевского «Бесы» (Там же. С. 151–155). Но и у настоящих русских революционеров были подобные организации — например, знаменитый «нечаевский кружок». Его создатель, Сергей Нечаев, полагал, что после победы революции всеми делами будет заправлять некий тайный и никому не подотчетный «комитет»; еще не захватив власть, нечаевцы уже насаждали принудительное единомыслие и безжалостно убивали «отступников». Так, в 1869 г. произошло нашумевшее убийство некоего Ивана Иванова.

И аналогиями дело не ограничивалось. В «Черной руке» на первый взгляд однозначно правонационалистической организации, было леворадикальное крыло. При этом члены «Черной руки» не только усвоили практику русских революционеров-народников, в том числе индивидуальный террор (*Полетика Н.П. Возникновение Первой мировой войны*. С. 16), но и увлекались спорами о социализме, зачитывались Герценом, Чернышевским, Бакуниным. Убийца Франца-Фердинанда Гаврило. Принцип, член боснийского филиала организации — «Млада Босна» — исключением не был (*Полетика Н.П. Сараевское убийство*. С. 181, 201–203).

Некоторые историки и писатели — например югослав В. Дедиер, немцы Бруно Брэм и С. Поссоны, австриец Ф. Вюртле — прямо указывают на связь русских революционеров с боснийскими террористами. И если великой державе России было выгодно как можно больше оттягивать начало войны, то революционерам — в первую очередь большевикам — напротив, необходимо было спешить.

Если почитать работы Ленина с 1907 по 1914 год, то становится очевидно, что «вождь мирового пролетариата» загрустил. Он видел, что делается в России. Видел, что Столыпинская реформа постепенно проводится, что означает в перспективе смягчение аграрной проблемы и уменьшение революционного потенциала деревни. Видел, что страна, пусть и медленнее, чем надо, превращается из полусредневековой самодержавной монархии в современное государство. И понимал, что его поезд уходит. В 1917 г. Ленин в припадке честности напишет, что без мировой войны, возможно, никакой революции «против капиталистов» в России и не было бы «еще годы и даже десятки лет» (ПСС. Т. 32. С. 31)

И это видел не только Ленин, но и, например, авторы вышедшего в 1909 г. сборника «Вехи». Так, П.Б. Струве писал о кризисе социализма в России, о том, что русская интеллигенция постепенно «обуржуазится», т.е. примирится с государством и органически стихийно вольется в существующий общественный уклад, распределившись по разным классам общества. В интеллигенции уже началось глубокое брожение, зарождались новые идеи, а старые идейные основы (т.е. курс на «немедленное осчастливливание народа путем принудительного социализма». — Д.В.) были поколеблены и скомпрометированы (*Струве П.Б. Интеллигенция и революция*// Вехи. М., 1909. С. 144–145). Примерно о том же писал и другой автор сборника — М.О. Гершензон, добавляя, что «теперь молодого человека на пороге взрослой жизни уже не будет встречать «строгое общественное мнение и сразу указывать ему простую и ясную цель». Самому придется головой работать! (*Гершензон М.О. Творческое самосознание*// Там же. С. 90–92).

Об оздоровлении общественно-политического климата России после 1905 г. говорит хотя бы такой факт. Когда в 1904 г. разразилась Русско-японская война, то во всех сколько-нибудь левых и либеральных

кругах было хорошим тоном желать России поражения и радоваться неудачам русского оружия. Когда же в 1914 г. началась Первая мировая война, позицию «поражения своего правительства в империалистической войне» заняли только большевики. Все прочие левые (о либералах и говорить нечего) встали на патриотические позиции. А разразись война еще лет через десять, пораженческую позицию в России, скорее всего, вообще бы никто не занял. Но война разразилась в 1914 году... Так что убийство в Сараево поспело как нельзя вовремя. Как будто по заказу.

А может быть, и действительно прямо по заказу? Есть, например, указания на то, что главу сараевских заговорщиков — некоего Казимировича — лично знали Троцкий и Луначарский. Более того, именно Троцкий дал ему команду на исполнение теракта (*Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. С. 47–48*).

Однако против этой точки зрения имеется, по крайней мере, одно возражение. В чем в чем, а в уничтожении политических противников методом террористических убийств Ленин и вообще большевики никогда и никем замечены не были. В большинстве своем.

Но были в партии большевиков и такие товарищи, которые в подобных методах были замечены. Один из них хорошо известен всем и каждому. Его дела по части политических убийств своих противников и просто неугодных известны тоже очень неплохо. Вот краткий, далеко не полный перечень таких убийств и просто криминальных актов, организованных этим товарищем. 1907 — ограбление Тифлисского банка. И это не единственное ограбление, а лишь самое громкое. 1925 — загадочная смерть наркома (министра) обороны СССР М.В. Фрунзе во время операции желудка, которая ему, судя по всему, не требовалась. 1926 — загадочная смерть основателя советской политической полиции Ф.Э. Дзержинского на 49-м году жизни. 1932 — загадочная смерть

собственной жены, формально это было самоубийство, но ходили упорные (полностью и до конца никогда и никем не опровергнутые) слухи об убийстве. 1934 — убийство С.М. Кирова. 1935 — загадочная смерть председателя Госплана СССР В.В. Куйбышева на 47-м году жизни. Куйбышев был одним из самых активных, если не самым активным, противником возможного суда над политическими оппонентами интересующего нас товарища — Зиновьевым и Каменевым (*Конквест Р. Большой Террор. Флоренция, 1974. С. 166*). 1936 — загадочная смерть «буревестника революции» Максима Горького. 1937 — загадочная смерть наркома тяжелой промышленности Серго Орджоникидзе. Наконец, 1940 — убийство Троцкого. Список можно продолжать, но надеюсь, все уже поняли, о ком идет речь. Да, это он — Иосиф Виссарионович Джугашвили, он же Сталин, он же Коба, он же обладатель еще нескольких десятков кличек и псевдонимов.

Известно, что в 1930-х гг. Сталин разгромил так называемую школу историка М.Н. Покровского. Причем разгромил посмертно — Покровский скончался в 1932 г. и был с почестями похоронен у Кремлевской стены. Чем же это Михаил Николаевич Иосифу Виссарионовичу так не угодил? Да если бы и не угодил, то неужели нельзя было исказить высказывания покойника так, чтобы Вождю это выгодно было? Что-то, а опыт по этой части у нас огромный. Знать, что-то высказал Покровский весьма Вождю неприятное, что тому хотелось бы забыть самому, а главное — заставить забыть окружающих. Что же именно?

Своего мнения не навязываю, но кое над чем стоит задуматься. Покровский высказал мнение, что свою роль в начале Первой мировой войны сыграла упоминавшаяся сербская националистическая организация «Черная рука», членом которой был Гаврило Принцип. Есть намеки на то, что именно это высказывание Покровского и послужило основанием для

посмертных репрессий против него (*Шерман Саши*. Черная рука// Gazeta.ru. 1999. 25 июня).

Причем на Покровского со стороны его же бывших учеников обрушивается (по приказу сверху, естественно!) поистине площадная брань. На спокойного, сдержанного Сталина такая ругань вообще не похожа. Виктор Суворов приводит один пример того, как обычно молчаливый хладнокровный Сталин унизился до базарной ругани и дешевых оскорблений. Это произошло, когда он узнал о сообщении французского агентства ГАВАС в конце 1939 г. о своих (Сталина, естественно, а не агентства) планах относительно Второй мировой войны — столкнуть Германию с Западом, дожидаться взаимного ослабления враждующих сторон и потом вступить в войну самому и уничтожить тех и других. Сталин тогда назвал это сообщение «враньем, сфабрикованным в кафе-шантане» (*Суворов В.* Ледокол. М., 2002. С. 51–52). В данном случае были затронуты такие тайные планы Вождя, задеты такие струны его души, что он не сдержался и повел себя необычайно агрессивно. Не было ли чего-то подобного и в случае с Покровским?

А теперь перенесемся в Россию 1917 года. Роль Сталина в непосредственной организации Октябрьского переворота, как известно, не была значительной. Хотя, с другой стороны, утверждения некоторых авторов горбачевской эпохи о том, что Сталин провел октябрьские дни неизвестно где и чуть ли не «проспал» революцию — это, конечно, перегиб в другую сторону. Известно, где Сталин был и что делал, но ясно одно: его роль одной из ведущих не была.

Однако теперь у нас есть серьезные основания думать, что без Сталина в России в 1917 г. вообще ничего бы не произошло. Таким образом, концепция «двух вождей революции — Ленина и Сталина», казалось, окончательно и бесповоротно похороненная в 1956 г. (даже ярые сталинисты, кроме уж совсем выживших из ума, сейчас не решаются ее восстанавли-

вать), неожиданно получает право на второе рождение.

Однако «победа социализма в отдельно взятой стране» — это, по выражению Ленина, было «меньше чем полдела». Просто в целях самосохранения необходимо было распространение своего господства на весь мир. Буквально все писания коммунистических лидеров проникнуты одной мыслью: или коммунисты победят во всем мире, или их власть рухнет повсеместно.

Немногословный Сталин отлил эти призывы в чеканные формулировки «Краткого курса истории ВКП(б)»: выдвинутый еще Лениным тезис о построении социализма в отдельно взятой стране был назван «полной победой социализма», но не «окончательной»: «окончательная» объявлялась возможной только в мировом масштабе.

И призывами дело не ограничилось. Все 1920-е годы прошли в попытках экспорта революции: 1920 — в Польшу и Германию, 1920–1921 — в Иран, 1921 — в Монголию (успешно), 1923 — в Германию и Болгарию, 1925–1927 — в Китай, 1926–1928 — в Тибет, 1929 — в Афганистан, 1933 — в Синьцзян (отчасти успешно, но об этом речь впереди). Но была и еще одна, главная цель.

Глава V

БИТВА ЗА АМЕРИКУ

Война уже выиграна, но еще никто этого не понимает.

(Жан Тюлар, «Наполеон»)

Существуют серьезные основания полагать, что Великая депрессия 1929–1933 гг. была если не спровоцирована, то, по крайней мере, сильно усугублена вмешательством СССР и Коминтерна. Во всяком случае, при обыске в 1936 г. на одной из конспиративных

квартир Коминтерна в Нью-Йорке были найдены компрометирующие документы. И в мировой печати много писалось о демпинговом экспорте СССР продуктов труда заключенных (как раз тогда ГУЛАГ начал разрастаться из Соловецкого острова в Архипелаг).

И в самом деле, без Великой депрессии в Германии не пришел бы к власти «ледокол революции» Гитлер, как бы ни запрещал Сталин немецким коммунистам блокироваться с социал-демократами. Однако есть основания думать, что главной целью была не Германия.

В 1920–30-х гг. в СССР много писалось об особой роли США в будущей «мировой революции». И слова с делами не расходились. Ни в одной демократической стране коммунисты не действовали так конспиративно, как в США. Некоторые авторы объясняют это тем, что среди основателей КП США было много выходцев из бывшей Российской Империи, которые привыкли работать в нелегальных условиях и, попав в свободную страну, продолжали работать в том же режиме (*Куксин И., Иоффе Г., Раев М.* Библиография № 170 21 мая 2000 г. Сайт <http://www.lebed.com/2000/art2153.htm>).

Звучит не очень убедительно хотя бы потому, что «выходцы из Российской Империи», включая и наших родных РСДРП(б)-шников, проще говоря, коммунистов-большевиков, с рубежа XIX–XX столетий и до 1917 г. прошли хорошую обкатку в свободных странах и знали, как там надо работать. Тем более что печальный урок был: II съезд РСДРП — тот самый, на котором, по словам Ленина, и возник большевизм как движение — начали в Брюсселе, но, привыкнув к нелегальщине, вместо того чтобы арендовать помещение и провести, как принято в свободной стране, они по одному, крадучись и оглядываясь, собрались в пожарном сарае. Ну, натурально, бельгийские обыватели приняли их за анархистов-террористов, донесли в полицию, так что из Бельгии ребят, что на-

зывается, попросили, и пришлось завершать работу в Лондоне. Короче говоря, неужели Коминтерн не проинструктировал свою американскую секцию, как надо работать в свободной стране?

Возможно, я ошибаюсь, но пока, за неимением лучшей версии, буду считать: Америке в планах коммунистов отводилось особое место. Небывалая степень развития капитализма и концентрации производства, огромное развитие профсоюзного движения, а с другой стороны, полная политическая свобода (в том числе и для экстремистов) — все это давало коммунистам большие надежды на то, что при благоприятных обстоятельствах удастся обратить американский народ «в свою веру». Хотя сегодня это кажется невероятным, но совсем другие настроения были тогда, когда крахом на Нью-Йоркской бирже 24 октября 1929 г. началась Великая депрессия.

Уже весной 1930 г. на коммунистический митинг в Нью-Йорке собралось 35 тысяч человек (*Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1981. С. 110) — небывалое явление в США как до, так и после 1929–1933 гг. Кстати, известна численность компартии США при ее основании (1919 г.) — 34 тыс. членов — и в 1939 г. — 66 тыс. Цифры огромные для США, если учесть, что в годы «холодной войны» компартия не превышала трех тысяч (*Куксин И., Иоффе Г., Раев М.* Указ. раб.), но гораздо интереснее было бы узнать число американских коммунистов не в конце, а в начале 1930-х гг.

Между тем зимой 1930–1931 гг. стало еще тяжелее. Целые регионы (например, большая часть штата Оклахома) опустели, оттуда выехали все, кто мог. Тысячи людей умирали от банального голода (только в Нью-Йорке в 1931 г. погибло от голода 2 тысячи человек). В 1931 г. начались «голодные походы» безработных на Вашингтон; один из них разогнан 28 июля 1932 г. войсками с применением газов и артиллерии. А 7 марта 1932 г. при похоронах в одном из крупных

городов четырех убитых демонстрантов, на их гробах стояли портреты Ленина, а оркестр играл русские революционные марши.

Коммунистическими настроениями стала проникаться и значительная часть американской интеллигенции. В противовес творящимся в Америке ужасам (без кавычек) многие представители последней расхваливали СССР, где, подумав только, «каждый имеет работу» (*Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт... С. 129–131*) — и это в те годы, когда русский, украинский и т.д. крестьянин имел все основания сказать даже и очень бедствовавшему по сравнению со временами «просперити» американцу: «Мне бы, дружок, твои проблемы!» И тут снова возникает вопрос об организованности кризиса на Западе — уж как-то очень вовремя он разразился, как раз тогда, когда Сталину нужно было отвлечь мировое общественное мнение от проводимой им коллективизации!

А часть американцев стала симпатизировать фашизму (Там же. С. 132). Ну, хрен редьки не слаще, а Сталин в любом случае оставался в выигрыше: победы вместо коммунистов фашисты — будет потом от кого «освободить» Америку! И вот незадолго до этого времени, в 1928 г., губернатором штата Нью-Йорк был избран Франклин Делано Рузвельт.

Рузвельт, вероятно, уже тогда понимал, что старый капитализм не сможет противостоять наступающему тоталитаризму, что необходимы серьезные социальные реформы. «Коммунистические идеи наберут популярность в стране, если мы не сумеем поддержать старые идеалы и первоначальные цели демократии», — говорил он летом 1930 г. (*F.D.R. His Personal Letters. Vol.3. N.Y., 1950. P.119–120*).

В 1931 г. в штате Нью-Йорк начала оказываться помощь безработным в размере 23 доллара в месяц. Немного, конечно, но это было примерно в десять раз больше, чем в среднем по стране, где людям помога-

ли только частные благотворительные организации (Яковлев Н.Н. Франклин Рузвельт... С. 115).

К тому времени, когда Рузвельт вошел 4 марта 1933 г. в Белый дом, Великая депрессия 1929–1933 гг. привела к очень тяжелым последствиям для США. Промышленное производство к 1933 г. упало до 46% от уровня 1929 г. Число безработных достигало, по некоторым данным, 17,9 млн чел. (*Perking F. The Roosevelt I knew. N.Y., 1946. P.182.*), т.е. примерно 13,25% всего населения. Зимой 1932–1933 гг. в ряде штатов толпы людей осаждали законодательные учреждения, банки, брали штурмом продуктовые магазины. Декан факультета бизнеса Гарвардского университета сказал в те дни: «Капитализм теперь под судом, и от исхода суда зависит вся западная цивилизация» (*Manchester W. The Glory and the Dream. N.Y., 1978. P.54*), и был прав. В последние дни перед приходом администрации Рузвельта разразился еще и банковский кризис.

Банки выбрасывали огромное количество ничем не обеспеченных «ценных» бумаг. Вкладчики изымали из банков золото и деньги. 14 февраля 1933 г. губернатор штата Мичиган с одобрения детройтских банкиров на восемь дней прекратил работу банков. А только за два дня перед приходом Рузвельта в Белый дом из банков было изъято 500 млн долл. (*Warren H. Herbert Hoover and the Great Depression. N.Y., 1967. P.291.*). 3 марта закрыли свои банки штаты Нью-Йорк и Иллинойс, где были сосредоточены основные финансовые центры США.

Заняв президентское кресло, Рузвельт сразу же, 6 марта (5-е было воскресеньем), ввел чрезвычайное положение и закрыл все банки. Собравшийся 9 марта Конгресс утвердил Чрезвычайный банковский закон. 10 марта был сделан шаг к установлению государственного контроля над золотом, что позволило декретировать золотое содержание доллара. Уже 13 марта открылись банки в 12 городах страны,

где находились центры ФРС США, 14 марта — еще в 250 городах, а 15-го — все остальные. Оздоровление банков привело к тому, что если в 1932 г. имелось 6145 банков с 22,3 млрд долл. вкладов, то в 1933 г. их число сократилось до 4897 с 20,8 млрд, а к 1939 г. выросло до 5203 с 33,1 млрд (Historical Statistics of the United States. Washington D.C., 1961. P.626).

Принятый 16 июня 1933 г. закон Гласса–Стигала разделил депозитные и инвестиционные функции банков, проще говоря, поставил запрет на одновременное владение контрольным пакетом акций банка и промышленного предприятия, что послужило барьером для спекулятивных операций и покончило с властью «финансового капитала». Одновременно была установлена страховка банковских вкладов на сумму до 2500 долл. (в 1934 г. размер страхуемой суммы поднялся до 5000 долл.). К 1939 г. этой страховкой было охвачено 14 219 общенациональных и местных банков с вкладами на сумму 45 млрд долл.

По банковскому закону 1935 г. совет управляющих ФРС, назначенный президентом, получил полномочия по определению суммы резерва, оставляемого в банках ФРС, что давало возможность облегчать или затруднять доступ к кредиту и влиять на деловую активность (*Бобраков Ю.Н.* США: федеральная резервная система и экономическое регулирование. М., 1971. С. 65).

Закон о помощи сельскому хозяйству давал право президенту уменьшать золотое содержание доллара или чеканить серебряную монету, Рузвельт выбрал первое. Путем выкупа по фиксированной цене все золото было окончательно национализировано, после чего, опираясь на закон «О золотом резерве», Рузвельт 31 января 1934 г. сократил золотое содержание золота с 25,8 до 15,25 грана; цена на золото была установлена 35 долл. за унцию. В итоге проценты по государственным займам упали за 1932–

1940 г. с 3,76% до 2,39%, по частным — с 4,25% до 2,9% (*Blum I. From the Morgentau Diaries. Vol.1. Boston, 1959. P.353*).

Закон о восстановлении промышленности от 16 июня 1933 г. предусматривал создание ассоциаций предпринимателей, которые формулировали (с последующим утверждением президентом) «Кодексы честной конкуренции». «Кодексы» устанавливали объемы производства, цены и другие правила сбыта, предписывали условия труда для работников. Закон был принят сроком на два года, причем в отношении образованных согласно ему ассоциаций предпринимателей приостанавливалось действие антitrustовского законодательства. Всего было составлено 557 основных и 189 дополнительных кодексов, объединявших на охваченных ими предприятиях 95% промышленных рабочих.

12 мая 1933 г. вышел закон о помощи фермерам. Закон поставил задачу вернуть паритет промышленных и сельскохозяйственных цен к уровню 1909–1914 гг. Министерство сельского хозяйства получило право премировать тех фермеров, которые добровольно согласятся сократить производство, а также право соглашения с занятыми обработкой сельскохозяйственной продукции предприятиями и с фермерами. В целях ликвидации кризиса перепроизводства было перепахано 10,5 млн акров хлопчатника, уничтожено 6,5 млн свиней и т.д. По закону же от 16 февраля 1938 г. «О регулировании сельского хозяйства» излишки подлежали уже не уничтожению, как повелось со времен Великой депрессии, но хранению, с условием выплаты фермерам денег за еще не проданные ими товары (*Золотухин В.П. Фермеры и Вашингтон. М., 1968. С. 89*).

С мая 1933-го по октябрь 1937 г. земельные банки предоставили займов 540 тыс. фермерских хозяйств на сумму 2,2 млрд долл., а 37% всего долга фермеров банки приняли на себя. В итоге число банкротств

среди фермеров к 1939 г. сократилось на 71%, сумма их долга — на 2 млрд долл., хотя паритет цен 1909–1914 гг. так и не был достигнут.

Новый кризис 1937 г. вызвал новый рост безработицы, сократившейся до 7,7 млн в 1937 г., до 10,4 млн к 1938 г. (*Perking F.* P.182.). Все это вызвало новый рост ассигнаций на помощь безработным. Еще 12 мая 1933 г. на пособия было ассигновано 500 млн долл. Всего же до 1939 г. на пособия было истрачено 4 млрд (*Мальков В.П.* Гарри Гопкинс: страницы политической биографии/ Новая и новейшая история. 1979. № 2. С. 34).

В апреле 1933 г. были созданы лесные лагеря для безработной молодежи, где молодые люди жили на полном обеспечении и получали сверх этого 30 долл. в месяц с условием, что 25 из них они отправят своим семьям. За 1933–1939 гг. через такие лагеря прошло 2 млн чел. (FDR. Public papers. 1934 vol. P.250). Кроме того, за 4,5 месяца осенью и зимой 1933–1934 гг. через специально организованные для решения проблемы безработицы гражданские работы прошло 4,5 млн чел. (*Ibid.* — P.456–459).

При Рузвельте впервые в США начался перевод трудящихся на пенсионное обеспечение. В августе 1935 г. были созданы фонды страхования по старости и безработице. Пенсионные фонды брали специальные налоги как с предпринимателей, так и с рабочих, которые составляли 1%, а к 1949 г. должны были возрасти до 3%. К 30 июня 1937 г. все штаты приняли статуы о пенсионном обеспечении. Эти статуы были еще очень несовершенны, пенсий не получали, например, работники сельского хозяйства или прислуга, но почин был сделан. Первоначально начало выплаты пенсий было предусмотрено с 1 января 1942 г., но потом его передвинули на 1 января 1940 г., причем в случае смерти пенсионера пенсия продолжала выплачиваться находившимся на его иждивении родственникам (United States Department of Labor.

Growth of Labor Law in the United States. Washington D.C., 1967. P.276).

Наконец, 27 июля 1933 г. был принят закон «О восстановлении занятости», ограничивавший рабочую неделю 40 часами (а Рузвельт рекомендовал 35 часов) при минимальной оплате 30 центов в час. Принятый в 1936 г. закон Уоллеса–Хили устанавливал полутора-кратную оплату сверхурочных (более 40 часов в неделю) работ. Этим законом запрещалось нанимать на работу юношей моложе 16 и девушек моложе 18 лет.

Итогом реформ Рузвельта, вошедших в историю как «новый курс», стало почти двукратное повышение промышленного производства к 1939 г. по сравнению с 1932 г. Но преобразования имели куда большее значение: они знаменовали конец «классического капитализма» и начало того, что мы сегодня называем «социальной рыночной экономикой». Конечно, на тот момент результаты были скромными, после войны Европа по степени социальности далеко обогнала США (а отпуска в США не оплачиваются до сих пор, тогда как во Франции, например, оплачиваемые отпуска были введены еще до войны, в 1936 г.). Однако начал Рузвельт. И экономика США, на долгие десятилетия ставшая доминирующей в мире, практически до сих пор работает по тем канонам, которые были созданы 70 лет назад.

Главное же — сорвался план Коминтерна походу к власти левых радикалов в США. Эта страна, вместо того чтобы поставить свою мощную экономику на службу мировому коммунизму, в будущем станет главным его противником.

В 1944 г., когда Вторая мировая война была практически выиграна США, Рузвельт в ходе своей четвертой предвыборной кампании скажет, что в 1933 г. существовала реальная угроза завоевания Америки чуждыми идеями — коммунистическими или фашистскими. Но американская демократия выстояла. «Американский народ требовал не ущемления, а рас-

ширения демократии и своего добился», — сказал Рузвельт (*Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. М., 1958. Т. 1. С. 120).

Битву за Америку Сталин проиграл. И приходилось уже сейчас действовать другим путем — «ледокольным».

Глава VI

ДЛЯ КОГО ПАКТ МОЛОТОВА - РИББЕНТРОПА БЫЛ ВЫНУЖДЕННЫМ?

Итак, «мировая революция» (коммунистический эффемизм вместо термина «мировая рабская контрреволюция») все никак не получалась. И тогда было решено развязать мировую войну, но чужими руками, чтобы избежать борьбы со всем миром.

Кто же мог в конкретной обстановке 1920-х гг. послужить орудием в руках большевиков для развязывания новой мировой войны?

Британия и Франция — победители в Первой мировой войне, пожавшие ее основные плоды — в новой войне явно не нуждались. США, поставившие Британию, Францию и все остальные страны Европы в финансовую зависимость от себя и вернувшиеся после этого к политике изоляционизма, — тем более. Италия и Япония, которые, хотя и принадлежали к числу победителей, но чувствовали себя обделенными, не прочь были бы пересмотреть результаты войны, но не имели достаточно сил, чтобы сделать это самостоятельно. Оставалась Германия.

Как СССР заключал военные соглашения с Германией, как он помогал Германии создавать танковые, авиационные и другие запрещенные Версальским договором рода войск, как готовились на территории СССР немецкие военные кадры — обо всем этом написано более чем достаточно (на русском языке наиболее подробно см.: *Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фа-

шистский меч ковался в СССР. М., 1992). Кстати, когда в марте 1935 г. Германия открыто отказалась от соблюдения условий Версальского договора и ввела всеобщую воинскую обязанность, начав готовиться к войне уже у себя дома, то Сталин в беседе с министром иностранных дел Британии А. Иденом 29 марта 1935 г. высказал не только понимание, но и одобрение этого шага (*Некрич А.М.* 1941. 22 июня. М., 1995. С. 22).

Много написано и про то, как Сталин, запретив в конце 1932 г. немецким коммунистам создавать левый блок с социал-демократами, расчистил Гитлеру дорогу к власти. Написано и про то, что, хотя нацизм был резко антикоммунистическим по своей направленности, СССР снова и снова искал путей сближения с Германией и в 1933–1934-м, и в 1936–1937 гг., более того, что конкретные обстоятельства заключения пакта о ненападении обсуждались на встрече в Берлине в июле 1936 г. советника советского полпредства (посольства) и высокопоставленных чиновников МИД Германии (Там же. С. 14–18, 24 и т.д.; *Конквест Р.* Большой террор. Флоренция, 1974. С. 409–411). Ну, а про то, что пакт Молотова — Риббентропа позволил нацистам захватить всю Европу в 1939–1941 гг., кажется, только ленивый не писал.

Апологеты Сталина, однако, однозначно утверждают: советско-германский пакт о ненападении был для СССР вынужденной мерой, нашей стране, дескать, необходимо было выиграть еще какое-то время, чтобы хоть немного лучше подготовить страну к войне. Из этого утверждения следует, что в 1939 г. СССР принял бы бой с Германией в условиях менее выгодных, чем в июне 1941 г.

Однако возражений против этой точки зрения более чем достаточно. Они повторялись неоднократно, а вот лишь некоторые из тех, которые могут быть сочтены более или менее новыми и оригинальными.

Во-первых, никому не приходит в голову простое соображение: неужели с Германией 1941 г., на которую работала промышленность всей Европы, справиться было легче, чем с Германией 1939 г.?

Во-вторых, вот еще одно простое соображение: если Гитлер чувствовал себя достаточно сильным для того, чтобы уже в 1939 г. сокрушить СССР, то почему не сокрушил? Неужели в такой ситуации он стал бы подписывать пакт с СССР? Сам же Гитлер уже в ноябре того же 1939 г. заявил, что договоры соблюдаются до тех пор, пока они выгодны! Собственно, этой причины достаточно; тут можно вспомнить анекдот о генерале, который объясняет вышестоящему начальству причины поражения, которых насчитывает семь: «Причина первая: не подвели патроны» — «К черту остальные шесть!» — отвечает вышестоящий командир. — «Одной вполне достаточно». Однако и «остальные шесть причин» заслуживают нашего внимания.

В-третьих, достоверно известно (и было известно тогда), что до 21 июля 1940 г., когда Гитлер отдал приказ о подготовке плана «Барбаросса», вопрос о войне против СССР в обозримом будущем не ставился даже теоретически.

В-четвертых, в сентябре 1939 г. Германия имела запасов мин и снарядов на 12–18 дней, танковых снарядов — на 6 (шесть!) дней, гаубичных снарядов — на 60 дней (*Muller-Hillebrand B. Das Heer, 1933–1945. Frankfurt/ M., 1954. Bd.1. S.161*).

В-пятых, известно, что в 1941 г., начав войну против СССР 22 июня, Гитлер не сумел ее закончить до осенней распутицы, губительной для немецкой техники с ее не рассчитанной на русское бездорожье низкой проходимостью. В 1939 г. Гитлер, затратив три недели на разгром Польши, мог напасть на СССР в лучшем случае 22 сентября. Нужны комментарии?

В-шестых, и это, вероятно, самое главное, у Гитлера не было стратегического сырья. Весь англо-

французский план войны против Германии строился на том, чтобы, не тратя напрасно солдатские жизни, удушить агрессора блокадой, которая к весне 1940 г. должна была поставить Третий рейх на колени. Именно этим, а вовсе не нежеланием западных союзников воевать объясняется «странная война» на Западе. План не сработал только потому, что СССР после подписания пакта начал бесперебойное снабжение Германии всем необходимым сырьем.

Возражения можно продолжать и дальше. Добавим еще соображения Виктора Суворова: едва ли бы Британия и Франция могли допустить, чтобы Гитлер, разгромив (допустим, что ему бы это удалось) СССР, стал бы хозяином в Европе. Хотя бы поэтому Гитлеру надо было предварительно покончить с Францией, на что должен был уйти (и ушел) 1940 год. Так что 1940 год тоже отпадал. Ну, а в 1941 г. Гитлер просто по погодным соображениям не мог напасть на СССР ранее мая (*Суворов В.* Святое дело. М., 2008. С. 138–140).

Но зададим наконец самый важный вопрос: для кого все же пакт был вынужденным? Очевидно, не для того, кто диктовал условия, а для того, кому диктовали! Если пакт с Германией был вынужденным делом для Сталина, то, вероятно, условия должна была диктовать Германия. А как было на самом деле? Для ответа на вопрос обратимся к широко известному автору — А.П. Паршеву.

У историков есть такое понятие — ненамеренное свидетельство. Это ситуация, когда свидетель (или историк-аналитик) утверждает одно, но между строк вопреки его желанию проступает другое. И это другое — правда.

Паршев доказывает нам, что пакт с Германией был для Сталина сугубо вынужденной мерой. В качестве подтверждения он приводит данные, например, о том, что в момент подписания пакта шло сражение на Халхин-Голе, не то что сопоставимое с польской кам-

панией Гитлера, но и превосходящее ее по масштабам (! Честное слово, не вру! — *Паршев А.П.* Почему Россия не Америка. М., 2000. С. 172). На самом деле на Халхин-Голе с обеих сторон действовало раз в двадцать меньше войск (см. хотя бы тома 2 и 3 «Истории Второй мировой войны»). Но вот автор — экономист или, по крайней мере, претендующий быть таковым — переходит к экономическим аспектам пакта Молотова — Риббентропа, и вся выстроенная им теория «вынужденности» пакта для СССР расплывается по швам.

Итак, когда Германия 15 августа 1939 г. обратилась к СССР с предложением заключить пакт о ненападении, глава Советского правительства В.М. Молотов ответил, что «первым шагом к улучшению отношений между СССР и Германией могло бы стать торгово-кредитное соглашение». Обратим внимание, продолжает Паршев, участие СССР в большой европейской войне пока не предполагается, а Германия ее вот-вот начнет. Это Германии, посылающей своих рабочих в армию, срочно требуется кредит — участие рабочих других стран... И было бы логично, если бы Германия просила кредит у СССР, а не наоборот. А. Молотов... требует, чтобы немецкие рабочие поучаствовали в укреплении обороноспособности СССР, он прямо указывает, что без этого «первого шага» он вторым заниматься не будет. Через два дня немцы кредит СССР предоставляют. Если бы СССР сумел взять кредит у будущих союзников — США и Англии, то это было бы уже подвигом. А взять кредит у совершенно очевидного противника — это невероятно, резюмирует Паршев (Почему Россия не Америка. С. 332–336). Золотые слова! Только для кого же в таком случае пакт был вынужденным?

А вот еще конкретный факт: в мае 1940 г., когда совершенно явно обозначилось превосходство английского флота над немецким, Гитлер продает Сталину недостроенный, т.е. новейший крейсер «Лютцов». Причина проста: Германия испытывает нехватку

стратегического сырья, которое Гитлер мог покупать только у Сталина либо через территорию СССР в третьих странах. В обмен приходится продавать технологию и боевую технику, включая новейшие самолеты, пушки, корабли, аппаратуру связи и управления огнем и т.д. (*Суворов В. День-М. С. 82–83*). Так кто кому диктовал условия?

А теперь слово снова Паршеву. Он приводит список станков и прочего оборудования, которое СССР закупал в Германии, добавляя: основная стоимость оборудования — это труд инженеров, техников и высококвалифицированных рабочих. В СССР в то время отсутствовали возможности для изготовления такого оборудования (*Почему Россия не Америка. С. 350*).

Есть и другие факты. Всю войну и много лет после нее на Урале работал уникальный пресс фирмы «Шлеман» с усилием 15 000 тонн. Этот пресс намного увеличил возможности для производства танков в СССР, и поставлен он был в тот момент, когда Германия воевала против всей Европы, а СССР оставался «нейтральным». А береговые батареи на Балтике возводили с помощью германских плавучих кранов фирмы «Дешимаг» (*Суворов В. День-М. С. 300–301*).

А вот — это снова у Паршева — список того, что СССР поставлял в Германию. Практически одно сырье. Кроме нефтепродуктов и масел, ничто из поставленного не прошло даже первичную обработку. Что из земли выкопали или что с курицы упало перед тем, как курицу, ощипав, отправить в суп, то и продали немцам. Ни одной пары немецких рабочих рук немцам не сэкономили. В результате для того, чтобы поставить в СССР товаров, скажем, на 1000 марок, немцам требовался труд пяти квалифицированных рабочих; СССР для поставок на аналогичную сумму требовался труд одного рабочего, и то неквалифицированного.

Так ведь и это не все. В дальнейшем были заключены новые торговые договоры, и в них наши ком-

мерсанты еще более осмелели. Например, немцам поставляли руду с таким низким содержанием железа, что приходилось ее обогащать, а в свои доменные печи мы его пустить все равно не могли. Немцы пытались поскандальить по этому поводу, но Сталин их укоротил, добавляет Паршев (Почему Россия не Америка. С. 351–352).

Хочется кричать: да как же Германия на такие условия согласилась!? А очень просто: а куда было деваться? В Европе нужного сырья нет, морские пути блокированы британским флотом, получать жизненно необходимое для войны стратегическое сырье можно только из СССР либо через территорию СССР.

Сталин знал, что Германии нигде, кроме как у него, взять сырье для войны нельзя, и поставлял его Германии, чтобы она воевала в Европе. Но условия диктовал он, а не Гитлер. Не было бы этих торговых соглашений, нечем Гитлеру было бы и воевать.

И вот Паршев (и многие другие) разглагольствует о «вынужденном» характере пакта с Гитлером для Сталина. И вот Паршев уверяет, что «Германия получила бы сырье и без СССР, через союзников». Интересно, от кого и какими путями?

Глава VII

О ВОЙНАХ СПРАВЕДЛИВЫХ И НЕСПРАВЕДЛИВЫХ

Когда сосед крадет мою жену — это плохо.

Когда я краду жену соседа — это хорошо.

*(Готтентотская пословица,
ставшая символом двойной морали)*

Ленинское определение войн, справедливых и несправедливых, данное еще до 1917 г., мало чем отличалось от общепринятого в цивилизованном мире. Справедливую войну вождь мирового пролетариата определил как войну, ведущуюся за защиту своей территории или за освобождение своей территории, ра-

нее захваченной врагом, а как несправедливую квалифицировал войну за захват чужой территории или удержание ранее захваченной чужой территории.

Определение было создано до 1917 г., когда большевики еще изображали из себя демократов, противостоявших царизму с его пережитками Средневековья — реальными и мнимыми. Не знаю, собирался ли Ленин изменять это определение после 1917 г. Возможно, собирался, но просто не успел. Напомню, что попытки экспорта «мировой революции» с 1917 по 1933 г., несмотря на отдельные удачи, в целом окончились провалом. И после любого провала становилось очевидным, что, как теперь принято говорить, мировое сообщество такой коммунистической экспансии не примет и окажет ей противодействие. И тогда было решено развязать мировую войну, но чужими руками, чтобы избежать борьбы со всем миром.

Как этот замысел реализовался, написано более чем достаточно и без меня. Для нас же важно, что Ленин, а потом и Сталин сочли нужным пока не менять определение войн, справедливых и несправедливых, чтобы не раздражать это самое мировое сообщество.

Ситуация изменилась к концу 1938 г. Выращенный к этому времени «ледокол» — Гитлер настолько громогласно заявлял о своих экспансионистских планах, а отчасти уже и начал их осуществлять (Австрия, Судеты), общественное мнение Запада было настолько взбудоражено этим, что на этом фоне произошло совершенно незамеченным изменение определения справедливой войны, данное в «Кратком курсе истории ВКП(б)».

Тем более что и изменение было вроде бы незначительным: к перечню справедливых войн, помимо указанных Лениным, были причислены и такие, которые «ведутся с целью освобождения той или иной страны от капиталистического рабства». Хотя на самом деле это «незначительное» изменение практически полностью развязывало руки СССР, особенно с учетом того,

что еще XVII съезд ВКП(б) (26 января — 10 февраля 1934 г.) уполномочил ЦК партии «во всякий момент разорвать все союзы и мирные договоры с империалистическими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну» (Резолюция XVII съезда, цит. по: *Суворов В.* Ледокол. М., 2002. С. 44). Эта резолюция, кстати, так никогда и не была отменена.

Если учесть, что в то время все страны, кроме СССР и Монголии, считались в нашей стране «буржуазными и империалистическими» и находящимися «в капиталистическом рабстве», то эта резолюция вкупе с определением «Краткого курса» давали СССР практически неограниченные возможности для развязывания войн: нападай на кого хочешь, хоть на Папуа — Новую Гвинею, только не забудь объявить, что идешь «освобождать ее от капиталистического рабства», вот и будет эта война «справедливая».

Кстати, «освободительные походы» Красной Армии 1939–1940 гг. без большой натяжки подходили под ленинское определение справедливой войны: если не считать Финляндии, которой Советская Россия сама дала независимость 31 декабря 1917 г., и Галиции, никогда России не принадлежавшей, то все территории, которые СССР присоединил в эти годы, были отторгнуты от России в 1918–1920 гг. без ее согласия. Как относилось к «освободительным» походам население этих территорий, — другой вопрос и тема отдельной беседы. Отмечу только, что это отношение, несомненно, сильно ухудшалось от того, что утраченные территории возвращались не в состав России, а в состав тоталитарного СССР.

Так или иначе, очевидно, что сталинское определение «справедливой войны» было придумано не для этих походов, а для каких-то других войн за другие территории, никогда России не принадлежавшие...

Но прошло еще два с небольшим года, разразилась Вторая мировая война, «ледокол»-Гитлер подмял под себя почти всю Европу, и вскоре, по замыслам со-

ветских архитекторов войны, должно было наступить такое время, когда «измученные войной народы мира обратят свой взор на Советский Союз и его Вооруженные Силы — главный оплот мира». То есть, попросту говоря, приближалось время «великого освободительного похода». Тут уже и «освобождение от капиталистического рабства» как критерий справедливости не очень годилось: сами же советские агитаторы немало потрудились над тем, чтобы разъяснить населению, что в Германии пусть не такой, как у нас, не совсем правильный, но все же социализм.

В общем, определение справедливой войны надо было срочно менять. И Сталин его изменил. Изменил гениально просто. В начале марта 1941 г. было объявлено, что «любая война, которую ведет Советский Союз, является справедливой» (*Бунич И.Л.* Гроза. С. 427). В обстановке начала 1941 г. Сталин мог себе позволить подобную «корректировку»: мир ее по понятным причинам просто не заметил. А кто разгадал замысел Сталина (Рузвельт и Черчилль), тот сделал вид, что не заметил, и не стал акцентировать внимание на определениях, а старался, чтобы «освободительный поход» был сорван превентивным ударом Гитлера и никогда не состоялся (о том, как это делалось, речь пойдет дальше). А после этого так ли будет важно, какая война в определении Сталина считается справедливой?

Впрочем, советская практика пока отставала от теории. В реальности СССР, не довольствуясь «благородной целью освобождения от капиталистического рабства», выдумывал разные благовидные предлоги для агрессии. Так, в Польшу вторглись для того, чтобы «ликвидировать опасность хаоса в ее восточных районах» после того, как это «уродливое детище Версальского мира» рухнуло под ударами Германии. Финнов обвинили в том, что они обстреляли из пушек советскую территорию — аккурат после того, как Красная Армия завершила сосредоточение на финских гра-

ницах, а ее высший комсостав — рекогносцировку приграничной финской территории, проводившуюся с января 1939 г. (*Суворов В. Ледокол. С. 282*).

Для чего же предназначалась сталинская «корректировка» определения справедливой войны? Для операции «Гроза», которая должна была начаться 6 июля 1941 г.? Или для нее тоже придумали другое обоснование — в виде доктрины немедленного перехода Красной Армии в наступление после нападения врага? Дескать, немцы нападут, но мы их тут же отбросим и пойдем громить «на вражьей земле малой кровью». Как это делается на практике, показало начало Корейской войны 1950 г.: было объявлено, что южане напали, но северяне их тут же отбросили, в первый же день до обеда прошли 10 километров по территории противника, а на четвертый день войны уже взяли Сеул. Возможно, нечто подобное — в неизмеримо больших масштабах, конечно — готовилось в Европе на лето 1941 г.

А может быть, все было куда проще: «сталинские определения» справедливой войны — для своего населения, благовидные предлоги и объяснения — для внешнего мира?

Так или иначе, очевидно, что пропагандистский аппарат СССР в 1938–1941 гг. также работал на идеологическое оформление войны, причем войны всеобщей и агрессивной.

Глава VIII

КТО ПЕРВЫМ РАЗГАДАЛ ЗАМЫСЕЛ СТАЛИНА

Ни в Москве, ни в Берлине никто не воспринимал Рузвельта всерьез.

(И. Бунич. «Гроза»).

Замысел Сталина был сорван внезапным немецким ударом 22 июня 1941 г. Случайно ли это произошло? Или кто-то сумел разгадать сталинский замы-

сел и противопоставить ему свой план? И если да, то кто же?

Принято считать, что первым замысел Сталина разгадал Троцкий (еще в 1936–1938 гг.). В Суворов цитирует его высказывания, относящиеся к 1936, 1938 и 1939 годам (*Суворов В. Ледокол. С. 23*).

Но, если Троцкий и разгадал замысел Сталина, то чем он мог ему помешать? Это мог сделать только человек, наделенный той или иной государственной властью, причем в одной из великих держав того времени. И такой человек нашелся; но чтобы понять, как и когда он разгадал замысел Сталина, надо вернуться в поздние 1930-е годы.

Так, известно, что осенью 1938 г. СССР предлагал помощь Чехословакии в ее борьбе против угрозы германского завоевания. Советские историки пишут об этом и обвиняют буржуазных правителей Чехословакии в предательстве своей страны из-за нежелания сотрудничать с СССР, но «забывают» добавить, что Сталин публично заявил: если советские войска войдут в Чехословакию (и в отделявшую СССР как от Чехословакии, так и от Германии Польшу), то они оттуда уже не выйдут. Перепуганные чехи и поляки отказались от сталинской «помощи», не желая «менять шило на мыло» и вместо гитлеровской оккупации попадать под сталинскую (*Авторханов А. Империя Кремля. Вильнюс, 1990. С. 115*).

В том, что Сталин не собирался выводить из Польши и Чехословакии войска, если бы ему удалось их туда ввести, нет ничего удивительного. Странно другое — зачем он на весь мир об этом объявил? Не объявил бы — глядишь, поляки и чехи и согласились бы, а там можно было бы без лишнего шума прибрать их к рукам. Но нет, Сталин сделал так, что чехи отказались от его «помощи» и были оккупированы Гитлером. Зачем?

Кроме того, вопреки расхожему мнению, в самые критические дни Мюнхенского кризиса СССР, кото-

рый до того клялся и божился оказать Чехословакии помощь, вдруг замолчал. Чехословацкий посол добивался встреч, советские лидеры от нее уклонялись, даже нарком иностранных дел Литвинов сказался больным. И только в ночь со 2 на 3 октября 1938 г., через 2,5 суток после того, как Чехословакия приняла в Мюнхене требования Гитлера, СССР заявил: зря вы сдались, надо было держаться, мы бы вам помогли (*Суворов В.* Святое дело. С. 88–90)! В народе это называется — после драки кулаками махать.

Так вот, в свете концепции В. Суворова поведение Сталина понятно: рано еще было останавливать Гитлера, надо было дать ему захватить всю Европу, чтобы потом было от кого ее «освободать».

Но интересно, что посредником в чехословацком кризисе 1938 г. пытался выступить Рузвельт, хотевший удержать Гитлера от дальнейших захватов. 26 сентября 1938 г. Рузвельт в личном послании призвал Гитлера «воздержаться от ультиматумов» и решить спорные вопросы на общеевропейской мирной конференции (*Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990. С. 74). В дальнейшем Рузвельт выступал (в конце августа 1939 г.) с попытками посредничества между Германией и Польшей, написав соответствующие письма Гитлеру, президенту Польши и итальянскому королю (Там же. С. 77). Рузвельт пытался и позже помирить Германию с Англией и Францией (Там же. С. 96–100), в личном послании от 26 мая 1940 г. пытался отговорить Муссолини выступать на стороне Гитлера (Уткин. С. 108) и т.д.

Спрашивается, какое дело Рузвельту до войны в Европе, особенно (в 1938–1939 гг.) — в Восточной? Известно, что германо-польскую войну 1939 г. никто не считал началом войны мировой, даже после того, как Британия и Франция объявили Гитлеру войну; те же США 5 сентября 1939 г. заявили о своем нейтралитете в германо-польской войне (*Суворов В.* День-М. М.,

2002. С. 186–187). Тем более никто не думал о мировой войне в мюнхенские дни. И вообще, всем известно, что американское общественное мнение в 1938–1939 гг. придерживалось того мнения, что политика изоляционизма — самая правильная, и лишь с 1940 г. стало склоняться к тому, что и Америке надо вступить в войну (да и то американцев к этому шагу в значительной мере «подтолкнули» державы «Оси», сами на них напавшие). Чего же Рузвельт в 1938–1939 годах так всполошился?

Не связано ли его поведение именно с тем, что он разгадал сталинский замысел и пытался сорвать его, добившись прекращения начинавшейся Второй мировой войны как таковой? И не этим ли обстоятельством объясняется рузвельтовское «предчувствие» того, что война плохо кончится для Англии и Франции (зимой 1940 г., когда еще никому и в страшном сне не могло присниться, что Франция будет разбита Вермахтом за шесть недель) (*Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 82–83, 86–87, 92 и т.д.)?

Иногда история как будто специально противопоставляет одному политическому или военному гению — претенденту на мировое господство — другого, который ему противодействует и в конечном счете все его планы срывает. Так, величайшему полководцу Наполеону история противопоставила величайшего флотоводца Нельсона. После Трафальгарской битвы дело Наполеона было уже проиграно — не в силах нанести удар защищенной своими морями Британии, он вынужден был подчинять себе все страны Европы и мечтать о завоевании Азии с целью удушить Британию континентальной блокадой; на этом пути Наполеон неминуемо должен был сломать себе шею. Две погубившие Наполеона самые страшные войны — испанская и российская — имели своей причиной нежелание Испании и России соблюдать континентальную блокаду. Да и остальная Европа восстала в 1813 г. против Напо-

леона главным образом опять же из-за тягот континентальной блокады.

Сталину же История противопоставила Рузвельта. В самом деле, классический капитализм XIX века изжил себя после Великой депрессии 1929–1933 гг. Надо было создавать что-то другое. Сталин (и в несколько меньшей степени Гитлер в Германии) создал классическому капитализму тоталитарную альтернативу с режимом тотальной несвободы и полным подчинением всей экономической, общественной и личной жизни государству. А вот Рузвельт создал классическому капитализму демократическую и рыночную альтернативу — то, что мы теперь называем «социально ориентированной рыночной экономикой».

Естественно, что два мира и две системы должны были столкнуться. И они столкнулись в 1938, 1939, 1940 годах. История поставила вопрос ребром: или одна, или другая система победит, а система побежденная будет (пусть и не сразу) полностью уничтожена.

Глава IX

КОГДА НАСТУПИЛ ПЕРЕЛОМ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Это — не конец и даже не начало
конца. Но это — конец начала.

(У. Черчилль)

Классический советский ответ на этот вопрос: между переходом советских армий в наступление под Сталинградом и окончанием Курской битвы. Есть, впрочем, и другие точки зрения: некоторые историки считают переломом декабрь 1941 г. — дескать, после битвы под Москвой Гитлер уже не мог навязывать противникам инициативу, и даже наступление на Сталинград — всего лишь попытка исправить результаты поражения под Москвой (*Бучин А.Н., Яков-*

лев Н.Н. 170 000 километров с Г.К. Жуковым. М., 1994. С. 49; Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер 1. М., 1982. С. 367–368).

Западные историки называют другие переломные даты, но ни одна из них не датируется ранее, чем концом 1941 г. А между тем, с точки зрения концепции В. Суворова, перелом в войне наступил 22 июня 1941 г.: с этого времени, как бы ни развивались дальнейшие события, война уже не могла кончиться завоеванием коммунистами всего мира (*Суворов В. Очищение.* М., 2001. С. 341–345).

К этому вопросу мы еще вернемся. Пока же попытаемся доказать: перелом во Второй мировой войне как в геополитическом противостоянии между СССР и США наступил даже не 22 июня 1941 г., а постепенно в течение года между концом июня 1940-го и 22 июня 1941 г. Но для начала я обрисую, каким лично мне представляется план Рузвельта.

Вполне вероятно, что Рузвельт с самого начала был заинтересован в том, чтобы сдать всю континентальную Европу Гитлеру. Тогда, поскольку дальнейший путь на запад и на юг будет закрыт морями, на которых господствует английский флот, Гитлеру ничего не останется, как повернуть на восток, против Сталина. В Вашингтоне, как и в Лондоне и Париже, твердо понимали: союз двух диктаторов — явление временное, вместе на нашей небольшой планете (а тем более в маленькой Европе) два хищника такого масштаба сосуществовать не смогут. Значит, схватка между ними неизбежна.

И в самом деле, тот факт, что планы Сталина начали ломаться, вынужден был признать уже 20 мая 1941 г. формальный глава Советского государства М.И. Калинин, выступавший в этот день с докладом на комсомольском собрании работников аппарата Президиума Верховного Совета СССР. Калинин выразил свое негодование по поводу того, что Англия и Франция «плохо воюют» и что поэтому

концепция «взаимного истощения воюющих сторон» не работает. А ведь именно на этой концепции была основана долговременная внешнеполитическая стратегия большевиков, унаследованная еще от Ленина. «И вдруг... все идет не так, как, скажем, в Первую Империалистическую и вопреки решениям партийных съездов и Коминтерна». Дальше в речи Калинина следуют явные намеки на то, что надо «воспользоваться ситуацией и расширить коммунизм» (*Некрич А.М.* Указ. раб. С. 128–131) (ясно, каким образом. — *Д.В.*), однако очевидно, что минимум в одном Сталин уже проиграл: серьезного взаимного истощения Гитлера и его западных противников нет.

Но вернемся в лето 1940 г. Проблема в том, что и Сталин тоже готовит удар. Если он ударит первым, это может сорвать все замыслы Рузвельта. Тогда вся Европа быстро окажется «красной» гораздо раньше, чем США соберутся с силами для высадки в Европе сами и помогут сделать это Британии. Значит, дело за малым: сделать все от американцев зависящее, чтобы в неизбежном советско-германском конфликте нападающей стороной оказалась Германия. Но летом 1940 г. это казалось, мягко говоря, затруднительным.

К лету 1940 г. казалось, что предчувствия Рузвельта оправдываются. Гитлер захватил Западную Европу и готовится к высадке в Британии. В это время на восточных границах Германии и ее единственного, кроме СССР, источника нефти — Румынии — сконцентрированы уже миллионы советских солдат, тысячи танков и самолетов, десятки тысяч орудий. Сформированы уже десятки новых советских дивизий, формируются еще новые, и счет дивизий формируемых переходит с десятков на сотни. Кажется, вот-вот сталинские полчища двинутся в Румынию, и Германия останется беззащитной хотя бы в силу отсутствия топлива для своей военной техники. И вся Европа прак-

тически без серьезного сопротивления достанется Сталину.

Кстати, именно во второй половине 1940 г. СССР прекратил кампанию против вступления США в войну в Европе (*Некрич А.М.* С. 142). Причина этого поворота в пропагандистской политике СССР понятна. До разгрома Франции Сталин опасался, что США успеют прийти ей на помощь (как в Первой мировой войне), и французы сумеют удержаться до того, как СССР сокрушит Германию. Теперь же советским правителям ясно: американцы все равно не успеют собраться с силами и высадиться в Европе раньше, чем СССР осуществит операцию «Гроза» и подчинит себе всю Европу до Ла-Манша. Так что пусть вступают, все равно они уже опоздали! Так, по крайней мере, казалось во второй половине 1940 г.

И вдруг все меняется. Сталин топчется на новых западных границах СССР. Гитлер целый год перебрасывает свои армии на Восток, но Сталин упорно не желает видеть угрозы немецкого нападения. Наконец, 22 июня 1941 г. Вермахт наносит упреждающий удар, разбивает сосредоточенные у границы советские армии и уходит далеко в глубь России. Результат такого поворота — затяжная советско-германская война, взаимное истребление миллионов советских и немецких солдат. Гитлер вынужден был убрать свои армии из Европы, так что, когда в 1943–1944 годах туда пришли армии союзников, они не встретили сильного сопротивления. Итог войны — окружение СССР американцами и их союзниками со всех сторон, то есть реализация американского геополитического сценария.

Что же случилось в течение года, предшествовавшего советско-германской войне?

Виктор Суворов говорит: ошибкой Сталина было то, что он летом 1940 г. захватил только Бессарабию, оставив Гитлеру собственно Румынию с ее нефтяными запасами. Тем самым он вспугнул Гитлера

и заставил его всерьез думать о превентивном ударе (Суворов В. Ледокол. М., 1992. С. 46, 54). Почему он совершил эту ошибку, Суворов не объясняет; гипотетически можно предположить, что Сталина на некоторое время выбил из колеи слишком уж молниеносный разгром нацистами Франции. Сам Суворов признает, что Сталин этого не ожидал (Суворов В. Очищение. С. 241). Многие другие авторы еще категоричнее: «Когда было объявлено о взятии немцами Парижа, Сталин ... накапав себе бестужевских капель... не говоря ни слова ... уехал на ближнюю дачу, куда срочно вызвали братьев Коганов — неизменных лейб-медиков вождя». Есть даже сведения об инфаркте или тяжелом сердечном приступе у Сталина (Буннич И. Гроза. М., 1997. С. 101–102).

Пусть так, но ведь ошибку легко было исправить. У Сталина в запасе — еще целый год (пока Гитлер не разгромил внезапными ударами собранные против него в Белоруссии и Прибалтике советские армии), в течение которого он мог занять Румынию в любой удобный для себя момент, и Гитлер ничего бы не смог сделать. Одно дело декларировать «передачу Румынией под охрану Германии нефтяного бассейна Плоешти», что было сделано 2 сентября 1940 г. (Там же. С. 150), другое дело реально защитить румынскую нефть от советского вторжения. Достаточно сказать, что еще и в начале 1941 г. у Гитлера в Румынии было всего 450 000 солдат, и советские войска, предназначенные для удара по Румынии, превосходили немецкую группировку почти втрое по численности войск и почти вчетверо — по количеству самолетов, — и это не считая еще двух советских армий, которые готовились к переброске с Северного Кавказа (Там же. С. 414).

Что же касается танков, то их у Гитлера в Румынии не было вообще даже и к 22 июня 1941 г. Все танки Гитлера были собраны в четыре танковые группы: первую — генерала Клейста, вторую — генерала Гу-

дериана, третью — генерала Гота и четвертую — генерала Гёпнера, причем самая южная из них — первая — была сосредоточена в районе Люблина, а весь остальной Вермахт танков не имел вообще (*Суворов В.* Самоубийство. М., 2000. С. 304). СССР же на румынском направлении имел 3725 танков (на 13 машин больше, чем весь Вермахт на Востоке к началу операции «Барбаросса»), которым противостояли 60 румынских танков FT-17. Для тех, кто не знает: FT-17 — это французские танки производства 1917 года, с одним пулеметом и 16-мм броней (*Суворов В.* Последняя республика. С. 321, 347).

Более того, если (согласимся на минуту с этой точкой зрения) Сталин был напуган молниеносным разгромом Франции, надо было занимать Плоештинский нефтяной бассейн как можно быстрее, пока Гитлер не перебросил Вермахт на восток. Тем более что как раз в последние дни июня 1940 г., когда Гитлер громил Францию, Сталин задал своим войскам «бешеный темп» продвижения на запад: с 15 по 21 июня — «пролетарские революции в Прибалтике, а уже 26 июня СССР предъявил ультиматум Румынии с требованием отдать не только Бессарабию (что предусматривалось секретными статьями пакта Молотова — Риббентропа), но и Буковину, которая никогда ранее не принадлежала России; именно последнее, кстати, больше всего испугало Гитлера (*Бунич И.* Гроза. С. 106–110).

Но и это не все: именно летом 1940 г. СССР серьезно пересмотрел свои планы «освободительного» похода в Европу: направление главного удара было перенесено с запада (Польша и Германия) на Балканы (Там же. С. 134–135). Как-то не похоже это все на поведение перепуганного человека!

Да и те же самые авторы признают, что не так уж Сталин был напуган разгромом Франции. Напротив, он очень быстро сообразил, что теперь ситуация стала еще более благоприятной для него: для полного за-

воевания Европы достаточно разгромить только Вермахт (кроме армий нескольких малых стран, правда) (Там же. С. 103).

Причем, если до октября 1940 г. у Гитлера в Румынии вообще никаких войск не было, то летом 1940 г. и вообще на Востоке оставалось 10 пехотных дивизий без единого танка (*Суворов В.* День-М. С. 305). Тогда, естественно, возникает вопрос: зачем же Сталин дал Гитлеру целый год для собирания войск?

А дело в том, что Сталин ждал следующего этапа гитлеровского блицкрига — начала операции «Морской лев». Попросту говоря, высадки Вермахта в Англии. Операция «Гроза» должна была начаться не 6 июля 1941 г., а в день «D+3», где «D» — день высадки немцев в Англии. Впрочем, по состоянию на начало июня 1941 г. эта предполагаемая дата не очень отличалась от называемой В. Суворовым — начало операции «Морской лев» ожидалось между 4 и 10 июля (*Бунич И.* Гроза. С. 528, 552). Разумеется, Сталин не просто ждал, а и подталкивал Гитлера к высадке. Например, 23 августа 1940 г., в годовщину подписания пакта Молотова — Риббентропа, «Правда» опубликовала передовую статью, в которой, в частности, говорилось, что «этот пакт также дал огромное преимущество Германии, поскольку она может быть полностью уверена в спокойствии на своих восточных границах». Все понятно: высаживайся, товарищ Гитлер, в Англии и ничего не бойся.

Но Гитлер боялся. И прилагал все усилия к тому, чтобы Сталин пребывал в уверенности, что никакой план «Барбаросса» не разрабатывается или, по крайней мере, его реализация не предусматривается до того, как будет осуществлена десантная операция против Англии, а концентрация немецких войск у границ СССР — всего лишь мероприятие по дезинформации англичан (и для переформирования войск в недоступных для английских самолетов районах). И это касалось не только Польши. Пе-

реброска немецких войск в Финляндию с сентября 1940 г. подавалась как остановка их на пути дальше, в Норвегию — тоже против англичан (Там же. С. 157–158). И немецкие войска в Румынии — тоже для противодействия английским планам на Балканах (Там же. С. 188) и даже для переброски в Палестину и Сирию — тоже, конечно, против англичан (*Вишнев О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем»// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 45). Именно об этом писал Гитлер и в личном письме Сталину от 31 декабря 1940 г.: дескать, примерно с марта войска из Польши начнут перебрасываться на запад, а частично — в Румынию и Болгарию, чтобы вытеснить англичан из Греции. При этом Гитлер добавил, что часть слухов о предстоящем нападении Германии на СССР распускается и самими немцами с целью дезориентации Англии (*Бунич И.* Гроза. С. 356–358). Примерно то же в марте 1941 г. сказал советскому послу В. Деканозову шеф внешней разведки СС-СД В. Шелленберг (Там же. С. 445). Гитлер в новом личном письме Сталину от 15 мая 1941 г. уже не вспоминал о марте (как и Шелленберг), а обещал начать переброску войск с советских границ на Ла-Манш 15–20 июня 1941 г. (*Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 350–351). Поэтому Сталина не удивили ни уход немецких кораблей из советских портов в середине июня 1941 г., ни отзыв в Германию военных моряков из военно-морского атташата германского посольства (*Бунич И.* Гроза. С. 539, 552).

Собственно, уже 13 июля 1940 г. состоялось секретное совещание высших руководителей Третьего рейха и его армии и разведки (но не флота!), на котором было решено отвлекать внимание Сталина мнимыми приготовлениями к высадке в Британии, продолжая в то же время готовить вторжение в СССР (Там же. С. 119–120). Но одной немецкой «дезы», пожалуй, было бы недостаточно, чтобы убедить в этом

Сталина. Особенно рискованной была осень 1940 г., когда (19 сентября) Гитлер отдал официальный приказ отложить операцию «Морской лев» до весны 1941 г. Были серьезные опасения: а вдруг Сталин, решив, что его дурачат, начнет наступление прямо сейчас, не дожидаясь высадки в Англии? На востоке у Германии к концу сентября было всего 25 дивизий, в том числе по три танковые и моторизованные, одна кавалерийская, остальные — пехотные (Там же. С. 158–161).

Однако Гитлер был не одинок. Черчилль и фактически уже ставший в это время его союзником Рузвельт прилагали усилия в том же направлении. Англо-американское сотрудничество на уровне разведок началось уже в июле 1940 г., когда У. Донован, тогда еще частное лицо, а в дальнейшем шеф Управления стратегических спецслужб, посетил Лондон (*Мальков Б.* Разведка союзников в годы войны// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 184). И это понятно: если до разгрома Франции Запад был заинтересован лишь в самом факте войны между двумя претендентами на мировое господство, то после лета 1940 г. в интересах США и Британии было именно то, чтобы войну начал Гитлер. Тогда (с учетом того, что сталинские армии собраны у самой границы) Гитлер быстро их разгромит, затем уйдет далеко в глубь России, где и завязнет.

Года два-три силы Гитлера и Сталина будут связаны войной, а за это время можно будет сделать многое для реализации американской геополитической доктрины. И Рузвельт, и Черчилль сделали все от них зависящее, чтобы война пошла именно по этому сценарию. Была развернута грандиозная кампания по дезинформации Кремля. Несмотря на войну, спецслужбы союзников действовали фактически в одном русле с немецкими. В августе 1940 г. немецкая разведка в Британии добыла сведения из близких к советскому послу И.М. Майскому кругов о том, что «Сталин

не начнет военных действий против Германии до высадки Вермахта в Англии» (*Буннич И.* Гроза. С. 140). Не была ли тут оказана бескорыстная помощь со стороны британских спецслужб?

Помимо всего прочего, кампания дезинформации включала в себя распространение сведений (уже с того же августа 1940 г.) о якобы безнадежном положении Британии, ожидающей немецкого вторжения, как кролик удава, о панике, о деморализации населения немецкими бомбежками, об усталости (а то и практически полном отсутствии) армии, о готовности королевской семьи, правительства, крупнейших политиков и бизнесменов бежать в Канаду и даже (декабрь 1940 г.) о «подготовке к партизанской войне в горах Шотландии», об общем духе безнадежности, витающем над Британскими островами. Писалось о неспособности британского флота защитить морские коммуникации и о многом другом. Писалось и о неизбежном якобы летом 1941 г. немецком вторжении (Там же. С. 138, 175, 319). И все это не мог не знать Сталин... Письмо Черчилля Рузвельту, написанное где-то в конце ноября или начале декабря 1940 г. и составленное примерно в таком же духе, попало на стол Сталину раньше, чем дошло до адресата (Там же. С. 249–250). Ну, и американские газеты статьи о якобы безнадежном положении Британии тоже время от времени пописывали (Там же. С. 523–524).

Интересно, что сам Черчилль получил точные сведения от американцев о том, что немцы не собираются всерьез высаживаться в Британии, а все их мероприятия в этом направлении — просто шаги по дезинформации СССР, только в октябре 1940 г. (Там же. С. 173).

Дезинформацией, впрочем, дело не ограничилось. Зимой 1940–1941 гг. англичане практически полностью разгромили итальянские армии в Ливии; немецкая помощь (армии Роммеля) явно запазды-

вала. Однако в последний момент (февраль 1941 г.) Черчилль отдал приказ прекратить наступление, перейти к обороне и все освободившиеся войска перебросить в Грецию. Это позволило немцам подтянуть свои армии в Ливию и 31 марта 1941 г. перейти в наступление (Там же. С. 398–399).

Но и в Греции англичане вели себя как-то странно: сдали немцам остров Крит, хотя, обладая подавляющим перевесом на море, вполне могли бы его отстоять. Но английский флот просто ушел в Египет. Отступление англичан из Греции, кстати, стало неожиданностью и для Сталина (Там же. С. 461–463, 513).

Почему же англичане не стали втягивать Гитлера в затяжные бои на Балканах и создавать ему проблемы в Северной Африке? Не для того ли, чтобы не отвлекать его от России? Некоторые историки считают ошибкой Черчилля остановку наступления в Африке. Продлили бы англичане свое наступление еще месяца три, планомерно дожав итальянцев до Триполи, и Гитлер, завязший в Советском Союзе, не смог бы начать своей итальянской кампании, и союзникам не пришлось бы сражаться еще два года, чтобы окончательно утвердиться во всей Северной Африке. В этой смелой гипотезе повисает в воздухе только один вопрос: а произошло бы вообще нападение Гитлера на СССР, если бы итальянская империя в Африке рухнула не в начале 1943-го, а в начале 1941 г. (Там же. С. 398–399) или если бы немцы, скажем, надолго завязли в Греции или на Крите. Новый посол США в Британии Дж. Вайнант, назначенный в начале марта 1941 г., посоветовал Черчиллю именно это — прекратить «мышиную возню на Балканах, заняться осуществлением по-настоящему глобальных планов, то есть не отвлекать Гитлера от вторжения в СССР (Там же. С. 424).

Оставив Крит практически без боя, англичане преследовали и еще одну цель — дать понять Сталину, что

высадка в Британии, которой он ждет, технически вполне осуществима: уж если немцы захватили Крит, который от Европейского материка отделен по меньшей мере вдвое более широким водным пространством, чем Британия, и где почти не бывает туманов, которыми славится Ла-Манш, способных скрыть переправляющиеся войска от вражеского флота, то уж Британию и подавно смогут захватить! Так что давай, Сталин, не слушай тех, кто доказывает, что это невозможно, жди и готовься! Сталин именно так все и понял (Там же. С. 522).

Интересно, что 13 июня 1941 г. в Германии был конфискован номер «Фелькишер беобахтер» со статьей «Крит как пример», где говорилось, что высадка на Крите — это генеральная репетиция высадки в Англии. По Берлину были распушены слухи о том, что статья якобы вызвала страшный гнев Гитлера как открывшая врагам секретные планы немецкого командования. На самом деле это тоже была дезинформация (*Вишнев О.В.* «Может быть, вопрос еще уладится мирным путем». С. 49).

Наконец, в руки Сталина попали (через Кима Филби, о котором подробнее речь пойдет дальше) записи секретных допросов Рудольфа Гесса, перелетевшего в Британию 10 мая 1941 г. Поскольку Сталин считал Кима Филби своим агентом, а записи допроса Гесса — не предназначавшимися для его ушей, то он имел все основания поверить тому, что говорил Гесс. А Гесс предлагал Англии сдаться, пока не поздно, иначе она будет разгромлена летом 1941 г. Одним из условий мира Гесс называл «свободу рук для Германии в Европе», при этом давая понять, что СССР он к Европе не относит (Там же. С. 489–491).

У Рузвельта, впрочем, самой важной задачей была другая: как вообще заставить Америку вступить в войну. Как известно, Сталин принимал стратегические решения на своей ближней даче. Рузвельт принял решения, определившие дальнейший ход Второй ми-

ровой войны, во время морского круиза на крейсере «Тускалуза» по Карибскому морю в первой половине декабря 1940 г. (формально он отправился отдыхать и ловить рыбу). Вот основные из этих решений.

1. Продолжать дезинформировать Сталина о готовящейся Гитлером на лето 1941 г. операции «Морской лев» с тем, чтобы вторжение сталинских армий в Европу не состоялось до ее начала (то есть не состоялось никогда!) и чтобы первый удар нанес Гитлер.

2. Обдумать, как провести через Конгресс закон о ленд-лизе, то есть о предоставлении во временное пользование американской техники и вооружения всем странам, воюющим с державами «Оси».

3. Самое трудное — заставить свою страну вступить в войну. Хотя, как уже говорилось, американское общественное мнение постепенно склонялось к войне, процесс этот шел куда медленнее, чем требовалось. И вот в декабре 1940 г. Рузвельт отдает приказ: на зиму 1940–1941 гг. (а потом и на следующую) Тихоокеанский флот США не возвращается в Сан-Франциско, а остается в Пёрл-Харборе (Там же. С. 263–266). Цель: нервировать Японию, чтобы у японского самурая не выдержали нервы, он выхватил меч и был убит выстрелом в упор (Там же. С. 389).

Сразу убить японского самурая выстрелом в упор не получилось, мечом он помахать успел изрядно, но долгосрочный расчет Рузвельта оправдался полностью.

Так или иначе 22 июня 1941 г. кончилась первая часть Второй мировой войны, шедшая по сценарию Сталина. Началась часть вторая — по сценарию Рузвельта и Черчилля. Рузвельт сумел развернуть «ледокол» против его создателя. Если раньше Гитлер «сокрушал западные демократии от Норвегии до Ливии, расчищая дорогу мировому коммунизму» (Суворов В. Ледокол. 2002. С. 11), то теперь он бросился крушить Советский Союз, расчищая дорогу американско-британским демократиям.

КТО И ЗАЧЕМ ПРЕДУПРЕЖДАЛ СТАЛИНА

Виктор Суворов частично опроверг ту точку зрения, что Черчилль дважды предупреждал Сталина о готовящемся германском нападении (Ледокол. 2002. С. 295–300 и т.д.), однако именно частично. Да, не было предупреждений Черчилля ни в июне 1940-го, ни в апреле 1941 года, но были многие другие, исходившие от различных источников, связанных с американскими и британскими правящими кругами. Вопрос: зачем они, эти предупреждения, если и Лондон, и Вашингтон были заинтересованы во внезапности нападения Гитлера на СССР?

Как ни парадоксально, это делалось в рамках еще одной кампании, развязанной Рузвельтом и Черчиллем. Шила в мешке не утаишь, и оба лидера англосаксонских держав понимали, что советская разведка — очень мощная! — рано или поздно узнает о германских планах. И в самом деле, уже 18 ноября 1940 г., то есть еще за месяц до того, как Гитлер утвердил план «Барбаросса», из Токио пришла первая шифровка Рихарда Зорге о готовящемся нападении Германии на СССР (*Бунич И.* Гроза. С. 219–220). И для Рузвельта и Черчилля возник вопрос: как сделать так, чтобы Сталин этому (и другим) сообщениям не поверил?

Как известно, тактика Сталина в большинстве случаев была гениально простой. Виктор Суворов пишет: Сталин никогда своих планов, по большому счету, не скрывал, говорил о них прямо, поэтому никто им не верил. В самом деле, нельзя же вот так выбалтывать свои планы... Примерно так же позднее, уже после войны, объяснял столь откровенное поведение Сталина И.А. Ильин (в «Наших задачах»): кто же, дескать, поверит грабителю, который заранее объявляет, во сколько он придет грабить и в какую дверь полезет! Логика железная! Вот и агрессивным планам СССР не

верил никто, поскольку советские вожди открытым текстом говорили (по крайней мере до середины 1930-х годов, когда СССР начал борьбу за «коллективную безопасность» и соответственно для улучшения имиджа такие разговоры прекратил): «Пусть империалисты между собой передерутся, а потом мы их всех уничтожим!»

Теперь Рузвельт пошел тем же путем: они с Черчиллем прямо и открыто предупреждали Сталина о готовящемся германском нападении на СССР, но, поскольку в 1940–1941 гг. США и Британия были самыми заинтересованными в мире странами в том, чтобы именно так и произошло, то естественно, что Сталин им не верил. Кто же будет предупреждать о событии, в котором заинтересован, чтобы оно застало врасплох... Логика опять же железная! Заодно дискредитировались аналогичные сообщения из других источников, с англо-американцами не связанных. И трудно осуждать Сталина за то, что он и этим, искренним предупреждениям не верил.

Таким образом, многочисленные предупреждения Сталина о готовящемся нападении на него Гитлера органически вписывались в кампанию дезинформации. Первое такое «предупреждение» поступило в начале декабря 1940 г. от Кима Филби; там говорилось, что резидентурам МИ-5 на Европейском континенте, а также британским посольствам в Швеции, Швейцарии, Португалии, Греции, Венгрии и Болгарии, а также во многих странах Южной Америки и Азии дана установка всячески муссировать слух о предстоящей войне между СССР и Германией, причем в зависимости от симпатий местного населения и прессы нападающей стороной в грядущем конфликте можно было представлять как Германию, так и СССР (*Буннич И.* Гроза. С. 250–251).

Между тем Ким Филби на самом деле был двойным агентом, в 1940 г. выданным англичанам Вальтером Кривицким и с тех пор снабжавшим СССР

дезинформацией, угодной союзникам (Там же. С. 489).

И все же прямые предупреждения Филби не должны были иметь нужного эффекта: в Москве-то не знали, что Филби разоблачен британской контрразведкой! Поэтому принимали и другие меры. Немного позже тот же Филби прямо сообщил подкинутую ему информацию о заговоре, составленном в «правлящих кругах» Британии с целью натравить СССР и Германию друг на друга (Там же. С. 312–313).

Шли и прямые предупреждения от связанных с англо-американскими разведками источников. Так, в конце декабря 1940 г. связанная с британской разведкой группа немецких перебежчиков во главе с Рудольфом Росслером предупредила о готовящемся германском нападении советскую разведывательную группу, которую возглавлял знаменитый Шандор Радо (Там же. С. 363). 17 марта 1941 г. СССР был предупрежден американцами через советского посла Уманского (*Некрич А.М.* С. 167–161). Намеряли об этом и сотрудники американского посольства в Берлине сотрудникам посольства советского (*Бунич И.* Гроза: С. 439).

Естественно, делалось все, чтобы такие предупреждения Сталин воспринимал как провокации (на что и рассчитывали западные союзники). И трудно его за это упрекать, особенно с учетом инспирированных самим Черчиллем газетных писаний и слухов о якобы безнадежном положении Британии: именно США и Британия были заинтересованы в 1940–1941 гг. в германо-советском конфликте; с учетом того, что оба личных письма Черчилля были направлены Сталину в самые тяжелые для Британии моменты — в конце июня 1940 г., сразу после поражения Франции, и в апреле 1941 г., накануне поражения Греции. Какие основания были у Сталина верить их предупреждениям? После нескольких месяцев некоторых сомнений, 20 марта 1941 г. на

совещании у Сталина с участием военных и разведчиков было окончательно решено считать все предупреждения о войне англо-американской дезинформацией — «рассматривать как фальшивки...» (Там же. С. 447).

Но союзники продолжали работать. Весь апрель приема у наркома иностранных дел Молотова пытался добиться британский посол Криппс; Сталин не принял его и запретил его принимать также и Молотову — пусть ими занимается Вышинский (Там же. С. 463).

А вот 19 июня, перед самой войной, некая американская журналистка сказала сотруднику своего посольства (и как-то подозрительно быстро Сталин об этом узнал), что ее встретил второй секретарь посольства немецкого и сказал, что ошибся относительно сроков германского нападения на СССР — оно состоится, дескать, не 17, а 21 июня. «Все уже устали предупреждать русских», — добавила американка. Сталин, когда ему доложили, раздраженно сказал: «Пусть они лучше своих друзей англичан предупреждают, чтобы те к драке за свои острова получше подготовились» (Там же. С. 548–549). Что же, вовремя американка подсуетилась, нечего сказать: только что, 15 июня, Зорге сообщил в Москву, что немцы нападут 22 июня (до этого, например 11 апреля, информировал, что Гитлер не нападет раньше, чем кончится война на Западе) (Ледокол. С. 310–311).

А чуть пораньше, 10 июня, советского посла Майского принял и предупредил заместитель министра иностранных дел Британии (Бунич. И. Гроза. С. 526). Виктор Суворов считает это обращение Криппса искренней просьбой о помощи, поскольку, по его мнению, Британия была на грани поражения. Однако несколько дальше Суворов опровергает сам себя: 27 мая 1941 г. британцы утопили лучший немецкий линкор «Бисмарк», и с этого момента завоевание Британией полного господства на море стало вопросом време-

ни. И в самом деле, если в целом в первом полугодии 1941 г. немцы топили по четыре британских грузовых судна ежедневно, то в июне 1941-го — только по два (Последняя республика. С. 166, 461).

Десять лет спустя в новой книге Суворов опровергает разговоры о неминуемом поражении Британии куда более решительно. Он цитирует британскую прессу весны 1941 г., говорит о лейтмотиве газетных статей того времени — «выстоим, и пусть Гитлер не хорохорится и ноздри не раздувает!» — и считает, что это не бахвальство. Он цитирует современников тех событий: положение Гитлера «блестяще ... и безнадежно» (Беру свои слова обратно. С. 131–132).

С учетом этих факторов, а равно если предположить, что британцы знали, что СССР не начнет войну ранее высадки Вермахта в Британии, а немцы в Британии высаживаться не собираются, то вся эта история с обращением Криппса к Сталину, Молотову и Вышинскому приобретает несколько другой оттенок.

Откуда британцы могли такое знать? Об этом — через главу.

Глава XI

О ГЛУПОЙ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКЕ

Что это — глупость или измена?

(П. Н. Милюков, 1916)

Существует очень распространенное мнение, что план «Барбаросса» провалился. На что опираются сторонники данной точки зрения — непонятно. Вспомним, что план «Барбаросса» в первоначальной редакции предусматривал молниеносный разгром советских армий, сконцентрированных у западной границы СССР. Это блестяще удалось немцам, после чего у Ф. Гальдера появились веские основания сде-

лать свою знаменитую запись от 3 июля 1941 г. о том, что кампания против России уже «выиграна в течение 14 дней». Правда, непонятно, откуда он взял этот срок — ведь 3 июля было всего лишь двенадцатым днем войны. Или, может быть, Гальдер гениально предвидел, что русские еще два дня будут в состоянии повернуть ход войны в свою пользу, а уж потом — ни в жизнь?

Но не будем придирааться к таким опискам. Главное верно — немецкое командование считало, что с разгромом советских армий Первого стратегического эшелона война уже выиграна. Именно поэтому, а вовсе не из-за глупости немецких планировщиков, как считает В. Суворов (Последняя республика. С. 138–139), предполагалось двигаться в глубь России по трем расходящимся направлениям: если враг уже разбит, зачем соблюдать правила, действующие, когда перед твоим фронтом еще имеются крупные неприятельские силы? Кстати, не последней причиной того, что в советском руководстве не верили в подлинность плана «Барбаросса», были именно эти три расходящихся направления, по которым предполагалось наступать (*Бунич И.* Гроза. С. 411). В то, что немецкая разведка не знает о других (кроме Первого эшелона) советских войсках, наши, очевидно, не верили.

Разгромить СССР не удалось потому, что помимо войск, сконцентрированных у границы, СССР имел еще два стратегических эшелона. Встреча с войсками Второго стратегического эшелона была для немецкого командования полной неожиданностью (*Суворов В.* Ледокол. 2002. С. 239–240 и т.д.); а ведь именно они — эти войска — после 10 июля изрядно замедлили победное шествие Вермахта по России. Но это претензии уже не к генералам, составлявшим план «Барбаросса», а к разведке, не заметившей у СССР никаких войск, кроме Первого эшелона. Вот о разведке и поговорим.

Сколько написано тем же В. Суворовым о глупости немецкой разведки перед 22 июня 1941 года — как говорится, ни в сказке сказать ни пером описать. Последняя работа («Самоубийство») буквально напицкана фактами, говорящими о потрясающей, анекдотической неосведомленности Абвера о Советском Союзе. И парашютистов-то у СССР, по сообщениям немецкой разведки, очень мало (запись в дневнике Ф. Гальдера от 22 февраля 1941 г., цит. по: С. 236) — а был их по меньшей мере миллион, на тот момент — в 200 раз больше, чем у всего остального мира, вместе взятого (Ледокол. С. 112–113), и артиллерия-то у него «устарела» и «по опыту боев в Финляндии непригодна к ведению эффективного огня на поражение» (запись в дневнике Ф. Гальдера от 2 февраля 1941 г., цит. по: Самоубийство. С. 232) — на самом деле она была новейшая, 1938–1941 годов производства (День-М. С. 143), да и в Финляндии показала себя, как и вся Красная Армия в целом, не с самой худшей стороны (Последняя республика. С. 198–231), и Урал-то соединен с Москвой всего одной одноколейной железной дорогой (это глава Абвера В. Канарис сообщил В. Шелленбергу, цит. по: Самоубийство. С. 216), и Урал — это «последний промышленный район» (в том смысле, что далее на восток никакой промышленности нет) (так записано в плане «Барбаросса», цит. по: Там же. С. 207) — хотя СССР и не скрывал наличия огромных производственных мощностей в Сибири, за Уралом. Ну и так далее.

В «Очищении» В. Суворов добавляет еще несколько фрагментов, иллюстрирующих потрясающую неосведомленность руководства Третьего рейха относительно СССР — на сей раз из дневников доктора Геббельса 1940–1941 гг. — например, запись от 29 апреля 1941 г. о «невероятном дилетантстве, проявленном русскими в Финляндии», от 4 мая о том, что «русские пытаются воздействовать на нас с помощью фантастических цифровых данных о себе» и что по-

этому они — «бедняги, лишившиеся ума!» (цит. по: С. 298–304). Немецкая разведка проявила во Второй мировой войне такую дурь, резюмирует В. Суворов, которая достойна многотомного описания в духе «Похождений бравого солдата Швейка». О Советском Союзе она не знала вообще ничего» (Там же. С. 261). Что касается уничтожения в СССР военных кадров, то немцы были уверены, что СССР потребует не менее четырех лет для подготовки к войне и даже не менее 20 лет, «чтобы достигнуть прежней высоты» (до 1937 г. — Д.В.) (*Некрич А.М.* С. 66). Широко известно, что Гитлер вообще не знал о наличии в СССР новейших танков Т-34 и КВ (Там же. С. 85–86).

Однако даже если представить себе, что в Абвер собирали недоумков со всей Германии по принципу «чем глупее, тем лучше», и сделать поправку на трудность вербовки агентов в СССР по причинам вполне понятным, то и тогда непонятно, как немцы ухитрились не увидеть советские танки Т-34 и КВ, которые Сталин показывал всему миру, например, на параде 1 мая 1941 г., не включили их в изданные в начале июня 1941 г. памятки для немецких солдат с обозначением силуэтов советской боевой техники и узнали об их существовании, только столкнувшись с ними на поле боя (Самоубийство. С. 220–230); более того, на этом последнем перед войной советском военном параде 1 мая 1941 г. были представлены только танки Т-34 и КВ — больше никаких (*Бунич И.* Гроза. С. 462).

Это все тем более странно, что после 22 июня 1941 г. немецкая разведка стала, как по волшебству, давать совершенно точные и правильные сведения о силах, имеющихся в распоряжении Сталина. Но Гитлер этим сведениям теперь уже не верил.

Уж совсем необъяснимо, что и до 22 июня поступали вполне достоверные данные о силе Красной Армии, но они никому не докладывались, как, например, радиограмма от 11 марта 1941 г., послан-

ная Канарису из разведки штаба группы армий «Центр» в Познани, в которой говорилось о наличии у СССР 250 дивизий, 17 000 танков, 15 000 самолетов, 40 000 орудий. Как впоследствии выяснилось, и эти сведения были несколько приуменьшены, но вместо них докладывались совсем смехотворные сведения: так, в августе 1940-го — что у СССР всего-то 183 стрелковые и кавалерийские дивизии и 38 мотомеханизированных бригад, в ноябре того же года — что у СССР 125 дивизий и 50 мотомеханизированных бригад, а всего СССР может выставить 209 дивизий (Там же. С. 464) и 96 мотомеханизированных бригад; при этом подчеркивалось «решающее превосходство немцев, особенно в артиллерии и авиации» (Там же. С. 303–306); о том, у кого на самом деле было превосходство в танках, артиллерии и авиации, можно узнать из таблицы, которую я привожу в начале восьмой главы.

Впрочем, Гитлер не верил и тем преднамеренно заниженным данным, которые ему докладывали. Так, германская разведка доложила, что СССР имеет 5000 боевых самолетов. Гитлер этому не поверил: слишком уж много. Не поверил, но, как вспоминает Гальдер, был такой цифрой смущен. Он все время спрашивал, не ошиблись ли разведчики (*Суворов В. Самоубийство. С. 235*). И вообще, Шелленберг свидетельствует, что если собранный разведслужбами материал не укладывался в концепцию военнопланирующих органов (читай, очевидно: если он представлял действительность не такой, какой она казалась Гитлеру), то он попросту игнорировался (*Некрич А.М. С. 87*).

Фактически СССР имел на 22 июня 1941 г. 255 стрелковых, мотострелковых и моторизованных (и еще 60 в стадии формирования), 61 танковую (и еще по меньшей мере 50 в стадии формирования) и 79 авиационных дивизий (и еще неизвестно сколько в стадии формирования; достоверно известно, что

под Смоленском формировалась к началу войны 81-я авиационная дивизия, но едва ли, кроме 79 уже имевшихся формировалось всего две) (*Суворов В. День-М. С. 247*). Сколько конкретно было в этих дивизиях солдат, танков, пушек и самолетов, мы увидим чуть дальше из той же таблицы. За 22–28 июня было сформировано еще 96 дивизий (Там же. С. 156), а всего только за лето 1941 г. — 324 дивизии (*Бунич И. Гроза. С. 306*).

Положение дел, однако, сразу проясняется, если мы вспомним: глава Абвера адмирал Канарис был связан с британской и американской разведками. Пойдя на службу к Гитлеру как к человеку, способному вытащить Германию из «веймарской трясины» и возродить ее как великую державу, Канарис вскоре разочаровался в Гитлере еще сильнее, чем в Веймарской республике, и встал на путь прямой государственной измены.

Кстати, Сталин и вообще советское руководство не верили сообщениям о плане «Барбаросса» еще и потому, что такие подробности, которые сообщались советской агентурой (а та узнала все это от высокопоставленных западных шпионов в самых верхах немецкого руководства) не мог узнать ни один разведчик. Отсюда делался вывод: источник подобных сообщений — это совершенно явный провокатор (Там же. С. 364). В то, что вражеская агентура могла проникнуть в такие тайники германского Генштаба, в Москве не верили.

Итак, уже к концу 1939 г. Абвер работал на западных союзников — последним, в частности, были выданы планы норвежской операции Гитлера, а потом планы наступления на Западе (Там же. С. 274–277). Правда, тогда это союзникам не помогло, но это уже предмет отдельного разговора. Дело в том, что в 1939–1940 гг. против Гитлера воевали Британия и Франция, где еще доживал свой век «классический капитализм», неспособный в силу того, что

он свое отжил, оказать эффективный отпор противнику.

Во второй половине 1940 г., однако, положение изменилось. В игру вступила Америка, которая, в отличие от стран Западной Европы, доживавших свой век при «классическом капитализме», как уже говорилось, провела «посткапиталистическую революцию Рузвельта» и начала строительство того, что позднее назовут «социально ориентированной рыночной экономикой». Новый строй — новые силы, новый динамизм, уверенность и напористость. Рузвельт начал энергично исправлять ошибки, сделанные его западноевропейскими союзниками, и в первую очередь начал поиск такого сценария дальнейшего хода войны, который должен был привести к поражению как Гитлера, так — в перспективе — и Сталина.

Какой сценарий хода войны устраивал США и Британию, мы только что говорили. Он вполне устраивал и Канариса, считавшего, что Гитлер обязательно должен быть разбит, но не Сталиным, а западными союзниками (Там же. С. 299). Между тем Канарис резонно опасался, что, узнав правду о силе армии Сталина, Гитлер испугается нападать на него, промедлит, попытается, например, затеять со Сталиным переговоры, чтобы оттянуть начало войны, — и сам попадет под сталинский удар, что неминуемо приведет к советской оккупации всей Европы (Там же. С. 286–290, 302). Кстати, многочисленные заявления Гитлера о том, что он не напал бы, если бы знал, что у русских столько сил — например, от 27 июня (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков// Роман-газета. 1986. № 1. С. 16) и 4 августа (*Суворов В.* Самоубийство. С. 220, 231) 1941 г. — явно подтверждают оправданность опасений Канариса.

Вот и кормил он с благословения своих англо-американских хозяев своего фюрера «дезой» о том, что Советский Союз можно разгромить одним

внезапным превентивным ударом. Вот и «отказывался» Канарис верить в то, что советская тяжелая промышленность находится на высоком уровне, в частности, «отказывался» разделить убеждения Шелленберга, что в производстве в СССР находятся лучшие, чем у немцев, типы танков (*Некрич А.М.* С. 87). Вот и писал Гальдер (тоже, как начальник Генштаба, читавший, разумеется, липовые разведывательные сводки Канариса) в своем дневнике о том, что советская артиллерия устарела, парашютистов мало, а за Уралом никакой промышленности у Советов нет.

А после 22 июня надобность в дезинформации отпала, и Абвер стал сообщать наверх правду. Дело-то уже было сделано! Не знаю, удалось ли германской разведке обезглавить Красную Армию руками Сталина, но свой вклад во взаимное ослепление и, как следствие, во взаимное ослабление в кровопролитной войне Сталина и Гитлера руками Рузвельта она внесла. И немалый.

Впрочем, и после того правда сообщалась Гитлеру не всегда. Свидетельствует пленный германский подполковник Г. Зольдан, которого в мае 1945 г. допрашивают «смершевцы» 1-й гвардейской танковой армии. Пленный немец приводит еще одно признание Гитлера из серии «если бы я знал, что Россия так хорошо вооружена, мне было бы гораздо труднее решиться на этот поход», а потом добавляет: «И все же немецкая военная печать, черпая информацию из хорошо осведомленных американских (выделено мною. — *Д.В.*) источников, продолжала недооценивать силу России» («Красная Звезда». 1991. 9 мая, цит. по: *Суворов В.* Самоубийство. С. 231). Что это за «хорошо осведомленные американские источники», мне неизвестно, но в контексте всего, что написано выше, признание выглядит весьма интересным.

Вполне вероятно, что один из этих «хорошо осведомленных американских источников» приво-

дит «Красная Звезда» от 19 июня 1993 г. Речь идет о данных военной разведки США о Красной Армии: «Руководство состоит из необразованных и даже невежественных людей... Высший командный состав в качественном отношении неполноценный... Офицерский корпус может быть в целом охарактеризован подобным же образом... Солдат недостаточно находчив и сообразителен...» и т.д. (цит. по: *Суворов В.* Последняя республика. С. 426). Неясно, для кого предназначалась эта «ценная информация», но не удивлюсь, если именно для руководства Вермахта.

Впрочем, все может быть гораздо проще. В. Суворов посвящает две главы «Самоубийства» объяснению того, по каким критериям в Нюрнберге Сталин настаивал (и настоял) на смертной казни для руководителей Третьего рейха: повесили тех (военных и гражданских), кто не отказывался от своих слов о превентивном характере гитлеровского удара по СССР. Остальным генералам и прочим лидерам (тем, кого в Нюрнберге вообще не судили) дали понять: на всех на вас есть достаточно компромата, чтобы повесить. Будете в своих мемуарах писать лишнее — дадим этим материалам ход. Мемуары писать так: русские — дураки, ни к какому нападению на нас не готовились и готовиться не могли (Самоубийство. С. 286–290, 293–297). Вот и писал Шелленберг, что Канарис ему сообщил о том, что Урал соединен с Москвой лишь одной одноколейной железной дорогой. Да и Гальдер, возможно, свои дневники после войны подправил. А наши переводчики ему помогли (Там же. С. 200). Впрочем, есть намеки и на связи Гальдера с западными спецслужбами, например, на участие в антигитлеровском заговоре чуть ли не еще в 1939 г. (*Бунич И.* Гроза. С. 283–288).

Глава XII

А КАК У НАС?

...У власти оказалась преступная банда агента международного империализма Берия.

(Из постановления ЦК КПСС «О культе личности И.В. Сталина» от 30 июня 1956 г.)

26 июня 1953 года был арестован Лаврентий Павлович Берия. По некоторым данным (так, во всяком случае, рассказывал Хрущев иностранным коммунистам в 1961 г.), он был убит тут же на месте; по официальной же версии, Берия был расстрелян 23 декабря 1953 г. по многим обвинениям, среди которых было и такое: английский шпион.

В годы «перестройки» об этом выдвинутом против верного сталинского соратника обвинении вспомнили еще раз, дружно посмеялись и забыли. А смеялись, похоже, зря.

В самом деле, верховным куратором советской разведки был в эти годы (с 1938-го по 1953-й) не кто иной, как Лаврентий Павлович. В 1940–1941 гг. в том числе.

Так вот, уже осенью 1939 г. англо-французским союзникам каким-то образом стали известны планы Сталина относительно начавшейся Второй мировой войны — столкнуть лбами Германию с Западом, дожидаться взаимного истощения враждующих сторон и потом, вступив в войну последним, разгромить всех. Сталин вынужден был (в «Правде» от 30 ноября 1939 г.) «опровергать» это «вранье, сфабрикованное кафе-шантанскими политиками из французского агентства ГАВАС» (цит. по: Ледокол. 2002. С. 51–52). Почему англо-французам эта информация не помогла, мы говорили в предыдущей главе, а вот как она попала на Запад — вопрос интересный.

Выше мы говорили, что Рузвельт с осени 1938 по май 1940 г. несколько раз пытался помирить Гитлера с его противниками, объясняя эти попытки тем, что президент США разгадал сталинский «ледокольный»

замысел. И возможно, сообщил о нем британскому и французскому руководству. Во всяком случае, иначе трудно объяснить стремление Англии и Франции помочь Финляндии зимой 1939–1940 гг. Опасения Германии понятны: через Финляндию СССР мог добраться очень близко к единственному достойному упоминания источнику железной руды для Германии — на севере Швеции. Лес тоже доставлялся в Германию преимущественно из Швеции и Финляндии. А нет леса — нет и угля, и шпал для железных дорог. Германия нуждалась в поставках 6 млн тонн древесины ежегодно. Никель Германия тоже получала у Финляндии, добывался он в Петсамо (ныне Печенга в Мурманской области, до 1944 г. принадлежал Финляндии) — у самой советской границы. Короче говоря, при захвате Сталиным Финляндии Германия могла оказаться в руках Сталина просто потому, что СССР мог в любой момент лишить ее жизненно важных источников железа, никеля и леса (*Суворов В. Тень победы. С. 50–51*).

Естественно, что перспектива попадания Германии под власть Сталина не приводила в восторг правителей Британии и Франции. Поэтому они и поспешили оказать поддержку Финляндии. Сталин, которому в тот момент вовсе не надо было ввязываться в конфликт с Западом, уступил, ограничившись отторжением Карельского перешейка. Так вот, сами ли Британия и Франция сообразили так поступить? Или им подсказал образ действий разгадавший сталинский замысел Рузвельт? Но так или иначе, сами ли они (Британия ли, США) его разгадали?

Когда летом 1940 г. Гитлер захватил Францию, Сталин прямо спросил тогдашнего начальника ГРУ И. Проскурова о том, насколько реальна высадка Вермахта в Британии. Проскуров так же прямо ответил, что она невозможна хотя бы потому, что у англичан громадное превосходство на море. Проскуров тут же был отстранен от должности, переведен на

должность командующего стратегической авиацией — что фактически было понижением, поскольку в готовящейся агрессивной войне Сталин большого значения стратегической авиации не придавал (День-М. С. 38), — через несколько месяцев (в апреле 1941 г.) арестован, полгода его били-пытали в бериевских застенках, а в октябре 1941 г. расстреляли.

Понятно, сразу после молниеносного разгрома Гитлером Франции Сталин имел основания не поверить выкладкам Проскурова и сказать ему: «Совсем недавно, товарищ Проскуров, вы уверяли нас со своими цифрами и данными, что наступление немцев на Западе приведет к затяжной и кровопролитной войне. Теперь вы так же нас уверяете, пытаетесь уверить, что десант в Англию невозможен. Таким образом, вы вводите в заблуждение Политбюро ЦК». Но последующий-то год показал (в значительной мере еще до 22 июня 1941 г.) правоту Проскурова. Почему же Сталин продолжал его преследовать, пока наконец не расстрелял?

Первый же доклад нового начальника ГРУ Ф.И. Голикова доказывал, что вторжение Вермахта в Британию не только возможно, но и может состояться в любой следующий день (хотя только на мобилизацию транспортных средств для форсирования Ла-Манша, если бы они у Гитлера были, понадобилось бы не менее трех месяцев, что, учитывая погодные условия на Ла-Манше, автоматически переносило высадку Вермахта на период не ранее лета 1941 г.) (*Бунич И. Гроза*. С. 124–125).

12 августа 1940 г. началась знаменитая воздушная «Битва за Англию». За первые три дня воздушных боев Люфтваффе потеряло 47 самолетов, а королевские ВВС — 13. Однако Сталин получил сводку, основанную на немецких данных о том, что немцы потеряли 34 самолета, а британцы — 134. Естественно, при таком соотношении потерь у Сталина и его окружения были все основания поверить в то, что скоро нем-

цы разгромят британскую авиацию (Там же. С. 144), а там и полная победа над Британией не за горами. А мы спросим: кто и почему преподнес Сталину немецкие данные как непреложную истину? Почему не сопоставили с британскими, с американскими данными, с сообщениями прессы нейтральных стран? Кому все это было надо?!

Уже в октябре советская разведка установила, что немецкие войска не перебрасываются через Финляндию в Норвегию, а растворяются в финских лесах (Там же. С. 170). Неужели в ГРУ кто-то решил, что и тут Гитлер просто «проводит перегруппировку войск вдали от британских самолетов-разведчиков и бомбардировщиков»?

18 декабря 1940 г. Гитлер утвердил план «Барбаросса». Через 11 дней план стал известен советской разведке, а затем предупреждения о готовящемся нападении Гитлера пошли чуть не десятками. Но Сталин упорно отказывался им верить.

Говорят, что Сталин (и Голиков) не видели подготовки Гитлера к войне, потому что подготовки не было — теплая одежда и зимние сорта топлива и смазки для войны зимой не запасались (Ледокол. 1992. С. 311–314; Самоубийство. С. 366–370), да и вообще топлива было мало... (Очищение. С. 320–324; Самоубийство. С. 306, 335 и т.д.). Пусть так, но ведь собирались немецкие войска и располагались так, что предназначались явно для наступления. И ГРУ регулярно получало об этом информацию. Но не верило. Точнее, просто не воспринимало информацию такого характера. Более того, начальник ГРУ Ф.И. Голиков убирал из сводок Информационного отдела ГРУ примерно треть немецких дивизий и в таком виде докладывал Сталину: так, в конце декабря 1940 г. он доложил о 72 немецких дивизиях на нашей границе вместо 110 (Бунич И. Гроза. С. 254, 316). По другим данным, Голиков «срезал» в своем докладе 15 дивизий (Некрич А.М. С. 157), хотя в 1964 г. в интервью А.М. Не-

кричу сказал, что уже к концу 1940 г. у него исчезли всякие сомнения в том, что Германия собирается напасть на СССР (Там же. С. 69).

Да что там в декабре сорокового — кое-кто в советском военном руководстве еще и в апреле 1941 г. склонялся к таким же цифрам. Даже Г.К. Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» сообщает, что на 4 апреля 1941 г. на наших границах было 72–73 немецкие дивизии (13-е издание. М., 2002. Т. 1. С. 239). К началу мая 1941 г. у немцев было уже до 170 дивизий, а Голиков сообщал о 120 (Бунич И. Гроза. С. 502, 505).

А ведь разведка сообщала не просто о сосредоточении войск, сообщались номера дивизий, фамилии их командиров и всех старших офицеров, а также ряд личных данных о многих из них (Там же. С. 313). Сообщалось и о том, что у советской границы в замаскированном виде существуют (на конец февраля 1941 г.) уже как минимум два фронтовых штаба и как минимум два штаба танковых групп (Там же. С. 412).

Да, всем было ясно, что Германия боится войны на два фронта, но ведь СССР готовил нападение. Можно же было допустить, что Гитлер разгадал замысел Сталина и готовит превентивный удар; можно же было понять, что это для него единственный способ продлить свое существование, а терять ему все равно нечего! Неужели Сталин не понимал, что загнал Гитлера в тупик?! Давно известно, что загнанная в угол крыса (или кошка) может броситься на человека. И любое живое существо, человек в том числе, в безвыходной ситуации способно на безрассудный поступок. Почему же так упорно не верили?!

Далее, еще в начале ноября 1940 г. Голиков уверял Сталина, что «надежда англичан на вступление в войну США маловероятна» (Там же. С. 177), а всего через месяц на совещании с руководителями отделов ГРУ заявил, что США «ради спасения Британской империи и всей мировой капиталистической системы от полно-

го развала ... неизбежно вступят в войну против Германии» (Там же. С. 252). Что-то радикально изменилось в мире за этот месяц, или Голиков внезапно прозрел?

И тут необходимо опять напомнить, что всей советской разведкой так или иначе руководил Л.П. Берия. Так, может быть, и не так уж вздорны разговоры о том, что он работал на английскую разведку? Уж очень патологическое неверие в самую возможность нападения Гитлера способствовало реализации именно Рузвельтовско-Черчиллевского сценария войны!

И еще. Выше я предполагал, что британцы откуда-то могли знать, что СССР не вторгнется в Европу ранее высадки Вермахта в Британии. Так вот: откуда они могли это знать?

Впрочем, и с нашей разведкой все могло быть гораздо проще. Просто после расправы с Проскуровым работники ГРУ смекнули, что именно приятно слышать Сталину, и занимались дезинформацией вождя ради спасения собственных голов, «возможно, и не отдавая себе отчета в своих действиях, а просто желая выжить, начали подгонять разведданные... под сталинскую схему» (Там же. С. 252). Возражая одному из своих подчиненных, доказывавшему, что Гитлер готовит нападение на СССР, Голиков, излагая свою точку зрения, прямо добавляет: «Так думает и Хозяин» (т.е. Сталин) (Там же. С. 315). Вот и все! Значит, иначе и быть не может!

Вот, в конце октября 1940 г., новый начальник ГРУ Ф.И. Голиков делает доклад Сталину. Суть доклада: высадка немцев в Британии неизбежна, но она будет только весной. О том, что еще недавно он говорил о возможности немецкой высадки в Британии «в любой момент», Голиков, понятно, уже не вспоминает (Там же. С. 176–177). Но интересно, что не вспоминает и Сталин. Почему? Может быть, ответ прост: все мы люди, все мы человеки, всем нам, даже великим вождям, «чего хочется — тому верится»? Должна

состояться высадка немцев в Британии, не может не состояться... Может быть, в угоду этому сталинскому убеждению и срезалось в докладах Голикова количество немецких дивизий на советской границе?

Начальника информационного отдела ГРУ полковника Новобранца, упорно настаивавшего на возможности нападения Гитлера, от участи Проскурова спасло только то, что в начале июня 1941 г. он ушел в отпуск (точнее, его заставили уйти и уехать в специальный дом отдыха, куда отправляли тех разведчиков, о чьей дальнейшей судьбе еще не принято решение. Иногда оттуда возвращались, но чаще исчезали бесследно). Новобранцу повезло, о нем забыли, и он «отдыхал» до начала войны. Ну, а после 22 июня его уж и подавно не стали репрессировать (Там же. С. 508–510).

Гитлер, кстати, тоже при подготовке плана «Барбаросса» (и не только) предпочитал слушать успокоительные данные Канариса, занижавшие силы противника, а не «трусливые» выкладки А. Йодля, пытавшегося эти данные оспорить. Всех генералов, которые об этом говорили, либо обвиняли в поверхностном анализе данных, либо просто объявляли паникерами (Там же. С. 288, 302). Такова уж природа любого тоталитарного режима: обманывая своих подданных, он рано или поздно и сам начинает заниматься самообманом. Руководству сообщают не то, что есть, а то, что тому хотелось бы услышать...

Даже такие военачальники, как Г.К. Жуков, в такой обстановке вынуждены были заниматься очковтирательством. О 72–73 немецких дивизиях на нашей границе в начале апреля 1941 г., каковую ложь подтверждал и Жуков, мы уже говорили, но дальше мы увидим и еще примеры вынужденного очковтирательства со стороны этого в целом, безусловно, выдающегося полководца. Так было и в сталинском СССР, и в нацистской Германии, хотя в сталинском СССР, будем справедливы, существенно меньше.

Глава XIII

А МОГЛО ЛИ БЫТЬ ИНАЧЕ?

Тухачевский предсказывал восстания в буржуазном тылу, а вспыхивали они почему—то в тылу у пролетарского государства.

(В. Суворов, «Очищение»)

Соотношение сил сторон к 22 июня 1941 г.

	Германия и ее союзники	СССР
Живая сила	3 300 000 ¹	5 500 000 ²
Танки	3712 ³	23 106 ⁴
Орудия и минометы	47 200	148 000
Самолеты	4950	28 000 ⁵
Боевые корабли	301	350

1. В том числе 2 850 000 немцев; по другим данным — 4 500 000.

2. По другим данным — 8 000 000; после объявления «Дня-М» планировалось (и было осуществлено) в течение недели призвать еще 5 300 000 чел.

3. В том числе 3360 немецких.

4. Формировалось еще 60 танковых дивизий с 22 000 танков.

5. Советская промышленность могла производить любые самолеты в любых количествах; после объявления «Дня-М» планировалось произвести 100 000–150 000 одних только штурмовиков Су-2 («Иванов»).

Итак, к лету 1941 г. все было готово для «освободительного» похода в Европу. По В. Суворову, «освободительный» поход был сорван превентивным ударом Гитлера в последний момент. А мы зададимся вопросом: а могло ли быть иначе? Ведь мог же не Гитлер опередить Сталина на пару недель, а наоборот! В поисках ответа обратимся к некоторым цифрам и фактам. Начнем с таблицы, характеризующей соотношение сил сторон на 22 июня 1941 года (составлена мною по «Грозе» И. Бунича, работам В. Суворова, а также по следующим работам: *Конквест Р.* Большой террор.

Флоренция, 1978; *Хоффман И.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год// Отечественная история. 1993. № 4).

Кроме подавляющего количественного, Красная Армия имела и огромное качественное превосходство. Некоторые факты просто поражают — например, 23 июня 1941 г. у литовского города Расейняй один танк КВ в течение суток сдерживал 4-ю немецкую танковую группу генерал-полковника Гёпнера (т.е. четверть всех бронетанковых сил Германии). Да и других фактов хватает — например, наши войска обнаружили один подбитый КВ, а вокруг — десять уничтоженных германских танков; КВ встретился с группой немецких танков, получил более 70 снарядов, но ни один не пробил его броню; КВ уничтожил восемь немецких танков, сам получил более 30 снарядов, но остался невредимым (цит. по: *Суворов В.* Последняя республика. С. 356–358). Или вот еще: один танк КВ несколько дней сопротивлялся 50 немецким танкам, поддержанным пехотой, артиллерией и т.д. (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков. С. 15).

В первые дни войны советские танковые армады контратаковали войска 1-й танковой группы Клейста на Украине. Именно там (а не под Прохоровкой два года спустя) развернулось крупнейшее танковое сражение Второй мировой войны. 5000 советских танков (то есть больше, чем всего было у Гитлера) нанесли противнику такие удары, что уже 26 июня Ф. Гальдер в своем дневнике пишет по поводу этого сражения: «Будем уповать на Бога». Пленные немцы, взятые в этом сражении, выглядели подавленно и были близки к панике; снова подобное психологическое состояние немцев нашим командирам доведется наблюдать очень и очень не скоро — только после Сталинграда и Курска (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков. С. 25).

И такое было не только в танковых войсках. Вот записи из дневника Ф. Гальдера. 1 августа: «В резер-

ве Главного Командования дивизий — 0» (это на 41-й день войны!). 7 августа: «При нынешнем положении с горючим проведение крупных операций невозможно» (это через полтора месяца. Да как же они к войне готовились — хочется воскликнуть вслед за В. Суворовым). 16 августа: «Расход боеприпасов. За период с 1 августа доставлено такое количество боеприпасов, которое предусмотрено всем планом «Барбаросса» (цит. по: *Суворов В. Очищение. С. 324*). И так далее — один только В. Суворов приводит подобные цитаты из дневника Гальдера (и не только из него) пачками.

Дальше — больше. Запись из дневника того же Гальдера от 10 августа: «Этим попыткам противника измененная немецкая пехота не сможет противопоставить решительных наступательных действий». 11 августа: «То, что мы сейчас предпринимаем, является последней и в то же время сомнительной попыткой предотвратить переход к позиционной войне. Командование обладает крайне ограниченными средствами... В сражение брошены наши последние силы». 22 августа: «...Во второй половине дня наши споры и дискуссии были прерваны телефонным разговором с фельдмаршалом фон Боком (главнокомандующим группы армий «Центр»), который вновь подчеркнул, что его войска на том рубеже, который был достигнут ими в расчете на наступление на Москву, не смогут обороняться в течение долгого времени». Не о наступлении речь. Не о блицкриге. Не до жиру, как бы захваченное удержать (*Самоубийство. С. 342–343*).

Возникает вопрос: как при всем при этом немцам удалось так далеко продвинуться в глубь России? Как они смогли, уже будучи остановлены к концу лета, и потерпев поражение под Ельней в начале сентября, снова начать 30 сентября наступление на Москву? Одним только внезапным ударом этого не объяснишь. Пожалуй, прав И. Бунич, который считает, что при имевшемся соотношении сил самое позднее к 1 июля немцы, несмотря на всю тактическую вне-

запность их удара, должны были быть остановлены, а потом быстро разгромлены. Напомню еще раз, что план «Барбаросса» как таковой строился на той посылке, что все войска, имеющиеся у Сталина, сосредоточены у самой границы и после разгрома этих войск кампанию можно считать выигранной. Непредусмотренные немецкими планами войска Второго и следующих стратегических эшелонов неминуемо должны были остановить и разгромить немцев, не готовых с ними сражаться. Кстати, именно так успокаивал Сталина Жуков, когда тот все же выражал опасения, что немцы возьмут да и нападут (если верить И. Буничу): даже если немцы сами на нас нападут, мы с нашим превосходством в силах сразу остановим их, окружим и уничтожим (Гроза. С. 549). Так бы и произошло, продолжает И. Бунич, если бы Красная Армия оказала сопротивление (Там же. С. 556–557).

И вот тут мы подходим к тому феномену, о котором пишут практически все независимые российские авторы самых разных взглядов и убеждений — от И.А. Ильина и И. Солоневича до М.С. Восленского и А. Авторханова. Но для этого необходимо сначала вспомнить некоторые аспекты внутренней истории страны с 1917 по 1941 год.

Глава XIV

«ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ»

Вторая мировая война была начата коммунистами в 1930 г. против мужиков России, Украины и Белоруссии. В 1939 г. эта война распространилась на соседние страны.

(Виктор Суворов. «Последняя республика»)

Нельзя забывать, что для реализации глобальных замыслов нужно было прежде всего подготовить соответствующие условия внутри страны.

НЭП восстановил разрушенное Гражданской войной хозяйство. Но этого было мало. Требовалась в первую очередь мощная тяжелая промышленность, способная материально подкрепить глобальные амбиции большевиков. В речах и статьях советских вождей постепенно и с годами все более ясно начинает проступать мысль о том, что нужна в первую очередь тяжелая индустрия, «иначе нас сомнут». Почти сразу после смерти Ленина, в декабре 1925 г., XIV съезд ВКП(б) взял курс на «социалистическую индустриализацию» СССР.

Это было началом конца НЭПа, хотя тогда мало кто это понял. События вскоре показали, что индустриализация по-сталински означает невиданную милитаризацию экономики СССР. Основной упор делался на тяжелую промышленность. Однако для индустриализации нужны были средства. Кое-какие средства нашли, пустив на экспорт все, что можно было пустить, — от коллекций московских и ленинградских музеев до леса, икры и пушнины. Но этих средств было мало, требовались куда большие. Где было их взять, если не в деревне? Короче говоря, деревню надо было загнать в колхозы, чтобы иметь возможность отбирать на нужды «мировой революции» все или почти все ею произведенное.

Был и еще один резон в проведении «сплошной коллективизации». Необходимо было ликвидировать всякую оппозицию курсу на «мировую революцию» внутри страны. Гражданская война показала, что, вопреки всем заклинаниям советской пропаганды, большинство народа не поддерживало большевиков с их «военным коммунизмом» и прочими прелестями. Вообще, эта тема — расстановка сил в Гражданской войне — настолько важна, что заслуживает отдельного серьезного исследования. Я же здесь только вкратце отмечу основные моменты.

Выше уже говорилось о том, откуда были родом руководители «белого» и «красного» лагерей. На подоб-

ные исследования наши оппоненты могли бы возразить: мол, неважно, откуда происходили лидеры большевистского движения, важно, что национальные окраины сопротивлялись большевикам, а в пределах нынешней России активное сопротивление оказали только Сибирь и казачьи области, где народ по своему менталитету существенно отличался от европейской Великороссии.

Вроде бы все так. Однако вот интересная цифра: на весну 1919 г. Красная Армия, согласно общепринятым советским данным, насчитывала 1 млн чел. Но вот на фронтах при этом находилось только 382,76 тыс. чел. (Военно-блоковая политика империализма. Под ред. П.А. Жилина и Р. Брюля. М., 1980. С. 66.). Где же были остальные?

Ответ — у того же Солженицына. «Нет числа крестьянским волнениям и восстаниям с 18-го по 21-й год, хоть и не украсили они цветных листов «Истории Гражданской войны», никто не фотографировал и в кино не снимал...» (Архипелаг ГУЛАГ. Ч. 1. Гл. 8). Похоже, именно официальной советской историей Гражданской войны и руководствуются те, кто говорит об отсутствии сопротивления Великороссии коммунистам.

А вот чекист Лацис в своей книге-отчете 1920 г. фиксирует 344 крестьянских восстания только за 1918 — первую половину 1919 г. (*Лацис М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 75). При этом надо учесть, что указанное время — отнюдь не пик крестьянских выступлений. Чтобы это понять, надо просто выделить этапы Гражданской войны в плане изменения настроений народа.

Начнем с того, что «красных» поддерживало примерно 15–20% населения России, «белых» — чуть меньше, 10–15%. Остальные примерно 70% (т.е. все крестьянство, кроме беднейшего) были не за «красных» и не за «белых», а сами за себя. И политическая ориентация этих 70% на разных этапах Гражданской войны менялась по меньшей мере трижды.

Первый этап Гражданской войны продолжался с марта 1917 по начало лета 1918 г. В это время происходила всенародная революция против старого порядка, отождествляемого с царизмом, помещичьим землевладением, телесными наказаниями для крестьян, еврейской чертой оседлости и прочими пережитками Средневековья. Именно так, а вовсе не как «социалистическую» и воспринимал революцию народ. Октябрьский переворот был интерпретирован просто как смена одного временного правительства другим, а Декрет о земле (взятый первым Советским правительством у эсеров) обеспечил новой власти поддержку этих самых 70% колеблющихся и как следствие — пресловутое «триумфальное шествие Советской власти».

На втором этапе (лето — зима 1918 г.) большевики вошли в конфликт с меньшевиками и эсерами, приведший к изгнанию последних из Советов и установлению однопартийной большевистской диктатуры. Это обстоятельство вкупе с политикой «военного коммунизма» привело к резкому повороту в настроениях упомянутых 70% населения. «Триумфальное шествие советской власти» превратилось в столь же «триумфальное» свержение диктатуры коммунистов на пространстве от Мурманска до Ашхабада и от Волги и Кубани до Владивостока.

Третий этап (1919–1920 гг.) ознаменовался переходом руководства Белым движением от демократических лидеров (в том числе эсеров и меньшевиков) к бывшим царским генералам. Эти последние так и не провели аграрную реформу, чем проиграли в глазах крестьянства большевикам с их Декретом о земле. Только в 1920 г. Врангель в Крыму распорядился передать всю землю крестьянам, но было поздно. Народ «белым» уже не верил.

Наконец, в 1921–1922 гг. после ухода «белых» крестьянство отказалось терпеть дальше военный коммунизм. Страна забурилась крестьянскими восстаниями,

а Кронштадт показал, что уже и армия начинает выходить из-под контроля. На подавление Кронштадтского восстания большевикам пришлось стягивать верные части со всей страны — даже из-под Хабаровска, поскольку обычные красноармейцы были ненадежны. Если бы одновременно с Кронштадтом восстала хотя бы одна из 16 красноармейских армий, то ее давить было бы нечем. Пришлось отступить и вводить НЭП.

При таком исходе большевики имели серьезные основания не считать себя победителями в Гражданской войне. Нужно было подчинять страну по-настоящему, что они исподволь, поначалу в малых масштабах, и начали делать.

С политической «интеллигентской» и прочей оппозицией вне большевистской партии, включая все прочие партии, было покончено еще при жизни Ленина, ее остатки отправили в созданные 25 мая 1923 г. Соловецкие лагеря особого назначения. Рабочие государственных предприятий были уже достаточно подчинены и организованы, не говоря уже о том, что именно они — рабочие крупной промышленности — как раз и были главной опорой большевиков. С «нэпманами» покончили в 1928–1929 гг.

Однако оставалась независимая деревня. Ее самостоятельность необходимо было ликвидировать больше, чем чью-либо еще. Ведь именно свободное крестьянство (составлявшее к 1929 г. более 80% всего населения страны) «воспротивилось бы советизации Эфиопии и Антарктиды, потому что за Коминтерн и его авантюры расплачиваться мужику и кровь лить — мужику» (*Суворов В. Последняя республика. С. 77*).

Что было проделано с крестьянством в 1929–1933 гг. — известно, повторяться не буду. Отмечу только, что коллективизация обошлась российской деревне в 15–20 млн жизней, считая и голод 1933 г., вызванный сопротивлением коллективизации со

стороны крестьянства. Непокорных крестьян попросту вымаривали.

Следующим этапом стало «наведение порядка» в стране в целом. Прежде чем ввести драконовские указы военного времени, которые и были проведены в жизнь в 1940 г. — о запрещении перемены работниками места работы по собственному желанию от 26 июня 1940 г. и о принудительном переводе с одного места работы на другое от 19 октября того же 1940 г. — требовалось создать такую атмосферу в обществе, чтобы «никто не пикнул», когда эти меры станут осуществляться (*Суворов В. День-М. С. 220–221*). Ну, и когда со вчерашними заклятыми врагами — фашистами — пакт будем заключать, тоже чтобы никто не выступал. Да и вообще чтоб никто не выступал, что бы власть ни делала. Скажем завтра, что вешать будем — так чтобы спросили только, «веревки свои приносить или профком обеспечит»!

С 1 декабря 1934-го по 22 июня 1941 г. в процессе такого вот «наведения порядка» было арестовано 18,86 млн человек, из них 7 млн расстреляно. Из остальных только 200 тысяч дожили до «хрущевской оттепели».

Сталинский тезис об «обострении классовой борьбы по мере движения к социализму», тоже осужденный при Хрущеве, таким образом неожиданно оказывается в принципе правильным, хотя и с двумя оговорками. Во-первых, под «социализмом» следует понимать то, что понимал Сталин — тотальную несвободу и тотальное подчинение всех сторон экономической, общественной и личной жизни тоталитарному государству. А во-вторых, «классовая борьба» — это не сопротивление «недорезанных буржуев» и прочих «недобитых эксплуататорских классов», а сопротивление народа в целом данному процессу. Чтобы его сломить, потребовались многие миллионы жертв.

ПРЕВРАТИТЬ ВОЙНУ В ГРАЖДАНСКУЮ!

Неудивительно, что в такой обстановке лозунг «Превратить войну германскую в войну гражданскую» должен был поначалу встретить весьма ощутимую поддержку, так что в начале войны советский народ просто не желал в значительной своей части воевать за сталинский режим. И действительно — что собой представляет Гитлер и что он несет России, мало кто понимал, поскольку еще не было собственного опыта, тогда как в отношении Сталина собственный опыт был — душегубская коллективизация, великий украинский (а также южнороссийский и казахстанский) голодомор 1933 г., 1937 год, указы 1940 г. о запрещении самовольной смены места работы (26 июня) и о праве государства переводить рабочего на другое предприятие без его согласия (19 октября), фактически превращавшие промышленных рабочих в рабов (а крестьяне были превращены в крепостных еще раньше).

Тем, кто это прошел, естественно было думать так: приход иностранной армии означает свержение большевизма, а чем отличается Гитлер от Рузвельта и Черчилля, советский колхозник, например, плохо себе представлял: «о тот год еще не гундосило радио по избам, и газеты читал не в каждой деревне один грамотей, и все эти Чжан Цзо-Лины, Макдональды и Гитлеры были русской деревне чужими, равными и ненужными болвашками» (*Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. Часть V. Глава 1*).

Да если бы колхозники и были как следует обработаны советской пропагандой (как городское население), то ведь «осточертелая ненавистническая агитация по системе «кто не с нами — тот против нас» никогда не отличала позиций Марии Спиридоновой от Николая II, Леона Блюма от Гитлера, английского парламента от германского рейхстага». Так почему

же должны были эти люди «фантастические по виду рассказы о книжных кострах на германских площадях, о воскрешении какого-то древнего тевтонского зверства (напомню, что о зверствах тевтонов изрядно прилыгали и русские газеты в Первую мировую войну) отличить как правду и в германском нацизме, обруганном в тех же — предельных — выражениях, что раньше Пуанкаре, Пилсудский и английские консерваторы, узнать четвероногое, достойное того, которое уже четверть века вполне реально и во плоти когтило и город, и деревню, и Архипелаг, и их самих» (там же).

Английский историк осторожно замечает по этому поводу: «Насколько эффективна была советская пропаганда за пределами политически активного меньшинства — большой вопрос» (*Барбер Дж. Роль патриотизма в Великой Отечественной войне // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 448*). Слово опять же Солженицыну: безграничная вера «отнюдь не была достоянием общенародным, а только партии, комсомола, городской учащейся молодежи, советской интеллигенции да отчасти — рабочих; «отчасти» — потому что указы 1940 г. тоже не вербовали себе сторонников». (От себя добавлю: интеллигенции — тоже «отчасти», поскольку люди умственного труда по своей работе обязаны хоть иногда думать).

Неудивительно, что обычной реакцией, например, крестьян на начало войны было такое (описано тем же Солженицыным (Архипелаг ГУЛАГ. Часть V. Глава 1) на примере рязанского села): как только Сталин произносит (3 июля 1941 г.) свое знаменитое «братья и сестры», один мужик под одобрительный хохот остальных показывает репродуктору неприличный жест и с матерной руганью произносит: «А вот не хотел!»

Неудивительно после этого и то, что уже 16 июля 1941 г. издается совершенно секретный сталинский приказ № 0019, в котором есть такие слова: «На всех

фронтах имеются многочисленные элементы, которые даже бегут навстречу противнику и при первом столкновении с ним бросают оружие». Последний (или один из последних) по времени переход на сторону немцев целого полка вместе с офицерами зафиксирован аж 22 августа 1941 г. (436-й стрелковый полк майора Кононова) (Там же).

Случаев измен **офицеров** при желании немало можно найти, но вот лучше такой факт: в первые дни войны был официально восстановлен (и до октября 1942 г.) институт военных комиссаров. Напомню: без подписи комиссара ни один приказ командира не был действительным, то есть фактически уничтожалось единоначалие. Напомню еще, что до сих пор институт военных комиссаров в Красной Армии вводился всего дважды.

Первый раз — в 1917 г. и до 1924-го. Но тогда эта мера была понятной: большинство командиров — «классово чуждые» спецы, офицеры старой Российской Армии. Как говорится, глаз да глаз нужен! Да и свои, «пролетарские» командиры к дисциплине еще не привыкли и мало ли что могли учудить (и чудили).

Второй раз это было сделано в 1937 г. Тоже понятно: мало ли что могли сотворить военные, видя, как их товарищей репрессируют одного за другим и ожидая того же для себя! А вот в 1941-м зачем? Очевидно, не доверял товарищ Сталин своим командирам!

Всего же за лето 1941 г. на сторону немцев перешло 1,5 млн солдат, 2,5 млн сдались или попали в плен, 1 млн дезертировал и т. д. (*Бунин И.* Гроза. С. 564–565). Одним словом, у Сталина были веские основания в своем знаменитом приказе от 16 августа 1941 г. объявить, что «никаких советских военнопленных у немцев нет, есть только изменники».

Эти цифры косвенно подтверждаются и советской (и официальной постсоветской) статистикой. Так, только в Белоруссии к 9 июля 1941 г. Красная Армия потеряла 341 000 человек, из них 287 700 пленны-

ми (Мягков М.Ю. Битва за Москву в документах группы армий «Центр»// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 248–266). Всего на 22 июня 1941 г. Красная Армия насчитывала 5,5 млн чел.; за первые 10 дней войны было призвано, как и планировалось, еще 5,3 млн, т. е. всего стало 10,8 млн, не считая призванных в последующие два месяца. Куда же делась вся эта масса людей, если убито и ранено к сентябрю 1941 г. было только 800 тысяч? Почему официальная советская история войны назвала катастрофой потерю 1850 самолетов в первые два дня войны, когда их было 28 000? Потерю 600 танков, когда их было 23 000? И так далее. При той чудовищной численности войск, которые имелись у Сталина, даже официально объявленные геббельсовской пропагандой в середине июля заведомо завышенные цифры советских потерь — 2,5 млн солдат, 5000 танков, 12 000 самолетов — были бы не смертельны для СССР, соотвествуя они действительности.

Однако те, кто видел в немцах освободителей, были жестоко разочарованы. Вслед за Вермахтом шли эсэсовские части, начавшие осуществлять политику порабощения (а отчасти и уничтожения) населения. Сдавшиеся в плен советские солдаты были разоружены и брошены в немецкие концлагеря, а те немногие, кому позволили остаться в рядах Вермахта — распределены небольшими группами по немецким частям. Гитлер прямо заявлял, что ему безразлично, кто управляет Россией — цари или большевики, он Россию ни от кого не освобождает, он ее завоевывает, и народы России нужны немцам только как рабочий скот. Народы России тоже скоро это поняли и начали сражаться с врагом — не за Сталина и ВКП(б), а за себя. Сталин, кстати, тоже это понял и именно так и признался американскому послу А. Гарриману в минуту откровенности: «Народ сражается, как и прежде, за свое Отечество, а не за нас» (Mc. Neal A. Stalin. Man and Ruler. Basingstore, 1988. P. 140).

Современный российский историк пишет, что одним из просчетов немецкого командования было то, что оно не ожидало массового сопротивления на оккупированных советских территориях из-за проводившихся сталинским режимом перед войной репрессий и коллективизации. Тут не знаешь, что и сказать. Если нацистские главари, ведя войну против народов России на геноцид и нисколько этого не скрывая (и даже, наоборот, всячески афишируя), при этом «не ожидали сопротивления», это говорит просто об их идиотизме.

Неудивительно, что уже к осени 1941 г. настроения народа стали совсем другими. Началась всенародная война, которую немцы не могли не проиграть рано или поздно. Уже к концу 1941 г. действовало до 2000 партизанских отрядов (*Басов А.В.* Историческая наука. Новые трактовки причин и хода Великой Отечественной войны// Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 464). Впрочем, поведение советских войск летом 1941 г. не прошло бесследно: первоначальные успехи позволили немцам практически весь 1941 год отвоевать против СССР на захваченных у Красной Армии запасах, и лишь с начала 1942 г. немецкая экономика начала давать фронту достаточное количество собственных боеприпасов для ведения войны против России.

При этом у нас есть основания думать, что англо-американские союзники и их немецкие агенты предвидели именно такой вариант развития событий и не имели ничего против, поскольку нежелание на первом этапе советских солдат воевать позволит Вермахту углубиться далеко в Россию и завязнуть в ней, что существенно облегчит США и Британии задачу на их фронтах (*Бунич И.* Гроза. С. 300).

Все эти данные наводят на размышления: а могло ли быть иначе? Могла ли Красная Армия, ударив по немцам первой, выиграть всю войну и добиться-таки мирового господства коммунистического режима?

Допустим, завоевали Европу и дошли до Ла-Манша (в наступательной войне легче заставить армию повиноваться, даже если она того не хочет; Финляндская война это наглядно продемонстрировала). Дальше так или иначе надо воевать с США и Британией, а эти страны блицкригом не покоришь, и война с ними по определению превращалась в затяжную. Как бы повела себя Красная Армия в такой ситуации?

Впрочем, о перспективах войны СССР с англо-американцами мы подробнее поговорим ниже, а пока снова вспомним, что и в высшем руководстве Вермахта поселилась измена. Природа тоталитарной системы такова, что она приводит очень многих людей к парадоксальному выводу: при власти тоталитаристов над своей страной высшим проявлением патриотизма является государственная измена. И именно в этом (не только в этом, конечно) — тупиковость тоталитаризма (*Бунич И.* Гроза. С. 290–293, 364).

Глава XVI

СОРОК ПЕРВЫЙ: СЧИТАЛ ЛИ СТАЛИН ВСЕ ПОТЕРЯННЫМ ПОСЛЕ 22 ИЮНЯ?

Кто борется — может проиграть.

Кто не борется — уже проиграл.

(афоризм)

Но и после страшных потерь в первые дни войны СССР был невероятно силен. И мог бы быть еще сильнее, если бы с самого начала перешел к обороне. Однако срыв планов Сталина вынуждал последнего снова и снова пытаться бросать войска в наступление.

Итак, 22 июня 1941 г. Гитлер вторгся в Россию. В 7.15 утра, почти через 4 часа после немецкого нападения, Москва отдает приказ обрушиться на врага и уничтожить его там, где он перешел советскую границу, но самим границу до особого распоряже-

ния не переходить. Лишь в полдень Сталин, наконец, поверил, что это не провокация, а нападение, и был отдан приказ на начало операции «Гроза» (по другим данным — в 21.35) (*Бунич И.* Гроза. С. 558–560; 30. С. 456).

В течение недели Сталин пытается поправить положение, снова и снова бросает войска в наступление. Отдельные успехи есть — наступают, иногда по 20–25 км в глубь территории противника, отдельные дивизии. Так, 41-я стрелковая дивизия 6-го стрелкового корпуса 6-й армии без приказа сверху согласно предвоенным планам перешла государственную границу в районе Равы-Русской. Командующий Северо-Западным фронтом генерал-полковник Ф. Кузнецов — тоже без приказа из Москвы — отдал приказ о наступлении на Тильзит (*Ледокол.* 2002. С. 332) и т.д. В дельте Дуная даже удается захватить г. Килия: 25 июня боевые корабли Дунайской флотилии под прикрытием береговых батарей и 14-го стрелкового корпуса высаживают войска на румынский берег, и на следующий день красный флаг поднимается над центральным собором этого города (*Там же.* С. 128).

С 23 по 29 июня 1941 г. идет гигантское танковое сражение в районе Луцк — Броды — Ровно, о котором уже говорилось. Выше я писал, что против 1000 немецких танков действовали 5000 наших. В. Суворов приводит другие данные. 799 немецким танкам (1-я танковая группа Клейста), среди которых не было тяжелых, плавающих, с дизельными двигателями, с противоснарядным бронированием, с длинноствольными пушками калибра 75 мм и выше, с широкими гусеницами, противостояли 8069 танков Киевского и Одесского округов (в том числе 4809 на Западной Украине), среди которых были 747 новейших Т-34 и КВ. «Тридцатьчетверки» считаются нынешними военными историками средними танками, однако с учетом того, что в 1941 г. лучшие зарубежные танки — немецкие Т-III и Т-IV — весили (в разных ва-

риантах) от 19,8 до 22,3 тонны (Последняя Республика. С. 428–432), Т-34 по меркам того времени вполне можно считать тяжелыми. При этом Т-34 и КВ сочетали в себе все вышеперечисленные достоинства, кроме, понятно, умения плавать.

К разряду тяжелых танков относились также и Т-35 (их в распоряжении двух округов был 51), вооруженные тремя пушками и 6–7 пулеметами (Там же. С.346–347).

Плавающих танков было 876 (669 Т-37, 123 Т-38, 84 Т-40). С дизельными двигателями, кроме Т-34 и КВ, было также 370 БТ-7М (какие двигатели были у плавающих танков — дизельные или бензиновые, — я просто не в курсе, но полагаю, что хотя бы у новейшего Т-40 двигатель был дизельный).

Сражение закончилось поражением советских войск, и В. Суворов, противореча своим предыдущим книгам, в «Тени победы» винит в этом «бездарного» Жукова (*Суворов В. Тень победы. М., 2002. С. 189–192*). Но ведь не Жуков непосредственно нес ответственность за это наступление. Он выехал сюда, в штаб Юго-Западного фронта, 22 июня, хотя решение об этом было принято 21-го, еще до начала войны, когда Политбюро приняло решение тайно развернуть на месте приграничных военных округов фронты. Командующим Юго-Западным фронтом был назначен генерал армии И.В. Тюленев, Жукова же направили координировать действия этого фронта с Южным.

Жуков вылетел 22 июня, после немецкого нападения, но ведь решение-то было принято ДО него (*Суворов В. День-М. С. 261*). А главное, вместо наступления приходилось обороняться, что спутало все карты не готовым к такому обороту Жукову, Тюленеву и всей Красной Армии. Кроме того, Жуков был отозван с Юго-Западного фронта еще 26 июня, отозван как начальник Генерального Штаба, с связи с критическим положением в Белоруссии, где немцы наносили главный удар. И лишь после его отъезда, 28 июня,

немцам удалось переломить ход сражения в свою пользу (Яковлев Н.Н. Маршал Жуков. С. 15).

И наконец, это еще конец июня 1941 г. Еще сам Сталин — в условиях внезапного удара противника, в условиях господства противника в воздухе — гонит войска в наступление, пытаясь перехватить инициативу. Реакция Красной Армии на нападение Гитлера — это реакция не ошестившегося ежа, а огромного крокодила, которому нанесен внезапный сверхмощный удар в тот момент, когда он крался к жертве. «Истекая кровью, крокодил пытается атаковать... Он не умеет делать ничего более, и он не меняет своего намерения» (Ледокол. 2002. С. 332).

Но в целом неготовые к обороне советские войска вынуждены стремительно отступать с огромными потерями. В. Суворов спрашивает: а что было бы, если бы у Жукова было не 10 механизированных корпусов, а только два, как у Ф. Кузнецова? Что было бы, если бы против него была не одна танковая группа, а две, как против Павлова (2-я и 3-я, 1967 танков) (Тень победы. С. 192). А вы сравните темпы продвижения немцев на северных фронтах и на южных! 28 июня немцы в Белоруссии занимают Минск, 30 июня в Прибалтике они занимают Ригу. А на Украине только 30 июня входят во Львов. 9 июля 4-я танковая группа Гёпнера берет Псков, а на Украине они еще и на подступы к Киеву не вышли. 16 июля немцы занимают Смоленск, а на юге — только Кишинев.

Наконец, на восьмой день, бросив известную фразу: «Прос.ли мы ленинское дело, все пропадает!», Сталин уезжает на дачу и два дня не дает о себе знать. Лишь 1 июля соратникам удается уговорить его вернуться к работе.

В. Суворов объясняет такое поведение Сталина просто: как бы ни пошла дальше война, завершить ее тем, ради чего она затевалась, — захватом всей Европы и всех европейских колоний — уже не удастся; значит, война проиграна, и дело всей жизни вождя —

тоже. Вот с этого-то момента СССР и проиграл войну окончательно и был рано или поздно обречен на распад и гибель (Очищение. С. 341–345).

Позволю себе, однако, с этим не согласиться. На мой взгляд, имели место, по крайней мере, несколько сталинских попыток изменить ход войны и добиться-таки в ней победы.

В самом деле, сам же В. Суворов пишет, что еще и 7 июля Сталин лично приказал командующему Южным фронтом генералу армии И.В. Тюленеву удерживать Бессарабию как плацдарм для наступления на нефтяные поля Румынии (Ледокол. 2002. С. 130–131). Кстати, интересно, что директива Гитлера румынскому диктатору Антонеску от 18 июня 1941 г. говорит только об обороне: немецкие и румынские войска должны «удерживать румынскую территорию», особенно «обеспечивать безопасность нефтяных районов, гавани в Констанце и мостов через Дунай от воздушных налетов, парашютистов и диверсантов» (Некрич А.М. С. 91).

И в дальнейшем — наступать, наступать, наступать! С 6 по 10 июля наносится контрудар 20-й армии генерала П.А. Курочкина под Лепелем (История Второй мировой войны в 12 томах. Т. 4. С. 46). В середине июля 19-я армия генерал-лейтенанта Конева пытается отбить у немцев Витебск (Рокоссовский К.К. Солдатский долг. М., 1984. С. 24). С 14 по 18 июля наносится контрудар 11-й армии генерала В.И. Морозова против немецкого 56-го моторизованного корпуса под Сольцами (на полпути между Новгородом и Псковом). Удар, наносимый на глубину до 40 км, почти на месяц задержал наступление немцев на Ленинград (История Второй мировой войны. Т. 4. С. 65). Только 16 июля по представлению начальника Главного артиллерийского управления генерал-полковника Н.Д. Яковлева Жуков приказал отозвать с фронта артиллерию резервов Главного Командования большой и особой мощности, поскольку «ха-

рактер боевых действий, развивающихся на фронтах (т.е., вероятно, необходимость обороняться вместо вторжения на территорию противника, другое объяснение трудно придумать. — В.К.), не представляет возможности эффективно использовать в боях» эти части (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков. С. 17).

Затем следует серия ударов на Смоленском направлении, в результате чего в конце июля советские армии отбивают у немцев Ярцево (*Рокоссовский К.К.* С. 29–35). Продолжаются попытки наступлений на Смоленщине и в августе (Там же. С. 38–42). А на Ленинградском направлении 34-я армия наносит удар от Старой Руссы на 60 км от р. Ловать, угрожая тылу наступающих на Ленинград немецких войск (*Суворов В.* Беру свои слова обратно. С. 333–334).

Затем начинаются наступательные бои под Ельней, занятой немцами еще 19 июля. Бои идут до 6 сентября, когда Ельню освобождают. В. Суворов цитирует мемуары генералов-фронтовиков, из которых ясно, что и осенью 1941 г., когда Вермахт стоял у ворот Москвы и совсем не предрешено было, что столицу удастся отстоять, оборона рассматривалась как задача второстепенная, а главной продолжало считаться наступление, и только наступление: «Вместе с тем думалось: не всегда же мы будем обороняться. Отступление — дело вынужденное... Оборона никогда не считалась и не считается главным видом боевых действий... Значит, нужно готовить войска к наступательным боям», — писал, например, генерал-лейтенант С.А. Калинин (цит. по: Ледокол. 2002. С. 251). Если советские генералы так думали, когда Вермахт стоял у стен Москвы, то что уж говорить о времени боев под Ельней!

В конце сентября наносится контрудар под Ленинградом (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков. С. 24–25) и на Сумщине на Украине — под Конотопом. Так что отнюдь не в июле советские генералы пришли к выводу, что «крокодил наступать не может». А может

быть, в июле — сентябре еще и потому наступали, что в наступательных боях меньше опасность сдачи и измены солдат? А в октябре настроения армии и народа уже были другими, армия уже горела желанием воевать.

Впрочем, настроения народа-то были другими, а вот командования — теми же. Наступать пытались и дальше: 5 октября, в самый разгар немецкой операции «Тайфун», 16-я армия генерал-лейтенанта К.К. Рокоссовского получила приказ нанести контрудар под Юхновом (*Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 49*). Едва немецкое наступление стало немного затихать, как 13 октября советские танки нанесли контрудар под Боровском, и остановить его немцы сумели только с помощью авиации (*Яковлев Н.Н. Маршал Жуков. С. 28*). С 11 по 16 ноября 16-я армия Рокоссовского наносит удар на Волоколамск (*Рокоссовский. С. 70–73*).

12 ноября Красная Армия начинает наступление под Ростовом, 17 ноября — под Тихвином. 17–18 ноября наносится новый контрудар у Волоколамска, 24–25 ноября — у Солнечногорска (Там же. С. 79–87). Так что еще задолго до сталинского приказа от 7 января 1942 г. Красная Армия пыталась наступать по всему фронту. Почему? Попробуем проанализировать ситуацию в мире в целом, поскольку анализ ситуации на советско-германском фронте ответа на вопрос явно не дает.

Глава XVII

ЗАЧЕМ ОНИ НАПАЛИ НА АМЕРИКУ?

Все японцы — в душе коммунисты
(Мацуока — Сталину, 23 марта 1941 г.)

«Союз с Японией, — пишет Виктор Суворов, — не имел для Гитлера позитивных последствий — только негативные. Япония, по сути, втянула Гитлера в вой-

ну против США. Так что лучше Гитлеру было не иметь Японию в союзниках. Дешевле бы обошлось» (Последняя республика. С. 160–162).

Разберемся. Ответим для начала на вопрос: а зачем Япония напала на Америку?

СССР прилагал немалые усилия для превращения Японии в «дальневосточный ледокол». С 1926 г. Японии неоднократно предлагалось заключить договор о дружбе и сотрудничестве, аналогичный Рапалльскому договору с Германией (*Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995. С. 40). А с 1931 г. предлагался и пакт о ненападении (Там же. С. 41–42). Деятельность Р. Зорге по созданию «дальневосточного ледокола» расследовалась в 1951 г. специальной комиссией Конгресса США. Уже в конце 1935 г. Зорге создал в Токио мощную разведывательную организацию, имевшую доступ к самым секретным японским документам. (*Hearings on American Aspects of the Richard Sorge Spy Case. House of Representatives. 82nd Congress. First Session. August 9, 22 and 23. Washington, 1951. Цит. по: Ледокол. 2002. С. 312*)».

Советская разведка в 1936 г. пришла к выводу, что Япония будет стремиться именно в Юго-Восточную Азию, туда, где есть большие запасы нефти, которую при этом сравнительно легко добывать (*Суворов В. День-М. С. 86*). Поражение на Халхин-Голе, кстати, тоже желания нападать на СССР японцам не добавляло, тем более что сразу после него и Риббентроп посоветовал японскому послу в Берлине «нормализовать отношения с СССР на период войны с Западом» (*Славинский Б.Н. С. 47*).

В свете этого интересно, что уже в 1937 г. в СССР было принято решение о создании мощной промышленной базы в азиатской части СССР. В свете того, что говорилось и еще будет сказано о советских планах войны в Европе, едва ли уже тогда предвиделась необходимость эвакуации предприятий сюда из запад-

ных районов СССР — если бы так, то проще изначально было бы не строить 85% военно-промышленных предприятий на территориях, в 1941–1942 гг. попавших под оккупацию немцев (о чем пишет Суворов). Скорее тут предвиделось, что и против Японии — «дальневосточного ледокола» — надо создать мощную индустриальную базу, чтобы, когда придет «День-М» на Дальнем Востоке, не очень издалека подвозить все необходимое для войны (*Фельштинский Ю.Г.* Читая книги «Ледокол» и «День-М» Виктора Суворова// Правда Виктора Суворова. С. 146).

22 июня 1940 г. под натиском немецких армий капитулировала Франция. Через три месяца, 22–27 сентября, Япония захватила северную часть Французского Индокитая, выйдя в своей экспансии за пределы Китая, с которым она воевала с 1937 г. Действия Японии понятны: для продолжения войны нужна была нефть, которую можно было добыть в Юго-Восточной Азии, точнее, в Индонезии (колония разгромленной Гитлером Голландии) и в Малайзии (колония Британии).

Со своей стороны, администрация США во главе с Рузвельтом стремилась втянуть США в войну за мировое господство, но так, чтобы США в этой войне были или, по крайней мере, выглядели обороняющейся стороной. Поэтому против Японии применялись различные санкции. Помимо уже упоминавшегося приказа Рузвельта оставить Тихоокеанский флот США в Пёрл-Харборе, применялись и экономические методы воздействия. После японской оккупации Индокитая и подписания тройственного германо-итало-японского пакта 27 сентября 1940 г., а особенно после оккупации Южного Индокитая в июле 1941 г. санкции ужесточились (*Бунич И.* Влекомые роком. С. 50, 95–96). Например, 26 сентября 1940 г. было введено эмбарго на поставки в Японию металлолома (*Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 136).

Что касается разведки, то ограничилась ли деятельность СССР в Японии одним Рихардом Зорге? Вообще, именно здесь представляется целесообразным рассказать о других, к официальной разведке никакого отношения не имевших «бойцах невидимого фронта».

Начнем, однако, с того, что Япония — третья после России и Германии страна в планах «рабских контрреволюционеров», по крайней мере того же Дугина. Как и Россия и Германия, Япония относится ко «второму эшелону» капитализма. История Японии тоже во многом синхронна германской, и особенно российской. Так, насильственное «открытие» Японии американцами в 1853 г., ускорившее революцию Мэйдзи 1867–1869 гг., сопоставимо с поражением России в Крымской войне, ускорившим Великие реформы 1860-х гг. А в начале XX в. Япония, как и Россия, переживала период «либеральных реформ сверху» (1912–1926 гг.). Японским «рабским контрреволюционерам» это, естественно, не нравилось.

А теперь вот о чем. В 1927 г. неожиданно скоропостижно скончался известный медик профессор Бехтерев. По официальной (принятой в годы «перестройки») версии, Бехтерев был приглашен к Сталину, чтобы осмотреть его на предмет начинавшейся сухорукости. Однако, обследовав высокопоставленного пациента, Бехтерев неожиданно обнаружил у него признаки паранойи. Тогда еще не все в СССР научились держать язык за зубами, и тем же вечером ученый проговорился, что «осматривал одного сухорукого параноика». Через несколько дней Бехтерева не стало, и есть серьезные основания думать, что его отравили.

Однако нет никаких оснований считать, что Сталин был параноиком. Все его действия в борьбе за власть над страной и миром — это железно-логически-последовательные действия умного, хитрого, коварного политика. Но если не разглашением

сведений о паранойе Сталина, то чем Бехтерев тогда провинился? Может быть, как и Покровский и французское агентство ГАВАС, разгласил что-то, что Сталину хотелось бы сохранить в тайне?

А теперь вспомним, что учеником и последователем Бехтерева был А.В. Барченко (1881–1938) — известный деятель мартинистов (*Шишкин О.А. Битва за Гималаи. М., 1999. С. 43*). Мартинисты представляли собой масонскую организацию, но масонскую организацию совершенно особого типа. Сразу оговариваюсь: я убежденный материалист, и когда я говорю о масонах, мартинистах и прочих, то совершенно не интересуюсь оккультизмом, эзотерикой и прочей мистикой. Для меня важны только связи между людьми, состоявшими в тех или иных организациях или близкими к ним.

Членом мартинистской ложи в большевистских и околоревизионистских кругах России был, например, будущий придворный скульптор Сталина С. Меркуров. Уже в начале XX в. Меркуров отличался крайней левизной взглядов, дружил со Степаном Шаумяном, а в 1911 г. Меркуров ввел в мартинистскую ложу своего двоюродного брата Г.И. Гурджиева (*Шишкин О.А. Битва за Гималаи. С. 24–26*). Между тем и сам Гурджиев в молодости учился в одной семинарии со Сталиным, а потом участвовал в деятельности сталинской «боевой группы» («экспроприаторов?» — *Д.В.*) (*Виноградов А. Тайные битвы XX столетия. С. 186–187*).

В 1909 г. в ложу мартинистов вступил и будущий видный чекист Г.И. Бокий, причем рекомендовал его туда А.В. Барченко. Членом ложи был и другой высокопоставленный чекист — И.М. Москвин (не путать с полным тезкой — артистом) (*Шишкин О.А. С. 19, 24–26*). Наконец, мартинистом был Н.К. Рерих, связи которого с ОГПУ-НКВД хорошо известны. Так вот, еще в 1912 г. Рерих познакомился со вторым секретарем японского посольства в Петербурге Иосукэ Мацуока, имевшим связи с японским

«Обществом черного дракона» и «Обществом основ трона» (*Шишкин О.А. Битва за Гималаи. С. 25*). В декабре 1924 г. в Египте Мацуока снова очутился в одной компании с Рерихом. В этой же компании оказались и будущий посол Японии в Москве (дипломатические отношения с СССР были установлены Японией пару месяцев спустя) Того, через Мацуока и Того Рерих поддерживал связи с главами «Общества черного дракона» Мицуро Тояма и «Общества черного океана» Рихэй Усида. Во всех этих контактах играл довольно заметную роль журналист Тацуми, бывший секретарь главы японских социалистов Сена Катаямы (Там же. С. 118, 123–124).

А много лет спустя, в марте 1941 г., Мацуока, уже глава МИД Японии, по пути в Берлин посетил Москву. В беседе со Сталиным он выразил симпатию советскому тоталитаризму, произнес, в частности, и слова, вынесенные в эпиграф к этой главе, обругал демократию и либерализм, которые отвлекают людей на всякие личные интересы вместо выполнения важных государственных задач, но не это главное.

Главное в том, что на обратном пути из Берлина Мацуока снова заехал в Москву и 13 апреля 1941 г. подписал с СССР договор о ненападении (*Бунин И.Л. Гроза. СПб., 1997. С. 447–450, 460*). Обратим внимание: Мацуока ехал не в Москву, а в Берлин через Москву. В Берлине Мацуока не сообщил Гитлеру о проведенных им предварительных переговорах со Сталиным. И после того, как был подписан советско-японский договор о ненападении, Риббентроп дал указание своему послу в Токио потребовать объяснений (*Суворов В. Бери свои слова обратно. Донецк, 2005. С. 132*).

А вот запись в дневнике начальника Германского Генерального Штаба Ф. Гальдера за 28 января 1941 г. «К концу февраля наши запасы каучука будут исчерпаны. 25 тысяч тонн закуплено французами (очевидно, правительством Виши в Индокитае. — В.К.), но

японцы не допускают его вывоза (цит. по: *Суворов В. Очищение. М., 2001. С. 321*).

Правда, и Германия подписала договор с СССР 23 августа 1939 г., в разгар победного наступления войск Жукова на Халхин-Голе. И это тоже вызвало недовольство Японии. И все же трудно отделаться от мысли, что действия Японии в 1939–1941 гг., включая нападение на Пёрл-Харбор, скорее продиктованы ее ролью «дальневосточного ледокола» Сталина, чем союзника Гитлера по «Оси». Об этом писал и В. Суворов (*Ледокол. 2002. С. 312; Последняя республика. С. 160–162*).

Но продолжим об американско-японском противостоянии. 26 июля 1941 г. были заморожены японские активы в США, что оставило Японию без нефти; накопленных же запасов нефти должно было хватить на два года (*Уткин А.И. С. 136*). Это не могло не толкать Японию в Юго-Восточную Азию, где нефть была. Однако 10 августа США и Британия предупредили Японию, что «дальнейшая экспансия со стороны Японии вызовет американские и британские меры вплоть до военных» (*Влекомые роком. С. 100–101*).

Таким образом, уже тогда в японском руководстве было принципиально решено: воевать против Америки, первый удар нанести по американскому и британскому флотам. 4 октября 1941 г. Р. Зорге сообщил в Москву, что 3000 железнодорожных рабочих, обслуживавших поезд Квантунской армии, исчезли неизвестно куда (*Там же. С. 157*). Это ясно говорило, что войны против СССР Япония начинать не собирается.

Да Сталин и раньше это понимал. Еще в начале 1941 г. советская разведка установила, что в японском Генеральном Штабе разрабатывается детальный макет Филиппинских островов и что карты этих островов планируется выпускать в массовом масштабе. Выводы напрашивались сами (*Суворов В. Последняя республика. С. 294*). Да и советско-японский пакт о ненападении 13 апреля 1941 г. вселил в Сталина уверенность, что Гитлер не собирается нападать

на СССР, иначе бы он не допустил подписания этого пакта (*Бунич И.* Влекомые роком. С. 66–67). Тут, правда, Сталин переоценил скоординированность действий Германии и Японии...

И тут мы переходим ко второй части вопроса: а зачем Гитлер объявил войну США? Пусть Японии было нужно напасть на Пёрл-Харбор, но ведь она после 22 июня 1941 г. не объявила войну СССР, несмотря на наличие пакта 27 сентября 1940 г. — так что и Гитлер вполне мог не объявлять войну США. Однако объявил. Почему?

Ну, во-первых, американская политика ленд-лиза раздражала Германию не меньше, чем американские экономические санкции Японию. А главное — ленд-лизом дело не ограничивалось. Уже с конца 1940 г. в Британию перебрасывались американские стратегические бомбардировщики с американскими экипажами (Там же. С. 39–40). Но и это было не все: 30 марта 1941 г. были конфискованы все германские и итальянские суда в американских портах (что само по себе есть почти что акт войны), 24 апреля США объявили о намерении топить все германские корабли западнее 30 градусов з.д., 14 июня была заморожена вся немецкая и итальянская собственность в США, 16 июня закрыты немецкие и итальянские консульства. Одним словом, США фактически уже были невоюющим союзником Британии, причем приставка «не» могла в любой момент отпасть (*Суворов В.* Самоубийство. С. 255–257). Но все же, думается, дело было не только в этом.

29 ноября 1941 г. Гитлер заявил Тодту, что война проиграна (*День-М.* С. 89; *Самоубийство.* С. 348–349). Собственно, это было ясно и раньше, мы уже цитировали многочисленные высказывания Гитлера о том, как он недооценил силу Красной Армии. Поэтому заслуживает внимания точка зрения С. Хаффнера о том, что Гитлер объявил войну США с целью спровоцировать американцев на приход в Европу и хоть таким образом отомстить обманувшему его Стали-

ну, отобрав у последнего американскими руками значительную часть плодов победы. Правда, я лично не разделяю точку зрения С. Хаффнера о том, что Гитлер полагал, что при всех разногласиях с западными державами Запад и Германия все же должны совместно противостоять СССР (*Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. М., 1972. С. 66–67*). Достаточно сказать, что в случае победы над Британией Гитлер планировал вывезти в лагерь на европейском континенте всех английских мужчин от 17 до 50 лет. Однако сама мотивация объявления войны Гитлером Америке вполне реальна. Не говоря уже о том, что Гитлера вполне могли подтолкнуть к такому решению некоторые руководители разведки, связанные с западными спецслужбами...

Итак, с 7 по 11 декабря 1941 г. Германия, Италия и Япония на Америку напали. Сталин готовил агрессивную войну, обороняться ему пришлось поневоле. Рузвельт же, связав Сталина и Гитлера взаимной истребительной войной, теперь, когда Америке это ничем не угрожало, устроил так, что Америка вступила в борьбу за мировое господство как обиженная, подвергшаяся внезапному и ничем не спровоцированному нападению миролюбивая и демократическая страна. Это ли не работа гения?

Глава XVIII

И СНОВА ВОЗДУШНЫЙ ДЕСАНТ, ИЛИ «ГРОЗА-2»

Расколошматим немца за зиму так,
чтобы весной он не смог подняться!

(*Передовица «Правды» от 16 января 1942 г.*)

Итак, в 1941 г. переломить ситуацию в свою пользу Сталину не удалось. Но он не отчаивался. Ждал лишь удобного случая. И наступил момент, когда ему показалось, что он его дождался.

К началу зимы Гитлер дошел почти до Москвы, Ленинграда и Ростова-на-Дону. Оправившись от первых немецких ударов, Красная Армия в конце ноября — начале декабря 1941 г. переходит в наступление сначала под Ростовом и Тихвином, а потом 5–6 декабря — под Москвой. Именно в наступление, а не в контрнаступление — немцы уже получили (4 декабря) приказ перейти к обороне. Протяни Жуков с наступлением еще неделю, пришлось бы столкнуться с хорошо организованной обороной немцев (*Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 329–330).

После месяца наступательных боев германские армии, наступавшие на Москву, разбиты. Генералы (в первую очередь Жуков) советуют Сталину не расплющить силы, а продолжать гнать немцев на смоленском направлении. По мнению западных историков (Фуллера, например), если бы этот совет был принят, то Вермахт под Смоленском постигла бы еще более страшная катастрофа, чем армию Наполеона в 1812 г. (*Фуллер Дж.* Вторая мировая война. М., 1956. С. 234).

Однако 7 января 1942 г. Сталин отдает приказ о переходе в общее наступление по всему фронту. Но и до этого наступали, как уже говорилось, не только под Москвой. Кроме того, 26 декабря 1941 г. началась наступательная операция с морским десантом в Керчи, а 3–4 января 1942 г. — в Евпатории. Дается установка гнать немцев с советской земли непрерывно и даже поговаривается о разгроме Германии в том же 1942 году.

Виктором Суворовым написано немало о советских воздушно-десантных корпусах, об их подготовке начиная с 1930 г. и о том, что десантники могут предназначаться только для наступательных операций. (*Ледокол.* 2002. С. 113–119, Последняя республика С. 326–339, 359–386 и т.д.). Как мы помним из этих книг, в апреле 1941 г. было сформировано пять воздушно-десантных корпусов. 12 июня в РККА было

создано Управление ВДВ, а в августе 1941 г. образовано еще пять воздушно-десантных корпусов и еще пять отдельных бригад (Ледокол. С. 116; Последняя республика. С. 371).

Но была образована и третья серия воздушно-десантных корпусов, один из них пытался десантироваться аж в 1943 г. (о 1943 годе речь впереди). Зачем создавались эти корпуса до 22 июня 1941 г. — понятно. Но зачем после? Виктор Суворов объясняет это тем, что «не успели остановить уже заведенный механизм» (Последняя республика. С. 370). А может быть, тоже для наступления? Сам же Суворов говорит в «Ледоколе» о наступательных настроениях в Красной Армии даже в октябре 1941 г., когда враг был под Москвой.

В свете всего сказанного в ином виде предстает ответ на вопрос: почему Сталин приказал в январе 1942 г. наступать по всему фронту?

Стандартный советский ответ на этот вопрос: ошибки, ошибки, ошибки... Отчасти ошибка действительно имела место. «Военно-исторический журнал» (1991. № 2. С. 24) публикует данные о совещании в Ставке Верховного Главнокомандования 31 декабря 1941 г. Накануне совещания Жуков и Булганин доложили Сталину, что войсками Западного фронта разбиты 12, 13, 20, 43, 53, 57-й германские армейские корпуса в составе 15 пехотных дивизий, 19-й танковой дивизии и 2-й бригады СС, переброшенной на самолетах из Кракова. Противник под ударами войск фронта продолжает отступление в западном направлении, оставляя в боях и по пути отхода раненых, артиллерию, орудия и имущество. На деле, продолжает «Военно-исторический журнал», все перечисленные соединения не были разбиты и еще несколько лет оказывали сопротивление советским войскам.

Виктор Суворов, приведя это свидетельство, обвиняет Жукова во лжи и возлагает на него ответствен-

ность за решение Сталина перейти в наступление по всему фронту под впечатлением столь преувеличенного сообщения об успехах (*Суворов В. Тень победы. С. 213–214*). Мы поставим вопрос иначе: речь снова идет о «вынужденном очковтирательстве», когда тоталитарному лидеру докладывают не то, что есть, а то, что ему хотелось бы услышать. Но вот вопрос: почему Сталину хотелось услышать именно это? Почему ему так хотелось перейти в явно преждевременное наступление по всему фронту? Если посмотреть на ситуацию в глобальном масштабе и вспомнить, кто и зачем начал Вторую мировую войну, то поведение Сталина покажется отнюдь не ошибочным и тем более не глупым.

Вспомним, что 7–8 декабря 1941 г. наконец-то вступили во Вторую мировую войну США. Это обстоятельство не только усилило антигитлеровскую коалицию, но и радикально изменило соотношение сил внутри нее в пользу западных демократий.

Правда, начало войны было для США, мягко говоря, не самым удачным: после катастрофы американского флота в Пёрл-Харборе японцы за полгода захватили Юго-Восточную Азию и ряд островов в западной части Тихого океана. Однако не надо было обладать умом Сталина, чтобы понимать: неудачи американцев — явление временное, вызванное их полной неготовностью к войне (о том, что Америка к войне не готовилась вообще никак, по крайней мере, года до 1940-го, мы еще поговорим более подробно), а в перспективе Америка способна развернуть громадные военные силы и добиться больших военных успехов.

Если дать американцам время на это, то о единоличной победе над Германией и Японией и «освобождении» всех захваченных ими территорий придется забыть — значительную часть этих территорий займут американцы и англичане.

Вывод: необходимо во что бы то ни стало покончить с Германией раньше, а затем нанести удар и по

Японии. Очевидно, и воздушно-десантные корпуса, о которых говорилось выше, готовили в расчете на то, что в скором будущем удастся-таки переломить ситуацию и использовать «крылатую пехоту» в наступательных боях. Сталин не мог не знать, что наступление Гитлера выдыхается, и надеялся победить в Европе до того, как американцы добьются перелома в войне с Японией.

Кстати, о Японии. Когда в декабре 1941 г. японцы высадились на Филиппинах и встретили более упорное, чем ожидали, сопротивление американцев и филиппинцев, японский командующий генерал Хомма запросил подкреплений из состава Квантунской армии. В этом ему было отказано (*Яковлев Н.Н.* 3 сентября 1945 г.// *Избранные произведения.* М., 1990. С. 537). Почему?

Ответ на вопрос прост, и его дал американский генерал Макартур (в тот момент командовавший войсками США на Филиппинах): «Надежная информация, полученная здесь, показывает, что враг больше всего боится вступления в войну России» (Там же. С. 538).

Советско-японский договор 13 апреля 1941 г. вызвал негативную реакцию как в Германии и Италии, так и в США, Британии и Китае (вплоть до американских экономических санкций против СССР и враждебного отношения к нашим военным советникам в Китае), однако советский посол заверил тогда руководство Китая, что «войска против Квантунской армии, наоборот, будут усилены» (Славинский. С. 109–113).

И действительно, усиление Дальневосточного советского фронта продолжалось. За первое полугодие 1941 г. туда были переброшены, например, 35-я (!) армия, 235-я механизированная и 59-я танковая (т.е. только что сформированные) дивизии, пятый корпус стратегической авиации и т.д. (История Второй мировой войны в 12 томах. Т. 3. С. 436). Неудивительно, что Япония, приняв 2 июля 1941 г. решение о войне

против США и Британии, в тот же день решила усилить Квантунскую армию с 300 до 600 тыс. чел. (Там же. Т. 4. С. 20–21, 252).

Вплоть до лета 1942 г. советские войска на Дальнем Востоке превосходили японскую Квантунскую армию почти вдвое при несравненно лучшем вооружении: весной 1941 г. в Квантунской армии было 12 дивизий общей численностью 300–400 тыс. чел. (Там же. С. 20–21), осенью — 600–700 тыс. чел. против 1 343 000 у СССР (Там же. С. 252). Только за 1942 год с Дальнего Востока было переброшено на фронт против Германии 16 советских дивизий (Там же. Т. 5. С. 338), т.е. по той же пропорции не менее полумиллиона человек; до этого же против Японии было 47 дивизий и три бригады (то есть миллиона полтора).

При всем при том переброска советских армий с Дальнего Востока на германский фронт нисколько не означала уменьшения численности войск Дальневосточного фронта. Дело в том, что командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И.Р. Апанасенко тут же заменял переброшенных на запад вновь мобилизованными: на свой страх и риск, никого не спрашивая, он объявил мобилизацию всех возрастов до 55 лет, а также начал освобождение заключенных из лагерей. В результате, перебросив против Германии за первый год Великой Отечественной 22 дивизии, Апанасенко не уменьшил численность войск, располагающихся против Японии. Более того, вплоть до лета 1942 г. численность этих войск росла. Кстати, на этой почве имели место серьезные перепалки между союзниками по «Оси»: немецкая разведка настаивала, что СССР перебрасывает войска против Германии, тогда как японцы отвечали, что ни одна советская дивизия мест дислокации не покинула (*Суворов В.* Очищение. С. 282–283). Очевидно, это обстоятельство не могло не внушать японцам опасений, особенно после того, как Красная Армия погнала немцев от Москвы.

Более того, в момент наибольших первоначальных успехов японского оружия (зима 1942 г.) некоторые представители американского истеблишмента пали духом и сами обратились к СССР с просьбой о помощи против Японии. Тот же Макартур, например, сделал это 23 февраля 1942 г., приурочив свое выступление по радио к 24-й годовщине Красной Армии (Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945 г. С. 538, 543). Итак, американцы сами приглашают Сталина использовать японский «ледокол» в своих целях! Ситуация уникальная, которая — и это было ясно Сталину тогда — никогда больше не повторится. Ясно, что, оправившись от первоначального шока, вызванного японским нападением, союзники больше никогда такой слабости не проявят. И Сталин мог себе позволить этим не воспользоваться?! Но сначала надо было побыстрее разгромить Германию...

Но чтобы наступать с применением воздушного десанта, необходимо господство в воздухе. Летом 1941 г., готовя операцию «Гроза», рассчитывали достичь этого внезапным ударом по немецким аэродромам. А полгода спустя на что рассчитывали?

А вот на что. Даже по официальным советским данным, у немцев к декабрю 1941 г. было под Москвой 600 самолетов против 850 советских. Наступая, немцы держали их, надо думать, не очень далеко от линии фронта, и Жуков вполне мог рассчитывать внезапным контрнаступлением уничтожить их прямо на аэродромах. Как это однажды уже удалось ему — в августе 1939 г. на Халхин-Голе.

Однако неожиданно «контрнаступление», начавшееся, как известно, 5–6 декабря 1941 г., превратилось в просто наступление. Накануне, 4 декабря, войска Вермахта получили приказ перейти к обороне. С точки зрения оборонительной войны начало наступления было успехом: протяни Красная Армия с переходом в наступление еще неделю, ей пришлось бы столкнуться с хорошо подготовленной обороной

противника. Так четверть века спустя Жуков и скажет К. Симонову (*Симонов К. Глазами человека моего поколения. С. 329–330*).

Да, с точки зрения оборонительной войны это был успех. А вот с точки зрения проведения операции «Гроза» № 2 — провал. Очистить небо внезапным ударом по близко расположенным аэродромам противника не вышло, оттого и массированного использования десантников не получилось. А там, где их использовали, например, 4-й воздушно-десантный корпус под Вязьмой в феврале 1942 г. (точнее, 8, 9 и 214-ю бригады 4-го и 211-ю бригаду 1-го корпусов, — *Последняя республика. С. 383*), получился провал.

Между тем наступает весна 1942 г. Японское наступление на Тихом океане постепенно выдыхается, в Британию прибывают американские войска, американская авиация начинает принимать участие в бомбардировках Германии. И Сталин продолжает отчаянные попытки прорвать немецкий фронт: в феврале, например, 16-я армия Рокоссовского получает приказ наступать от Сухиничей и «изматывать и ослаблять противника» с прямым запретом переходить к обороне (*Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 109–114*); в феврале — марте идут наступательные операции под Вязьмой с использованием, как уже говорилось, частей 1-го и 4-го воздушно-десантных корпусов, в марте — июне — на Волхове. В конце мая и в июне предпринимаются попытки наступать под Жиздрой (Там же. С. 119–122). Все эти попытки кончаются неудачей.

4–6 июня 1942 г. американцы разбивают у о. Мидуэй японский флот, пытавшийся овладеть Гавайскими островами. Это — перелом в тихоокеанской войне. Если бы японцы выиграли это сражение, фронт отодвинулся бы к самому тихоокеанскому побережью Америки. Есть точка зрения, что на возвращение Гавайских островов американцам пришлось бы потратить несколько месяцев, если не лет. Автор этой точ-

ки зрения, правда, связывает гипотетический захват Гавайских островов не с июнем 1942 г., а с первыми днями, если не часами после нападения на Пёрл-Харбор, однако в любом случае последствия были бы самыми неприятными для США. Он также добавляет, что при таком раскладе японцы могли бы создать американцам и еще большие неприятности, например с судоходством в Панамском канале (*Храмчихин А.А. Вторая мировая: сослагательное наклонение*// Знамя. 2005. № 5. С. 187).

Так или иначе, вряд ли при таком раскладе к августу 1945 г. американцы подошли бы к самым Японским островам. Тогда молниеносный разгром Квантунской армии советскими войсками отдал бы Сталину не только Маньчжурию и половину Кореи...

Некоторые американские историки считают сражение за Мидуэй переломным в ходе всей Второй мировой войны. Советские историки, естественно, называли такой подход фальсификаторским, но в свете наших рассуждений о характере войны как геополитического противостояния между СССР и США с американской точкой зрения в какой-то мере можно согласиться...

28 июня 1942 г. Вермахт начинает генеральное наступление на Сталинград. Через два месяца немцы уже стоят на берегах Волги и в предгорьях Кавказа. А американцы на Тихом океане уже теснят японцев — 7 августа они высадились на острове Гуадалканал и начали его освобождение (впрочем, затянувшееся до февраля 1943 г.).

Именно в это время была окончательно похоронена надежда Сталина на единоличную победу над Германией и Японией, на то, что все захваченные ими территории попадут к Советскому Союзу. Речь теперь могла идти только об общей с союзниками победе, причем чем дольше затягивалась война, тем меньше после окончания войны должно было достаться СССР и тем больше — США и Британии. Видимо, поняв это,

Сталин летом 1942 г. начал то, чего не делал даже осенью 1941 г., когда немцы стояли под Москвой, он начал сокращать советские армии на Дальнем Востоке, противостоящие Квантунской армии (к лету 1942 г. они достигали 1 446 000 солдат и офицеров). Если раньше Апанасенко формировал взамен перебрасывавшихся на запад дивизий новые, то теперь этого не делалось. Вновь советские войска на Дальнем Востоке начнут наращивать только весной 1945 г.

Вот почему именно летом 1942 г. Сталин окончательно и бесповоротно проиграл Вторую мировую войну.

Глава XIX

ЗАГАДКА ХАРЬКОВА

Не гитлеровская стратегия определяла ход боевых действий, а ход операций советских войск все больше определял фашистскую стратегию. Она становилась стратегией поневоле.

*(Д.Е. Мельников, Л.Б. Черная.
Преступник номер 1)*

Итак, весна 1942 г. Перейти в общее наступление и нанести Германии решающее поражение до того, как США оправятся от своих первых неудач на Тихом океане и начнут разворачивать силы, явно не получается. Попытки советского наступления на Германию с целью «разгромить в том же 1942-м» срываются одна за другой. И вот 12 мая 1942 г. начинается очередное наступление — под Харьковом. Что произошло затем, хорошо известно. Предоставим слово официальному источнику (Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1965 (далее — ВОВ-КИ). С. 162–163).

«23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с севера, и войска группы «Клейст», наступавшие с юга, соединились в районе южнее Балаклеи. Войска 6-й, 57-й ар-

мий и группы генерала Л.В. Бобкина были окружены. С 24 по 29 мая они вели тяжелую борьбу с превосходящими силами врага при полном его господстве в воздухе... Попытки советских воинов прорвать кольцо окружения ни к чему не привели... Таким образом, успешно начавшаяся Харьковская операция закончилась крупным поражением наших войск. Юго-Западный и Южный фронты понесли большие потери в людях и боевой технике...

В результате наших неудач в районе Харькова обстановка на южном крыле советско-германского фронта коренным образом изменилась в пользу противника. Срезав Барвенковский выступ, немецкие войска заняли выгодные исходные позиции для дальнейшего наступления».

А теперь приготовьтесь к длинным цитатам историка неофициального — Кейстута Закорецкого (6.12.1941 — Коренной стратегический перелом// Сайт ZHISTORY в Интернете). Точка зрения, предлагаемая этим автором, невероятно удачно вписывается в мою концепцию хода военных действий в 1942 г. Даже больше: именно Закорецкий помог мне разрешить логическое противоречие между «окончательно проигранной войной» и «последним шансом» на ее выигрыш». Короче, я считаю необходимым изложить текст Закорецкого с незначительными поправками. Итак, Кейстут Закорецкий, Вам слово.

О харьковском сражении 1942 года историки вспоминать не любят. Не только потому, что оно было проиграно с большими потерями, но и потому, что попытки логически последовательно исследовать причины тех или иных действий советского командования натываются на ряд безответных вопросов и странной нелогичности. В конечном итоге вину за это поражение относят на двух человек: на маршала С.К. Тимошенко, который был главкомом Юго-Западного направления, и на самого

И.В. Сталина, бывшего тогда Верховным Главкомандующим.

В вину Тимошенко ставят то, что он переоценил свои силы, недооценил противника, не учел одни данные разведки и слишком доверился другим, не проявил нужную оперативность в своевременном отдании требуемых распоряжений, постоянно перестраховывался у Верховного и т.д.

Странным является и сам план сражения. Чтобы оценить его, нужна карта. Наиболее подробная есть в «Советской военной энциклопедии» (Т. 8. С. 365). Официально принято считать, что главной целью советского плана было окружение немецких войск под Харьковом, освобождение этого города, а затем ударом с северо-востока планировалось освободить Днепропетровск и Синельниково, лишить этим противника важнейшей переправы через Днепр и железнодорожного узла Синельниково. Однако наступление на запад из оперативного «мешка», каким являлся Барвенково-Лозовский выступ, не только не выровнивало фронт, а напротив, еще больше уводило советские войска в Лозовский «мешок» группы немецких армий «Юг», который мог образоваться в случае, если бы сопротивление немецких войск не позволило соединиться с наступавшей севернее 29-й армией. Тем более что, исходя из конфигурации фронта, более реальным и важным виделся вариант ликвидации Балаклейского выступа немцев сходящимися ударами по линии Змиев — Чугуев.

К странностям этого плана можно отнести и то, что к моменту его разработки у советского командования были данные разведки о планах противника (вообще, о том, как быстро секретнейшие немецкие планы попадали на сталинский стол, написано достаточно много. — *Д.В.*), которые, получается, почти не учитывались. Странным является и отношение Сталина к высшим командирам, допустившим такую трагедию — он вовсе не применил к ним каратель-

ных мер типа тех, что были сделаны в отношении командования Западного фронта летом 1941 года.

И есть еще одна странность, которую практически никто не хочет проанализировать. С одной стороны, план операции был утвержден Ставкой, которая практически отстранила Генеральный Штаб от контроля за его выполнением, приказав ему считать эту операцию внутренним делом самого направления (точнее говоря, это решение принял сам Сталин). Но когда при ее осуществлении стали возникать разные трудности и угрозы поражения, требуемые решения почему-то не принимались Главкомом направления (Тимошенко) без согласия Верховного (Сталина). А Верховный почему-то проявил странную медлительность. Удивительное дело: если операция является «внутренним делом Главкома» (что само по себе странно в условиях резкого дефицита ресурсов!), то почему он вовремя не может сам принять нужных решений, а вынужден спрашивать разрешения у кого-то? В таком случае, чьим «внутренним делом» являлась та операция — Главкома (Тимошенко) или Верховного (Сталина)?

Вот, например, мнение, изложенное в «Истории КПСС» (М., 1962. С. 554): «Неудачный исход Харьковской операции явился главным образом следствием того, что Сталин не посчитался с правильными и настойчивыми предложениями Военного совета Юго-Западного направления, не разрешил своевременно повернуть силы советских войск с харьковского направления на юго-восток, откуда противник наносил удары».

Далее, «вечером 18 мая член Военного совета Юго-Западного направления (т.е. высший политический руководитель этой структуры) Н. С. Хрущев после переговоров по телефону с генералом А.М. Василевским и по его рекомендации обратился к И.В. Сталину с просьбой запретить дальнейшее ведение наступления в районе Харькова. Но Верховный Главнокоманду-

ющий подтвердил свое прежнее решение. И только вечером 19 мая, когда создалась явная угроза окружения 6-й, 57-й армий и группы генерала Бобкина, Главком направления принял решение приостановить наступление... Это решение Ставка утвердила. Но оно было принято с большим опозданием» (ВОВ-КИ. С. 161).

(Здесь я прерываю цитирование Закорецкого, чтобы прокомментировать: в 1965 г., когда составлялась краткая история Великой Отечественной, Хрущева уже отправили на пенсию, поэтому мудрое решение приписывается не столько ему, сколько Василевскому. — Д.В.) Но сам факт подтверждает и сам Василевский в своих мемуарах (Дело всей жизни. М., 1976. С. 214): «С утра 18 мая обстановка для наших войск на Барвенковском выступе продолжала резко ухудшаться, о чем я прежде всего доложил Верховному. Часов в 18 или 19 того же дня мне позвонил член военного совета Юго-Западного направления Н.С. Хрущев. Он кратко проинформировал меня об обстановке на Барвенковском выступе, сообщил, что И.В. Сталин отклонил их предложения о немедленном прекращении наступления, и попросил меня еще раз доложить Верховному об этой их просьбе. Я ответил, что уже не однажды пытался убедить Верховного в этом и что, ссылаясь как раз на противоположные донесения Военного совета Юго-Западного направления, Сталин отклонил мои предложения. Поэтому я порекомендовал Н.С. Хрущеву как члену Политбюро ЦК обратиться непосредственно к Верховному. Вскоре Хрущев сообщил мне, что разговор с Верховным через Г.М. Маленкова состоялся, что тот подтвердил распоряжение о продолжении наступления».

Странное дело! Нельзя предположить, что у генералов и у Верховного не было карт, что не поступали сообщения о развитии ситуации, что не было данных разведки и выводов никто не делал. А ситуация развивалась так, что даже политическому комиссару стало ясно, что «дело пахнет керосином»! И почему-

то не Главком направления, не Генштаб, а, строго говоря, политический помощник Главкома добивается у Верховного разрешения на то, чтобы спасти ситуацию?! А Верховный почему-то, наплевав на все выводы генералов-специалистов, продолжает настаивать на, явно видно, неправильном решении!

Ну нельзя же предположить, что все высшие начальники вдруг на короткое время с ума посходили! Но тогда в чем дело?

Однако на этом странности не заканчиваются. Оказывается, что Генеральный Штаб Красной Армии в это время оказался еще и без официального начальника! 24 апреля И.В. Сталин по телефону сообщил генералу Василевскому, что Ставка вынуждена освободить Б.М. Шапошникова от работы по состоянию здоровья, а временно обязанности начальника Генштаба возложить на него. А Василевский, между прочим, в то время был еще генерал-лейтенантом! Звание генерал-полковника ему присвоили 26 апреля 1942 г. Но окончательный официальный приказ НКО об освобождении Шапошникова от должности начальника Генштаба был объявлен почему-то «в конце мая». И на протяжении мая — июня 1942 г. Сталин спрашивает (?!?) Василевского согласиться принять эту должность. Василевский отказывается. Но 26 июня 1942 г. его утвердили на ней приказом Ставки.

Странная ситуация. На фронте еле-еле установился хрупкий паритет сил с противником, который в любое время может нарушиться. Серьезных стратегических резервов еще нет. В это время затеваются разные наступательные операции (Крым, северо-запад, Харьков) с не совсем грамотным управлением. Выводы Генштаба при этом плохо учитываются. А его начальник вообще отстраняется от дел, нового же никак не могут найти, спрашивают Василевского, тот долго отказывается. Что происходит?

Но ответить на этот вопрос нельзя, рассматривая ситуацию только с оперативно-тактической стороны

(военной). Вот и не могут историки прийти к окончательным выводам. И ответы повисают в воздухе. Получается, что на Верховного и на ряд маршалов в первой половине 1942 года нашло какое-то «затмение». Но если рассматривать ситуацию серьезно, то этот вывод следовало бы отбросить. Причина должна быть, и вполне логичная.

Для начала полезно было бы вспомнить, что вообще-то любая война является соревнованием резервов. В 70-е годы нам говорили, что кадровую армию Страны Советов рассчитывают на первые 3 (три) дня боев, начнись серьезная война с применением атомного оружия. А мы при этом задавали встречный вопрос: «А что дальше?» Дальше якобы предполагалось использовать запас.

Так вот, в июне 1941 г. Советский Союз потерял много стратегических резервов по линии материальной части (в первую очередь готового оружия — танки, самолеты, а также боеприпасов и сырья), а потом и много средств их производства (напомню, что, например, Гитлеру за первые полгода войны досталось 85% заводов по производству боеприпасов, ибо строились они в расчете на наступательную войну в западных областях СССР (*Суворов В. День-М. М., 2002. С. 118. — Д.В.*). Причем одна их часть была потеряна безвозвратно, другую пришлось срочно останавливать и перебазировать на большие расстояния на Восток с последующим восстановлением производства. При этом фронт требовал больших текущих расходов этих самых резервов.

Здесь я снова на пару строчек отступаю от текста Закорецкого. Итак, весна 1942 г. Перейти в общее наступление не удалось, но этого мало: в бесплодных попытках израсходованы стратегические резервы. Пока не заработает в полную силу эвакуированная промышленность, пока не будут созданы новые стратегические резервы, проводить широкие наступательные операции невозможно. То есть следу-

ет перейти к стратегической обороне. Но этот план нереален. Во-первых, слишком много потребуется железобетона, который тоже как-то надо произвести. А потом в случае наступления все это окажется бесцельно брошенным. Во-вторых, сплошных окопов в три ряда длиной в тысячи километров не позволит ситуация на местности. А враг постоянно будет пытаться найти бреши на флангах. Поэтому вдоль всего фронта придется держать мобильные резервы, которых пока нет. А если неизвестно, в каком месте и какими силами противник начнет наступление, то задача вообще становится нерешаемой.

На эту главу цитирование Закорецкого окончено. Добавлю от себя еще одно важное обстоятельство: Сталин уже вступил в соревнование с западными союзниками, кто больше займет захваченных Гитлером территорий. И время работает против него. Ну, еще год союзники не смогут проводить серьезные наступательные операции в Европе, а потом? Значит, надо добиться того, чтобы к тому моменту Вермахт понес как можно более крупное поражение на Востоке, и Красная Армия оказалась способна на наступательные действия на как можно большие расстояния. В идеале хорошо было бы полностью разгромить Германию где-нибудь к весне 1943 г.

Остается решить, как это сделать.

Глава XX

КАК СТАЛИН ВЫРВАЛ «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС»

Сталинградскую ловушку видели все, кроме Гитлера и его генералов.

(В. Гроссман. «Жизнь и судьба»)

И снова слово Кейстугу Закорецкому, но теперь я буду прерывать его своими рассуждениями и цитатами из других авторов гораздо чаще, поэтому вместо предупреждения о каждом перерыве цитирования цитаты

придется закавычивать. «Как ни странно звучит, но для советского Генштаба было бы лучше, если бы ему точно было известно, на каких направлениях враг будет вести активные действия. Полной ясности до мая 1942 г. у советского Генштаба на сей счет не было. Стратегических резервов для решительного наступления тоже, как говорилось, еще не было — они могли быть готовы только к осени».

Планы немцев Сталину были известны. Еще 5 апреля 1942 г. Гитлер принял решение провести самое сильное наступление на юге. «Но кроме того, немцы планировали наступать и под Ленинградом, и «разобраться» с Севастополем (это удалось), да и на Центральном фронте от наступления не отказывались. Но на юге Сталин и его военачальники разглядели возможность создать громадную стратегическую ловушку для Вермахта в районе Северного Кавказа, который, опираясь на неприступную оборону по Волге и Дону, можно было превратить в гигантский «мешок», чтобы впоследствии «срезать» его ударами с флангов.

Оставалось добиться, чтобы немцы гарантированно увлеклись этим участком, растратили тут свои резервы, снимали туда войска с других фронтов, тем самым планирование операций советским Генштабом стало бы гораздо спокойнее и надежнее». Более того, если бы это удалось, то Сталинградский котел послужил бы только прелюдией к гигантскому окружению сил Вермахта на Кавказе — там должно было бы быть минимум четыре Сталинградских котла!

А вот козырь Закорецкого в пользу его точки зрения — «фотография награждения ВСЕГО командного состава советского Генштаба 26 мая 1942 г. Единственный случай за всю войну! И это фото опубликовано в разных книгах, например, в книге Штеменко «Генеральный Штаб в годы войны» и в книге Василевского «Дело всей жизни». Кто-то может заметить, что в этом нет ничего особенного? Наградили просто так? Авансом, что ли?

Предлагаю проанализировать. Чтобы в какой-то день офицеры пришли получать награды, они минимум в предыдущий день (в данном случае — 25 мая) должны были узнать об этом. А чтобы им сообщили о награждении, должен выйти приказ, на прохождение которого по инстанциям тоже требуется минимум день (т.е. 24 мая). Но приказ по Генштабу может принять только Верховный в связи с каким-то событием на фронте, которое произошло еще раньше (т.е. не позднее вечера 23 мая 1942 г.). Остается выяснить, произошло ли на советско-германском фронте что-то важное 23 мая 1942 г?

Да, произошло. 23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с севера, и войска группы «Клейст», наступавшие с юга, соединились в районе южнее Балаклеи. И что бы там ни говорили, эта операция проходила под непосредственным контролем Верховного. Представляю, в каком состоянии оказался Сталин, когда вечером 23 мая 1942 г. ему доложили, что немецкие войска под Харьковом [наконец-то] соединились!

Как правильно сказал как-то Жуков Сталину в одном из фильмов: «Я не знаю, как будут действовать немцы, но исходя из обстановки, они должны действовать так, а не иначе». Как должны были действовать немцы, пробив брешь во фронте? Правильно, согнать сюда резервы и погнать их в наступление».

В свете всего сказанного можно по-новому оценить и Керченскую операцию в том же мае 1942 г. Как известно, там готовилось советское наступление, однако немцы сумели упредить советские войска. Так вот, раньше я считал это наступление (как и харьковское) продолжением советских операций зимы 1942 г., имевших целью разгромить Германию в том же 1942 г. Так я и писал в первом издании этой книги. В свете сказанного К. Закорецким придется, вероятно, пересмотреть свою точку зрения и признать керченское наступление частью операции по заманиванию Вермахта в «Кавказский мешок». То, что здесь,

в отличие от Харькова, немцы нас опередили, с этой точки зрения большой роли не играет.

Дальше, пишет Закорецкий, Вермахт неминуемо должен был попасть в геополитическую ловушку на Кавказе. Короче говоря, исход войны стал Сталину ясен (точнее, Сталину так казалось, но об этом чуть ниже. — *Д.В.*), а раз так, то почему бы не отметить такое событие? Вот и наградили весь Генштаб 26 мая 1942 г. — за блестяще подстроенную врагам (а заодно и заокеанским союзникам-соперникам) ловушку! А ловушка готовилась заранее: «территория Северного Кавказа заранее и планомерно готовилась к оккупации. Например, Грозненские нефтяные скважины были законсервированы «с гарантией», так, чтобы после освобождения вместо их восстановления пробурили новые.

Награждения продолжались и потом. 18 января 1943 г. звание Маршала Советского союза было присвоено Г.К. Жукову, тоже внесшему серьезный вклад во все это, 16 февраля 1943 г. — А.М. Василевскому (все-то-то месяц до этого присвоения походил он генералом армии), 6 марта 1943 г. — и самому Сталину (признаем: было за что).

И последний раз слово Кейстуту Закорецкому: он сообщает, что «в конце ноября 1942 г. Черчилль прислал Сталину послание, в котором он с восхищением узнал, что наступление под Сталинградом развивается даже лучше, чем ему рассказывали в августе, когда он приезжал в Москву с визитом. Значит, уже в августе был план осеннего контр наступления». Правильно. План наступления под Сталинградом был составлен 30 июля 1942 г., когда немцам до Сталинграда и тем более до Большого Кавказского хребта было еще ой как далеко (*Красная звезда*. 1992, 1 сентября; цит. по: *Суворов В. Тень Победы*. С. 249–251).

Составил план операции полковник Генерального Штаба (позднее — генерал-лейтенант) Потапов. Эта информация появилась в 1992 г., но потом ее снова задвинули. Виктор Суворов предполагает, что это

произошло потому, что Потапов отбирал славу сталинградского победителя у Жукова, но вот у меня на сей счет несколько иное мнение.

Вспомним, что происходило 30 июля 1942 г. Только что (25 июля) советские войска оставили Ростов. До Сталинграда немцам еще очень далеко. Два дня спустя вышел знаменитый приказ Сталина № 227, суть которого можно выразить тремя словами: «Ни шагу назад!» И после этого как-то не верится, что Потапов действовал по своей инициативе. В этом случае, думаю, начальник Генерального Штаба генерал-полковник Василевский как минимум бы поинтересовался, все ли у товарища полковника в порядке с головой. Мол, товарищ Сталин же ясно сказал: ни шагу назад! А ты, такой-сякой, до Сталинграда бежать собрался? Что-то мне подсказывает, что инициатива исходила даже не от Василевского, а откуда-то повыше. В таком случае понятно, почему об этом предпочли забыть. Надо думать, не один Загорецкий про план по заманиванию догадался...

Остается ответить на вопрос: почему же столь тщательно задуманная операция не привела-таки к желательным для Сталина результатам?

Об этом — дальше.

Глава XXI

ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ

Постоянное стремление во что бы то ни стало наступать приводило к непрерывным повторениям захлебнувшихся атак и к большим потерям.

(Э. Миддельдорф. Тактика в русской кампании)

Итак, 28 июня 1942 г. немецкие войска начали наступление на южном участке советско-германского фронта. В августе были достигнуты наибольшие успехи — немцы вышли к Волге и Кавказу. А что в это вре-

мя делает Красная Армия? А все то же — пытается наступать.

В июне — июле идет наступление Красной Армии под Болховом (Орловская область) (*Бучин А.Н., Яковлев Н.Н.* 170 000 километров с Г.К. Жуковым. С. 52). Тогда же 5-я танковая армия наступает от Ельца севернее Воронежа, хотя и неудачно, в результате чего немцы и тут сумели перейти в наступление (*Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. С. 127).

С 30 июля по 23 августа проходит Ржевско-Сычевская наступательная операция. Однако она, с нашей точки зрения, настолько важна, что заслуживает отдельного анализа; о ней речь впереди.

Примерно в те же дни генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин силами своего Юго-Западного фронта несколько раз пытается отбить Воронеж (Там же. С. 131). С 27 августа по 6 октября советские войска наступают под Ленинградом. Едва выдохлось немецкое наступление, как с 5 по 11 сентября наносится контрудар севернее Сталинграда (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков. С. 42). Продолжаются наступательные операции и в районе Воронежа (*Рокоссовский К.К.* С. 133).

В сложившихся условиях летом 1942 г. Советское правительство требует от союзников быстрее открытия второго фронта. Но союзники не торопятся: пусть немцы и русские перемалывают друг друга, а мы пока подождем и накопим силы. Одним словом, Рузвельт делает с Гитлером и Сталиным именно то, что Сталин, начиная Вторую мировую войну, хотел сделать с Гитлером и западными демократиями: пусть они взаимно друг друга истощают, а мы пока накопим силы. И нечего за это на него обижаться. Тем, кто обвиняет союзников в вероломстве и нарушении союзнического долга, рекомендую вспомнить о позиции Сталина до июня 1941 г. и о его целях в начатой им Второй мировой войне.

При этом подобно тому, как Сталин в 1939—

1941 г. подпитывал Гитлера стратегическими ресурсами, чтобы дать ему возможность вести войну против Запада, так теперь Рузвельт подпитывает самого Сталина. Продовольствия, автомобильной техники, локомотивов, вагонов, ценного стратегического сырья, средств связи, лекарств и прочего не жалеют.

Помимо огромной продовольственной помощи (чуть не вся Красная Армия питалась американской тушенкой), союзники удовлетворяли потребности СССР в алюминии — более чем наполовину, в авиационном бензине — наполовину (по другим данным — на четверть), в порохе — более чем на треть, в меди — почти наполовину (*Соколов Б.* Победа, что была пострашнее многих поражений// Знание — сила. 2000. № 5–6). По другим данным, союзники удовлетворяли потребности СССР в алюминии чуть ли не на все 100% (*Суворов В.* Последняя республика. С. 148–149), в автомобилях — на 2/3 (сами произвели 205 000 грузовиков, а из США получили 427 000, а к 1945 г. американские автомобили составляли 70% автопарка СССР (*Поздеева Л.В.* Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 334)).

Потребности СССР в бронетранспортерах были удовлетворены американскими поставками на 100% (7172 при полном отсутствии их производства в СССР), в локомотивах — на 22/23. Г.К. Жуков признавал, что без американских поставок нам не на чем было бы возить артиллерию, и не только артиллерию, намного тяжелее была бы и ситуация с обеспечением армии порохом (*Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. С. 354). В общем же поставки союзников составляли 20% советского производства и позволили СССР дополнительно отправить на фронт до 7–8 млн мужчин (*Харрисон М.* Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке// Россия в XX веке. С. 499). По эффективности это намного превышало

открытый в 1944 г. второй фронт, где союзники высадили около 5 млн солдат.

Официальная же советская цифра поставок союзников — 4% — учитывает только поставки готового вооружения, которые действительно были невелики. Например, поставки стрелкового оружия и патронов к нему составляли менее 1% от собственного производства СССР, хотя поставки некоторых других видов боевой техники были существенно выше: например, танков — 12 755 при советском производстве 109 100 (правда, следует сделать поправку на то, что американские танки были значительно хуже советских), бомбардировщиков — 3633 против 18 000, истребителей — 13 857 против 60 000, зенитных орудий — 8218 против 38 000 (т.е. более 20% от советского производства!). Наконец, СССР получил из США целый флот в составе 202 торпедных катеров, 140 охотников за подводными лодками, 77 тральщиков, 28 фрегатов (*Зелинский С.* Ленд-лиз дорогого стоит// Аргументы и факты. 2004. № 13), 105 подводных лодок, 3 ледоколов — всего 595 кораблей (*Суворов В.* Последняя республика. С. 147). Если в целом брать цифру в 4%, то, как говорят в таких случаях англичане, «чтобы доказать, что ирландцев больше, чем китайцев, надо считать только рыжих».

Но с самим вторым фронтом не торопятся. В ответ на требования СССР о его открытии союзники предпринимают (22–23 августа 1942 г.) Дьеппскую десантную операцию, заранее обреченную на провал из-за ничтожно малых сил, задействованных в ней (5000 британских и 1000 канадских солдат). Рейд на Дьепп предназначался и для Гитлера, и для Сталина. Гитлеру как бы говорилось: мы слабенькие, ничего против тебя в Европе предпринять не можем, поэтому перебрасывай войска под Сталинград и ничего не бойся. А Сталину: извини, придется тебе пока повоевать одному. Дьеппский рейд (как и вообще неоткры-

тие второго фронта) тоже имел свои последствия, о которых мы еще скажем.

Чтобы подсластить пилюлю, союзники в сентябре 1942 г. резко увеличили свои поставки в СССР. В частности, возобновилась посылка северных конвоев, приостановленная было в начале июля, после гибели конвоя PQ-17 (впрочем, северные конвои не были главным маршрутом поставок — 80% их шло через Иран; собственно, поэтому Иран и был в августе — сентябре 1941 г. оккупирован советскими и британскими войсками, и это же было не последней причиной того, что год спустя Гитлер так рвался на Кавказ).

В октябре силами трех армий, представлявших два фронта, Красная Армия пытается наступать на Дону (*Рокоссовский К.К. Солдатский долг. С. 144–145*). С 16 по 20 октября проводятся успешные северные операции на Кавказе — на Сангарских перевалах, а 6–11 ноября проводится успешная операция у Моздока (Северная Осетия): 11-й гвардейский стрелковый корпус окружает немецкую 23-ю танковую дивизию (*История Второй мировой войны. Т. 5. С. 224–225*).

Советские историки называют период с 22 июня 1941 по 18 ноября 1942 г. оборонительным периодом войны. Мы, описывая этот период, цитировали совсем немного источников, в том числе мемуары только одного военачальника-фронтовика — К.К. Рокоссовского. И нашли множество сведений о непрерывных попытках наступать. При желании, думается, таких цитат — о бесконечных наступательных операциях — можно набрать много и в других генеральских и маршальских мемуарах.

Окинем еще раз взглядом эти непрерывные попытки наступать (почему не всегда удачно — другой вопрос) и спросим: а где он, оборонительный? Почему непрерывно пытались наступать — более или менее понятно: надо было как можно быстрее переломить ход войны в свою пользу, чтобы после ее окончания побольше досталось СССР и поменьше — союзникам.

Чем больше затягивалась война, тем менее выгодным для СССР становился послевоенный раздел того, что было захвачено странами «Оси».

Кстати, примерно так же во второй половине 1942 г. действовали и японцы. После Мидуэя наступательные возможности Японии были исчерпаны, но попытки «наступать, невзирая на жертвы» продолжались вплоть до 31 декабря 1942 г., когда японцы перешли наконец к обороне, мало чего за полгода добившись.

Разница только в том, что СССР во второй половине 1942 г. **еще** не мог наступать, а Япония — **уже**.

Глава XXII

ДЛЯ ЧЕГО ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ «КРЫЛАТЫЕ ТАНКИ»

Удивить — победить!

(А.В. Суворов)

В «Ледоколе» Виктор Суворов пишет о том, что конструктор Олег Антонов перед войной занимался конструированием «крылатого танка», который, буксируемый мощным транспортным самолетом, должен был на крыльях внезапно сваливаться прямо на голову врага. Управление летающим танком осуществлялось путем поворота крыльев и хвостовых стабилизаторов, которые приводились в движение подъемом пушки танка или поворотом башни. При посадке танк включал двигатель, разгонял вращение гусениц до максимальной скорости и так садился. После этого крылья и хвост сбрасывались, и летающий танк превращался в обычный.

Олег Антонов опоздал с созданием крылатого танка, немцы ударили первыми, и танк стал не нужен, как и многое другое, приготовленное Сталиным для первого удара по Германии (Суворов В. Ледокол. М., 2002. С. 121). Однако в свете всего сказанного в этой книге есть основания думать, что Сталин не отказался от своей идеи крылатого танка, а просто отложил ее.

И подтверждает это автор, который тщится не оставить от концепции «Ледокола» камня на камне.

Я подразумеваю произведение некоего «Виктора Суорова» «Ледокол-2». У меня есть серьезные основания думать, что это творение написано кем-то из тайных сторонников Виктора Суорова в качестве пародии на его критиков, поскольку, как мне кажется, психически нормальный и не совсем пьяный (пусть даже очень глупый) человек всерьез такое не напишет. Во всяком случае, если «Суоров» ставил перед собой цель разоблачить «Ледокол», то эффект получается как в известной советской частушке: «Дали радио задачу всех от пьянства отучить. Трезвый слушал передачу и с досады начал пить».

Это относится, помимо всего прочего, и к летающему танку — в «Ледоколе-2» есть специальная глава «Танк-летун и Резун-брехун». Так вот, «Суоров» цитирует Акт о летных испытаниях опытного планера АТ, предназначенного для транспортировки летающего танка Т-60. При этом даются характеристики летающего танка: вес 5,8 тонны, экипаж два человека, калибр пушки 20 мм (Оружие Победы. М., 1975 — это один из немногих случаев, когда «Виктор Суоров» ссылается на источники информации; как правило, он этого не делает). И добавляет: «Ай да яйцеголовые, испугали Гудериана пушчонкой 20 мм!» (Ледокол-2. Минск, 2002. С. 182).

Что же, за все надо платить, за умение плавать и летать тоже. Танки платят за это умение малым весом и легкой броней — Т-34 или КВ, как и «тигр», ни плавать, ни летать не заставишь. Зато бывают ситуации, пишет Виктор Суоров, когда плавающий танк просто незаменим. Например, необходимо форсировать реку, а для этого захватить мост. Делать это лучше с тыла, чтобы враг не ожидал удара и не успел мост взорвать. И вот тут-то цена легких, вооруженных только пулеметами (таким был советский плавающий танк Т-40) резко возрастает. Он может фор-

сировать реку и ударить по охране моста оттуда, где она этого не ждет. Ну, и как прикрытие плывущей через реку пехоте, по которой враг, естественно, стреляет из всего, из чего можно, плавающий танк заменим. Ну, а когда мост отбили и тяжелые и средние танки пошли по нему, плавающий легкий танк скромно уступает им место. Кстати, немецкий танк Т-І имел примерно такие же габариты (вес, броня, вооружение), как и наш Т-40, только плавать не умел (*Суворов В.* Самоубийство. М., 2000. С. 182, 186).

Вот и летающий танк из той же породы. Представим себе сильную оборону противника вроде «Линии Маннергейма». Преодолеть ее даже со сверхмощными танками не так-то просто. Зимняя война с Финляндией это показала. И тут в тылу противника непонятно откуда появляются танки, пусть и легкие, но они наносят удар там, где не ждали, и враг не может понять: откуда они, с неба, что ли, свалились? С неба!

Еще за две тысячи лет до того, как А.В. Суворов произнес слова, вынесенные в эпиграф, Александр Македонский придерживался принципа: делать то, чего противник менее всего от тебя ждет. Так что свалившиеся на голову противника летающие танки в любом случае существенно облегчат главным силам успех. Кстати, испытатели летающего танка пишут, что их появление на соседнем аэродроме вызвало шок — их приняли за какие-то чудовищные летательные аппараты противника (*Суворов В.* Ледокол-2. С. 183)! Ну, а после взятия укрепленной линии противника летающий танк уступит место более мощным, его отведут в тыл и приготовят для него новые крылья в ожидании новой возможности пригодиться. Кстати, немецкие Т-І имели такие же габариты, как наш Т-60, только без пушки, а Т-ІІ были немного потяжелее (7,6 т), но пушки у них были такие же — 20 мм (*Суворов В.* Последняя республика. С. 413–414). Только летать ни тот, ни другой не умели.

А теперь вопрос: для чего летающие танки предназначались? «Виктор Суворов», по своему обыкно-

вению ни на кого не ссылаясь, говорит: для партизан (Ледокол-2. С. 183). Очевидно, этот автор не имеет представления, с какими трудностями была сопряжена авиационная доставка грузов партизанам, как трудно было сажать в партизанских районах самолеты. Как правило, грузы для партизан просто сбрасывались на парашютах. Люди, которых забрасывали в партизанские районы, тоже.

Или вот еще пример. В первые годы после свержения Хрущева две бульварные газетенки опубликовали «сенсацию» о том, что якобы сын Хрущева, летчик, стал изменником, служил немцам, тогда Сталин приказал партизанам его выкрасть, прислал за ним самолет, который отвез его в Москву, где он и был расстрелян. Дескать, из-за этого-то Хрущев и разоблачал «культ личности» — чтобы отомстить. Версия много раз опровергнута, и вроде все с ней ясно, но для нас важно вот что: один из критиков версии подчеркивает, что в силу трудности посадки самолета захваченных в плен изменников любого ранга партизанам предписывалось казнить на месте.

Но допустим, что удалось сбросить партизанам летающий танк. И что дальше? Без горючего он долго не протянет, а если захочет захватить его на заправке, так противник, наверное, сообразит и заранее на все заправочные станции стянет противотанковую артиллерию и все необходимое для уничтожения. Легкому танку много ли надо?

Придирается «Суворов» и к другим деталям — например, к механизму управления полетом танка — на самом деле, мол, его крылья управлялись через педали и рычаги, а не через повороты башни и пушки. Или к тому, что при посадке мотор работать не должен, иначе «полетят» поршни и гусеницы (Ледокол-2. С. 183–184). Но это все не отменяет главной проблемы: для чего же он предназначался?

Обратим внимание на дату испытания танка: 2 сентября 1942 г. 30 июля, как мы видели, полковник По-

тапов представил начальнику Генерального Штаба А.М. Василевскому черновой план Сталинградской операции. В течение августа фронт принял нужную конфигурацию — гигантский сталинградско-кавказский мешок был практически готов! Настала пора готовить все необходимое для наступления. Вот и готовят.

Впрочем, может быть, «крылатый танк» готовили и для каких-то будущих операций. Ясно одно: использовать такие виды техники (как и воздушно-десантные войска) можно только в условиях полного господства в воздухе. Но время этого господства в ходе Второй мировой войны так и не наступило. Хотя осенью 1944 г. ситуация складывалась близкая к этому; об этом мы еще поговорим.

Глава XXIII

КАК БЫЛ ПОТЕРЯН ПОСЛЕДНИЙ ШАНС

Если дела у русских и дальше так пойдут, второй фронт и не понадобится.

(Ф. Рузвельт, 1943 г.)

Разгадал ли Рузвельт сталинский замысел тогда же, в мае 1942 г.? Не знаю. Но если и разгадал, то чем он мог помешать его реализации? Зато, когда советские войска зимой 1942–1943 гг. создали своими действиями угрозу быстрого и полного поражения Германии, союзники отреагировали быстро и сумели сорвать советский замысел по созданию гигантского Кавказского котла и, соответственно, лишить СССР последнего шанса на победу.

19 ноября 1942 г. началось советское наступление под Сталинградом. 23 ноября вокруг 6-й армии Паулюса замкнулось кольцо окружения. А 25 ноября заместитель Верховного Главнокомандующего Жуков начал наступление на Ржев и Сычевку. В. Суворов пишет (ссылаясь на мемуары ряда военачальников):

Сталинградская операция была задумана как вспомогательная, а Ржевско-Сычевская — как главная. Жуков, дескать, эту операцию «бездарно провалил», поэтому ее задним числом опустили в разряд второстепенных и отвлекающих (Тень победы. С. 233–235). Однако мы видели, как Сталин заманивает Вермахт в Кавказский мешок; после всего, сказанного К. Закорецким, у нас есть серьезные основания думать, что основной удар намечался все же под Сталинградом.

А как же наступление на центральных направлениях? Как же Жуков под Ржевом и Сычевкой? Поставим вопрос: а что, если расчет был такой — провести на центральном участке советско-германского фронта отвлекающую операцию, но так, чтобы немцы приняли ее за основную? Тогда все становится понятно: и более раннее начало наступления под Сталинградом, чем под Ржевом (отвлекающую операцию принято начинать раньше, и немцы тоже это понимали и должны были делать соответствующие выводы), и то, что Жуков 16 ноября 1942 г. убыл из-под Сталинграда и, не очень маскируясь, готовил операцию на Ржевско-Сычевском направлении.

Сам же В. Суворов пишет: где Сталин готовит наступление — он Жукова прячет, где собирается обороняться — он Жукова демонстрирует (День-М. С. 260–261). Позднее, в 1944 г., в период подготовки операции «Багратион», специальный поезд Жукова оставался на Западной Украине и вел интенсивный радиообмен, имитируя штабную работу, а сам Жуков тайно находился в Белоруссии (Бучин А.Н., Яковлев Н.Н. 170 000 километров с Г.К. Жуковым. С. 93). Принцип тот же.

Рассуждая логически, там, где Сталин планировал главный удар в 1942 г., он Жукова должен был прятать. И действительно, пребывание Жукова под Сталинградом не афишировалось. А там, где планировался второстепенный удар, выдаваемый за главный, Сталин Жукова тоже должен был демонстрировать.

Он именно это и делал. Жуков стал заместителем Сталина 26 августа 1942 г., и только после этого он получил право интересоваться делами Сталинграда. Поэтому посвятили его Сталин и Василевский в план операции только 14 сентября, после того, как он побывал под Сталинградом и ознакомился с обстановкой. То, что Жукова не было у истоков планирования наступления под Сталинградом, не означает автоматически, что он не принимал участия в его подготовке. А внеся свой вклад, убыл 16 ноября под Ржев: во-первых, чтобы не мозолить глаза немцам, а во-вторых, если простой второстепенный удар можно поручить кому угодно, то второстепенный, выдаваемый за главный, — только человеку проверенному!

И немцы клюнули! Как пишет в своих мемуарах А.М. Василевский, еще и в ноябре 1942 г. германская разведка докладывала Гитлеру, что главный русский удар готовится на Смоленском направлении, а второстепенный — в районе Дона, причем задача последнего — всего лишь «оттеснить» немецкие армии от Сталинграда (цит. по: *Мельников Д.Е., Черная Л.Б. Преступник номер 1. С. 371*).

В критический момент, однако, Жуков под Сталинградом появился. Это было в двадцатых числах декабря, когда группировка Манштейна пыталась деблокировать Сталинградскую группировку. Жуков, по свидетельству его личного шофера А.Н. Бучина, приехал на Юго-Западный фронт к Н.Ф. Ватутину и вместе с ним нанес удар во фланг группировке Манштейна. Даже биограф Жукова Н.Н. Яковлев, узнав от Бучина об этой поездке, признал, что ему о пребывании Жукова на Воронежском фронте ничего не было известно. Перечислив боевые операции на этом фронте — разгром 8-й итальянской армии, смелый рейд 24-го танкового корпуса В.М. Баданова в немецкий тыл, и признав, что это — почерк Жукова, он добавляет, что «не узнал льва по когтям».

В результате положение радикально изменилось, Манштейн отказался от попыток деблокировать группировку Паулюса, однако Жуков сохранил свою поездку в тайне и не упомянул о ней в дальнейшем, не желая отнимать славу у погибшего весной 1944 г. Н.Ф. Ватутина (Там же).

В результате Сталинградской победы создалась возможность разгрома немцев уже в 1943 г. Возможности были грандиозные. Ударом на Ростов можно было захлопнуть немцев на Кавказе (а у них просто не было в тот момент горючего, чтобы оттянуть войска на 500–600 километров). На Кавказе остались бы окруженными четыре немецкие армии — более миллиона солдат, почти четыре Сталинградских котла! Между тем уже в феврале Красная Армия подошла к Днепропетровску. Именно там была предпринята еще одна попытка использовать по назначению воздушно-десантные войска (*Суворов В. Тень Победы. С. 263*).

Возможность победы уже в 1943 г. видели многие военачальники. В частности, А.И. Еременко предлагал не добивать группировку Паулюса, а задушить ее блокадой (без продовольствия, теплой зимней одежды, боеприпасов и т.д. она бы долго не выдержала), оставив для этого минимум войск, а все освободившиеся силы направить на внешний фронт (*Суворов В. Тень победы. С. 242–247*). Если бы это было сделано, то, возможно, Центральный, Брянский и Воронежский фронты получили бы возможность выполнить поставленную им директиву — 15 февраля нанести удары в направлениях на Гомель и Смоленск. К.К. Рокоссовский прямо не пишет, но намекает, что при выполнении предложения Еременко это бы удалось (*Солдатский долг. С. 186–187*).

Я и сам считаю, что армию Паулюса добивать было не надо, что она все равно была обречена. Во всяком случае, я много слышал споров на эту тему и сам в них участвовал, однако от сторонников противоположной точки зрения (включая тех, кто настаивал на

этом тогда) не последовало (по крайней мере, мне неизвестно) ни одного разумного довода в пользу того, что Сталинградскую группировку немцев надо было добивать, теряя, естественно, и своих солдат.

Все это так, но ведь советские войска, блокировавшие Сталинград, ненамного превосходили по численности 330-тысячную группировку Паулюса. Могла ли переброска части этих сил (вряд ли больше 100–150 тысяч) на внешний фронт радикально усилить Красную Армию? Там, на внешнем фронте, счет ведь шел на миллионы солдат. Тем более что, как мы имели возможность видеть, советское командование, скорее всего, планировало «кавказский мешок» заранее.

Может быть, я ошибаюсь, но, на мой взгляд, чтобы понять, почему сорвалась операция под Ростовом (по окружению немцев на Кавказе) и Харьковом (по выходу к Днепру), надо проанализировать ситуацию в мире в целом.

Итак, наметилась перспектива поражения Германии уже в 1943 г. А союзники в начале 1943 г. еще вели бои в Северной Африке с войсками Роммеля. Возникла (опять и опять!) реальная угроза попадания всей Европы под власть Сталина. Англо-американцам надо было срочно что-то делать.

Они и сделали. В феврале 1943 г. союзники прекращают наступление в Африке, что дает немцам возможность перебросить не то 27, не то 36 дивизий на Восточный фронт (*Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 312–313). Результат — поражение советских войск под Харьковом и стабилизация советско-германского фронта на три месяца.

Возразят: удар на Ростов был сорван раньше, еще в декабре 1942 г., во время контрудара Манштейна под Котельниково. Может быть, и так. Посмотрим, что делали союзники в декабре 1942 г. Так вот, активные действия против армий Роммеля предпринимали только англичане, гнавшие его из Египта. А главные англо-американские силы, только что освободившие

Алжир и Марокко, до марта 1943 г. стояли в бездействии на тунисской границе. Что также способствовало переброскам немецких армий на Восток.

А теперь снова вернемся к Ржевско-Сычевской операции лета 1942 г. Виктор Суворов обратил внимание на то, что, судя по всему, документы этой операции не рассекречены до сих пор, планы в ней ставились весьма далеко идущие — возможно, дойти до Минска и Риги (Тень Победы. С. 229–230).

Но представим себе, что это так и было и что замысел удался. Взгляните на карту и посмотрите, где Минск и Рига и где находилось в июле — августе 1942 г. южное крыло советско-германского фронта. После этого нетрудно представить, какая катастрофа постигла бы немецкие войска в случае успеха операции. Пожалуй, тогда удалось бы осуществить директиву Ставки от 7 января 1942 г. и разгромить Германию в том же 1942 году.

Вероятно, понимали это и западные союзники. Вряд ли случайно именно в дни Ржевско-Сычевской операции Черчилль, приехавший в Москву, объявил, что второй фронт в 1942 г. открыт не будет. Что способствовало переброске немцами дополнительных сил из Франции в том числе и на Московское направление. Ну, и Дьеппский десант союзников, о котором говорилось, как раз в эти дни состоялся.

Кстати, случайно ли Сталин назначил Жукова, до того главнокомандующего Западным направлением, своим заместителем именно 26 августа 1942 г., то есть сразу после неудачи Ржевско-Сычевского наступления? Возможно, именно этот шаг и означал отказ от широкомасштабного наступления в центре и окончательный переход к варианту «ростовского мешка». Впрочем, не исключено, что и зимой 1942/43 гг. Сталин мог вернуться к идее полугодовой давности; тогда наступление Жукова следует признать-таки главным, а не второстепенным. Возможно, что именно из-за ожидания результатов этой операции после

разгрома Манштейна под Котельниково промедлили целый месяц с ударом на Ростов. А появление Жукова под Сталинградом в двадцатых числах декабря как раз и знаменовало отказ Сталина от прорыва германского фронта в Центре в пользу этого удара.

Кстати, о нашем поражении под Харьковом. По свидетельству личного шофера Жукова А.Н. Бучина, отступление наших войск напоминало 1941 год: «мчавшиеся навстречу грузовики, набитые солдатами, ездовые, беспощадно нахлестывавшие лошадей, и тянувшиеся по обочинам группы солдат в грязи с головы до ног» (170 000 километров с Г.К. Жуковым. С. 70). Так вот, Воронежским фронтом, разбитым немцами, командовал все тот же Ф.И. Голиков, начальник ГРУ перед войной. Совпадение? Может быть, Голиков и теперь получал какие-то тайные инструкции от Берия? Я ничего не утверждаю, но задуматься, по-моему, есть о чем. Причем как только на востоке положение нормализовалось, союзники снова перешли в наступление в Африке и 13 мая 1943 г. вынудили армии Роммеля к капитуляции.

В июне 1943 г. союзники дали понять Сталину, что и в этом году второй фронт открыт не будет. Дело дошло до того, что на некоторое время советские послы были отозваны из Лондона и Вашингтона (*Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 342*).

5 июля 1943 г., собрав на Востоке огромные силы, Вермахт начинает наступление на Курской дуге. Это снова облегчает успехи союзников в Южной Италии. 10 июля союзники высаживаются в Сицилии и к 17 августа освобождают ее, а 3 сентября начинают операции в Южной Италии. Наступление союзников продолжалось до 1 октября, когда они освободили Неаполь, а затем снова остановилось. Почему?

Может быть, потому, что слишком стремительно развивалось советское наступление на востоке? Отбив наступление немцев на Курской дуге, Красная Армия 12 июля перешла в наступление сама. Но до 23 августа (освобождение Харькова и официальная

дата окончания Курской битвы) наступление было локальным и не очень-то быстрым. Зато потом... Перечислим только освобожденные города.

Итак, 23 августа — Харьков, 26 августа — Севск, 30 августа — Таганрог, Рыльск, Ельня. 1 сентября — Дорогобуж, 2 сентября — Лисичанск, Сумы. 4 сентября — Мерефа, 8 сентября — Донецк (тогда — Сталино), 10 сентября — Мариуполь, Барвенково. 13 сентября — Лохвица, 15 сентября — Нежин; в этот же день командование Вермахта отдало приказ об отступлении немецких войск за Днепр, 16 сентября — Новгород-Северский и Новороссийск, 17 сентября — Брянск и Бежица. 19 сентября — Духовщина, 21 сентября — Чернигов, 23 сентября — Полтава, 25 сентября — Смоленск, 29 сентября — Кременчуг.

За месяц советские армии прошли 300–400 км и вышли к Днепру на протяжении 700 км, начав 22–23 сентября его форсирование и в считанные дни захватив 23 плацдарма на его правом берегу. Это об этом времени стихи А.Т. Твардовского о «хорошей войне» («шутка, что ли: сутки — город, двое суток — областной»).

Союзники опять забеспокоились. Именно тогда, на встрече в Квебеке, Рузвельт и Черчилль выразили беспокойство грядущей советской гегемонией в Европе (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков. С. 60). И вот в конце сентября — начале октября 1943 г. союзники свое наступление в Италии прекратили, дав немцам возможность произвести переброску новых сил на Восток.

И немцы ее произвели. Только за сентябрь — октябрь на Восточный фронт было переброшено из Европы 19 немецких дивизий, из них три танковые (*История Второй мировой войны.* М., 1976. Т. 7. С. 188). С 1 по 19 ноября только 1-я танковая армия немцев (всего в полосе советского наступления от Смоленска до Черного моря Вермахт имел в это время девять армий) получила одну танковую дивизию, переброшенную из Франции, а кроме того, пять пехотных и две

танковые дивизии, сведенные ранее из-за больших понесенных потерь в «боевые группы», были пополнены и восстановлены как дивизии (Там же. С. 267).

Так или иначе с конца сентября все захваченные советскими войсками плацдармы на Днестре находились «в огне»: немцы, не считаясь с потерями, пытались сбросить наши войска в Днестр. Им этого не удалось, но советское наступление на Днестре застопорилось до конца декабря, а потом шло уже не по всему фронту (как в сентябре), а только на Украине.

Советские историки называют выход советских войск к Днестру «завершением коренного перелома в ходе войны». В какой-то мере это действительно так. Неудача наступлений весной 1942 г. и срыв плана «разгромить Германию в том же 1942 г.» и затем напасть на Японию окончательно поставили крест на «ледокольном» сценарии, а к концу 1943 г. Сталин упустил последний шанс закончить войну завоеванием («освобождением») хотя бы всей континентальной Европы. В 1944 г. было уже поздно. Союзники уже высадились в Европе сами.

Глава XXIV

ВТОРОЙ ФРОНТ

Что мы собираемся иметь между белыми снегами России и белыми скалами Дувра?

(У. Черчилль, 1944 г.)

Зимой 1943–1944 гг. Красная Армия стремительно двинулась к границам Европы. Естественно, советские планы по установлению «счастливой жизни» в странах Европы с 1941 по 1944 г. никем не отменялись. Рассекреченные сейчас докладные записки бывшего советского посла в Лондоне И.М. Майского В.М. Молотову достаточно ясно говорят о европейских (и не только) планах СССР. Так, в записке от 11 января 1944 г.

Майский говорит о необходимости «создать в Европе такие условия, чтобы вся Европа стала социалистической в течение ближайших 30–50 лет», а кроме того, «обеспечить свободные пути через Иран к Персидскому заливу». Предполагалось создание в Европе режимов «народной демократии», при необходимости — путем «вмешательства извне» (читай — из СССР) (*Филиттов А.М.* В коридорах Наркоминдела// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 56–58).

Неудивительно, что Рузвельт и Черчилль, обеспокоенные такой перспективой, начали серьезно готовить открытие второго фронта. Необходимо было не допустить захвата Сталиным Европы, почему 6 июня 1944 г. союзники, наконец, высадились в Нормандии. Кстати, немецкая разведка «проморгала» эту высадку — десанта союзников ожидали не в Нормандии, а в районе пролива Па-де-Кале. Именно после того, как это произошло, Гитлер наконец отстранил Канариса от должности начальника немецкой разведки. Как потом оказалось, было за что...

СССР снова и снова предпринимал попытки занять побольше территорий в Европе — например, в октябре 1944 г. была создана целая воздушно-десантная армия с целью захватить все территории, на тот момент еще контролировавшиеся Гитлером. Армия была создана из резервистов-десантников, которых наготовили не меньше миллиона до 1941 г. с целью использовать в войне за мировое господство для выброса десантов в захваченную Гитлером Западную Европу, на Балканы, в африканские колонии и т.д.; в оборонительной войне десантники не нужны, и пришлось формировать из резервистов-десантников отборные пехотные части (таким, например, авансом присваивали звание гвардейских) и останавливать ими немецкие наступления. Теперь тех из них, кто остался, планировалось наконец использовать по прямому назначению (*Суворов В.* Последняя республика. С. 326–338, 359–382).

А под властью Гитлера еще находились, помимо не занятой еще советскими войсками части Восточной Европы, вся Германия и Австрия, Северная Италия, Нидерланды, Скандинавия. Отметим, что с октября 1944 до начала марта 1945 г. линии фронтов в Западной Европе практически не изменились, что давало СССР надежду поставить все эти страны под свой контроль. Тогдашний заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов в записке от 15 ноября 1944 г. говорил о необходимости включения в сферу влияния СССР, кроме Восточной Европы, также Норвегии и даже нейтральной в тот момент Турции (при неопределенном статусе Германии) (*Филиппов А.М.* В коридорах Наркоминдела. С. 59). Но по большому счету всю Европу захватить все равно уже не получалось.

Кстати, вот еще интересный факт. Как известно, 16 декабря 1944 г. Вермахт начал наступление против союзников в Арденнах. Наступление не представляло серьезной угрозы — к 5 января оно было практически везде остановлено, а кое-где 3 января союзники и сами перешли в наступление. Да и начать его немцы смогли лишь потому, что нелетная погода на некоторое время парализовала авиацию союзников, имевшую семикратное превосходство над Люфтваффе. Как только установилась летная погода, немцев достаточно быстро остановили.

Но вот 5 января 1945 г. один из высокопоставленных американских генералов пишет в своем дневнике: «Мы еще можем проиграть эту войну». Чего это он так испугался? Неужели погибающего Третьего рейха? Или все-таки кого-то другого?

Предлагаю свое объяснение: союзники боялись, что Гитлер перебросит всю свою авиацию на Запад, очистит небо на Востоке, и СССР сможет использовать своих десантников для реализации вышеназванного сценария. А после этого союзникам в оставшихся у них Франции, Бельгии, Средней и Южной Италии будет не очень-то уютно.

Кстати, зачем союзники обратились к Сталину с просьбой о помощи? Ведь к 6 января 1945 г., когда это обращение прозвучало, немецкое наступление уже было остановлено повсеместно. Более того, кое-где союзники перешли в наступление. Не связано ли это с опасениями союзников: вот возьмет Сталин да и захватит все оккупированные Гитлером территории с помощью массового выброса десантников. А сталинское наступление отвлечет немецкую авиацию с Западного фронта на Восточный (основные сухопутные силы Вермахта и так были сосредоточены на Востоке) и тем самым сорвет советскую десантную операцию (как известно, для таковой необходимо господство в воздухе).

Более сложный вопрос: почему Сталин на эту просьбу союзников поддался? Рассчитывал, что Гитлер просто не успеет помешать десантированию? К этому вопросу мы еще вернемся, как, впрочем, и к просьбе союзников о помощи.

Так или иначе, опасения союзников не сбылись. После начала Висло-Одерской операции, когда Красная Армия за три недели прошла от Варшавы почти до самого Берлина, Гитлер снова обратил свое внимание на Восток. А Западная Германия, Скандинавия, Голландия, Северная Италия были без особых хлопот заняты союзниками.

Глава XXV

КТО ОБЕРЕГАЛ ГИТЛЕРА ОТ ПОКУШЕНИЙ?

Мюллер — Штирлицу:
Штирлиц, вы держали в сейфе гармошку?
Так вот, больше вы ее не увидите. Почему?
Не вы один по Родине скучаете!

(Популярный анекдот)

Уже в 11-м томе своих сочинений (С. 25), за пять лет до прихода нацистов к власти в Германии, Сталин пишет о том, что надо «разгромить фашизм, уничто-

жить капитализм, установить Советскую власть...» «Фашизм — палач Европы, — пишет Виктор Суворов, приведя эту сталинскую цитату. — Сталин поддерживает палача, но еще до того, как палач начал свою кровавую работу, Сталин уготовил палачу такую же участь, как и его жертвам» (Ледокол. 2002. С. 25).

К этому вопросу Виктор Суворов возвращается многократно. Гитлер выполнял для Сталина примерно ту же работу, пишет он, что и Тухачевский, Ежов, Ягода и т.д. в России. «Пока Ежов громил сталинских врагов, Сталин пил за его здоровье, подносил подарки, награждал орденами, выдумывал для него звания и должности. Но вот Ежов свою функцию выполнил, и Сталин раздавил его ногтем, как кровавого клопа, явно ничего, кроме омерзения, не испытывая при этом». Гитлера, уничтожившего сталинских врагов в Европе и расчищавшего дорогу для сталинского триумфа, по выполнении этой задачи ждала та же участь и соответствующее отношение, резюмирует В. Суворов (Самоубийство. С. 100).

Логично. Но вот 22 июня 1941 г. Гитлер успевает нанести удар первым. И почему-то Сталин не спешит его устранить. А ведь мог бы это сделать. Уже в 1942 г. реальная власть в Третьем рейхе была не у Гитлера, а у Бормана. Еще в 1941 г. последний стал вместо улетевшего в Британию Гесса начальником партийной канцелярии, а в 1943 г. — личным секретарем Гитлера (Розанов Г.Л. Последние дни Гитлера. М., 1961. С. 97).

Теперь Борман решал, кого можно допустить на личный прием к Гитлеру, а кого нельзя (и вторых было бесконечно больше, чем первых). Во втором случае, как правило, Борман сам набрасывал предлагаемое решение проблемы, зачитывал его Гитлеру, и тот, как правило, соглашался.

А ведь Борман, по мнению очень многих (например, генерала Гелена), работал на Сталина (точнее, на советскую разведку еще с досталинских времен). В 1919 г. он, воюя в составе белогвардейских войск

в Прибалтике, попал в советский плен. Однако через два года вместо того, чтобы пойти под расстрел или в крайнем случае, на Соловки, был выпущен. При этом концлагерь в районе Осташкова (нынешняя Тверская область) подчинялся Региструпру (тогдашнее название советской военной разведки) (*Суворов В.* Самоубийство. С. 96–98). Кстати, до сих пор неясно, куда мог деться Борман в мае 1945 г. из плотно окруженного советскими войсками гитлеровского бункера, где он оставался буквально до последней минуты.

Кстати, тут нелишне вспомнить о планах гитлеровского наступления на юге СССР в 1942 г. Выше я писал, ссылаясь на К. Закорецкого, что Сталин подтолкнул Гитлера к этому шагу Харьковской операцией. Однако известно, что наступать на юге Гитлер решил еще до этого, 5 апреля 1942 г., так что Сталин пошел на Харьковское наступление, скорее всего, просто из перестраховки. Так вот: кто подтолкнул Гитлера к решению наступать именно так, как было выгодно Сталину? Не Борман ли?

А теперь вернемся к проблеме устранения Гитлера. Если бы Сталин захотел убрать нацистского фюрера с помощью покушения, то он в принципе мог это сделать. Но... Но Сталина устраивал только один вариант уничтожения (или, если получится, пленения) Гитлера: не руками разведки, а руками окруживших гитлеровское убежище советских войск. Любые покушения на Гитлера были прямо невыгодны Сталину, как до, так и после 22 июня 1941 г.

В самом деле, представим себе на минуту, что где-нибудь в 1941 г. покушение на Гитлера удалось. В руководстве НСДАП — смятение: ведь все завязано на фюрера. Генералы и промышленные магнаты, которые фюрера и вообще партийное руководство никогда не любили, вполне могли устроить путч, свергнуть нацистов и заключить сепаратный мир с Западом. Неважно, было бы это летом 1941 г., или в реальной ситуации конца 1941 г., когда Вермахт был под Москвой,

или в гипотетической ситуации конца 1941 г., когда, успев 6 июля 1941 г. нанести удар первой, Красная Армия выходит к Рейну. В любом случае, устранение Гитлера означало и прекращение войны до полного занятия советскими войсками Европы. Это было невыгодно Сталину. Зато выгодно Рузвельту и Черчиллю.

Было бы это лучше для немцев — другой вопрос. В результате такого сценария развития событий вместо ломки тоталитарной нацистской машины вполне могла получиться «постнацистская» Германия по образцу нынешней «постсоветской» России с мумией на Красной площади и «сталинским» гимном, пусть и прозападно ориентированная внешнеполитически.

20 июля 1944 г. состоялось покушение на Гитлера, в котором участвовали как раз видные военачальники (генерал-полковник Бек, фельдмаршалы Роммель, Вицлебен, Клюге и т.д.) и промышленники: политический руководитель заговора Герделер, например, был доверенным лицом главы концерна «ИГ Фарбен-индустри», а также членом наблюдательного совета фирмы Круппа. Через Аллена Даллеса, руководителя американской разведки в Европе, заговорщики были связаны с США и Британией (*Розанов Г.Л. Последние дни Гитлера. С. 3–4*).

Результат заговора известен. Какую роль сыграли в его провале советские спецслужбы? Не знаю. Но представим себе, что заговор удался, Германия прекращает войну и выводит войска из оккупированных стран, предоставляя им независимость и свободу. А Красная Армия только что вышла на границу СССР 1941 г., и то еще не везде. Тогда бы Сталину не только всей, но и Восточной Европы было не видать, Надо ли это было ему? Как говорится, кому выгодно?

Похоже, что если по части введения Сталина в заблуждение относительно планов Гитлера на 1941 год немецкая разведка действовала в одном ключе с западными спецслужбами (хотя и в других целях), то по части охраны Гитлера от покушений со стороны

западных спецслужб его служба безопасности действовала в одном ключе с советской разведкой (хотя опять же в разных целях). И в этом отношении Сталин и Гитлер Запад переиграли.

Далее, именно Борман был самым ярким противником переговоров руководства Третьего рейха с Западом. Кстати, до сих пор неизвестно точно, как узнала советская разведка о переговорах немецкого и союзного командования на Западном фронте зимой 1944–1945 гг. или о переговорах К. Вольфа с Даллесом в Швейцарии в марте 1945 г. (Там же. С. 30, 34–35). Арест в конце апреля 1945 г. Геринга, пытавшегося спасти свою шкуру личными переговорами с Западом, тоже произошел после того, как Борман сообщил об этом фюреру. Кстати, и тут сам Борман набросал приказ об аресте Геринга, а Гитлер его лишь подписал (Там же. С. 69–70). Чуть позже примерно та же история случилась с Гиммлером (Там же. С. 87).

Похоже, что именно Борман тщательно пресекал любые планы открыть фронт на Западе и пустить союзников в Берлин раньше Красной Армии. На этом направлении Сталин тоже переиграл англо-американцев, хотя на глобальных результатах войны это не отразилось.

Впрочем, так ли союзники рвались первыми войти в Берлин — еще надо посмотреть.

Глава XXVI

ВЗРЫВ НА БУЛЬВАРЕ АТАТЮРКА

Если Россия подчинит Турцию, она
станет сильнее всей остальной Европы.

(К. Маркс, 1853 г.)

24 февраля 1942 г. на бульваре Ататюрка в Анкаре некий террорист бросил бомбу в германского посла в Турции фон Папена. Заговорщик не рассчитал, затянул с броском, и бомба взорвалась у него в руках.

Заговорщик погиб, а фон Папен и его жена отделались царапинами.

Вскоре турецкая полиция арестовала по обвинению в этом покушении двух советских граждан — Павлова и Корнилова. Как стало известно позднее, покушением руководил сам Эйтингон. Непосредственным организатором был Павлов, настоящее имя которого было Георгий Иванович Мордвинов. Непосредственным исполнителем стал некий болгарский коммунист. Причиной его стали полученные советской разведкой известия о том, что США и Британия через фон Папена готовятся выйти на сепаратные мирные переговоры с Германией (*Нехамкин С. Взрыв на бульваре Ататюрка // Известия. 2005. 24 мая*).

Ох, непохоже! Зачем бы союзникам заключать мир с Гитлером в такой выгодный для них момент, когда он увяз в России? А впрочем...

Как уже говорилось, в планы Сталина входило, перейдя в общее наступление в 1942 г., в том же году полностью разгромить Германию и закончить-таки войну реализацией «ледокольного» сценария. Что сталинский план на 1942 год провалился, в феврале 1942 г. еще далеко не всем было ясно. Но дело даже не в этом. Сталин имел серьезные основания опасаться, что США и Британия разгадали его планы и готовы им помешать, заключив сепаратный мир или хотя бы перемирие с Германией и позволив ей высвободить десятки дивизий на Западе, которые она там держала в ожидании открытия второго фронта. Естественно для Сталина в такой обстановке было попытаться сорвать эти, пусть гипотетические, переговоры. В такой ситуации было лучше перестараться, чем недоработать. Однако то была не единственная причина активности СССР в Турции.

Много сказано и написано, Виктором Суворовым в том числе, о том, что нельзя отождествлять СССР и старую Россию, о том, что царская Россия, как

и другие великие державы, занималась только региональной экспансией, не стремясь к установлению «царизма» во всем мире, тогда как СССР только мировое господство коммунистов и устраивало. Были, впрочем, в российской истории периоды, когда наша страна становилась «жандармом Европы», но и тогда все же о глобальной экспансии речь не шла. Однако была одна страна, к которой Россия проявляла повышенный интерес на протяжении нескольких веков, независимо от того, кто правил страной и какие — либеральные или консервативные — тенденции были для российской власти в данный момент характерны. Речь идет о Турции.

Понятно, что именно в те периоды, когда Россия проявляла повышенные агрессивные намерения, она особенно упорно стремилась подчинить своему влиянию эту страну — из-за уникального геополитического положения последней, в первую очередь из-за проливов. Так было в 1815–1856 гг., когда русский царизм был «жандармом Европы». Так было и в советское время, когда СССР стремился к «мировому коммунизму».

В первой половине 1920-х гг. Турция, борющаяся с пытавшимися окончательно разделить ее победителями в Первой мировой войне, была естественным союзником «красной» России. Однако со второй половины 1920-х гг. внешняя политика Турции постепенно становится «многовекторной». СССР это, естественно, не нравится, и он проявляет активность с целью вернуть Турцию в фарватер советской внешней политики.

С другой стороны, Германия в периоды своей повышенной агрессивности также проявляет активность в Турции — как из-за тех же проливов, так и из-за того, что Турция была самым удобным трамплином для экспансии Германии на Востоке. Так было в период 1888–1918 гг., так снова стало с приходом к власти Гитлера.

Со своей стороны Запад, противодействуя то России, то Германии, тоже стремился вовлечь Турцию в свою сферу влияния. Так, в 1937 г. стараниями британской дипломатии был заключен Саадабадский пакт между Турцией, Ираном, Ираком и Афганистаном (Военно-блоковая политика империализма. Под ред. П.А. Жилина и Р. Брюля. М., 1980. С. 270), направленный как против СССР, так и против фашистских держав.

Логично заключить, что с началом Второй мировой войны как СССР, так и Германия должны были активизировать свои действия и в отношении Турции.

19 октября 1939 г. Турция подписала договор с Британией и Францией о военной помощи. При этом СССР был предупрежден о подписании этого договора заранее, во время визита главы МИД Турции Сараджоглу в Москву в конце сентября — начале октября 1939 г. Молотову (в то время по совместительству главе правительства и главе МИД СССР) Сараджоглу сообщил, что пакт будет направлен не против какой-то конкретной державы, но против любого агрессора, опасного для какой-либо из трех сторон (в договоре речь шла об «агрессии со стороны какого-либо европейского государства»). Молотов сначала пытался отговорить турецкого коллегу от подписания пакта вообще, а потом предложил советскую «поправку»: договор теряет силу, если Британия и Франция выступят против СССР (*Гасанлы Дж.* Основные направления советско-турецких отношений на первом этапе начала Второй мировой войны (1939–1941 // Правда Виктора Суворова-3. М., 2007. С. 84–87, 95). Причем из контекста следует, что конкретная причина такого гипотетического шага Британии и Франции значения не имела — хотя бы он имел место ввиду нападения СССР на саму Турцию. При этом СССР старался уклониться от каких-либо обязательств по ненападению, не говоря уже о взаимопомощи (Там же. С. 90).

Подписание договора вызвало немедленную реакцию СССР: 10 ноября в заявлении Коминтерна было сказано, что с подписанием этого договора «Турция попала в империалистическую ловушку» и что, следовательно, Компартия Турции должна быть против этого пакта (Там же. С. 97).

С началом советско-финской войны Турция обеспокоилась. Во всяком случае, после германской оккупации Парижа Гитлер распорядился предать огласке попавшие в немецкие руки материалы англо-франко-турецких переговоров о бомбардировках Баку и Батуми в период этой войны (как известно, западные державы собирались прийти на помощь Финляндии в том числе и таким способом). И Сталин в июне 1940 г. в беседе с итальянским послом в СССР указал на эту угрозу и предложил совместно «прижать» Италию (Там же. С. 98, 104, 110).

Принято считать, что после разгрома летом 1940 г. Турция стала ориентироваться на Германию (см., напр: *Некрич А.М.* С. 97). В значительной мере, как и у Румынии, у Турции эта ориентация была вынужденной: СССР еще летом 1940 г. начал проводить съемку пограничных с Закавказьем турецких территорий, а советский флот начал проявлять активность в том числе и у Черноморских проливов. Это не говоря уже о планах СССР по вводу войск в Болгарию в том числе и «для давления на Турцию» и даже «вытеснения турок в Азию», как Сталин сказал Димитрову 25 ноября 1940 г. (*Бунич И.* Гроза. С. 116, 139; *Гасанлы.* С. 112–113). Понятно, что в условиях начавшихся после лета 1940 г. советско-германских разногласий Турция стремилась их использовать в своих интересах.

В то же время там, где было можно, турки придерживались западной, а не немецкой ориентации. Так, Турция в ноябре 1940 г. предупредила Болгарию, что выступит против нее, если та окажет содействие Италии в нападении на Грецию (как известно, это нападение началось 28 октября 1940 г.), в результате чего

Греция смогла перебросить войска против Италии с болгарской границы (*Гасанлы*. С. 108–109).

С захватом Гитлером Болгарии 1 марта 1941 г. возникла опасность для Турции и со стороны Германии. Черчилль еще за месяц до того предлагал Турции союз с обязательством вступить в войну, если немцы войдут в Болгарию, но неудачно (*Бунич И.* Гроза. С. 422; *Гасанлы*. С. 116–117). Собственно, с Англией Турция не порывала, например, в апреле — мае 1941 г. она отказала Гитлеру в просьбе пропустить германские войска на помощь прогерманскому режиму Рашида Али в Ираке, в результате чего тот был разгромлен британцами, но отказала она и Британии в транзите вооружений через свою территорию (*Гасанлы*. С. 119).

18 июня 1941 г. был подписан германо-турецкий договор о дружбе и сотрудничестве, хотя в то же время на превращение в сателлита Германии Турция не решилась, в частности, она отказалась пропустить через свою территорию германские войска и военные грузы (*Некрич А.М.* С. 98–99). Более того, Турция специально оговорилась: союз с Англией не отменяется. Таким образом, Турция, дружественно нейтральная Германии и в то же время союзная Британии, превратилась в весьма удобное поле для переговоров между Германией и Западом. Но была и еще одна причина для покушения на германского посла.

Еще 25 марта 1941 г. СССР и Турция оформили-таки декларацию о нейтралитете и ненападении (*Гасанлы*. С. 118–120). Теперь СССР мог ввести войска в Турцию только как союзник. И вот представим себе ситуацию: допустим, удалось зимой или ранней весной 1942 г. нанести решающее поражение немецким войскам и начать-таки «освободительный поход» в Европу. В этом случае возникал соблазн «попутно» прибрать к рукам и Турцию, однако это можно было сделать в случае, если бы последняя ввязалась в войну с Германией. А покушение на германского посла — чем не повод для войны? Что же, Сталин предвидел

такой оборот дела еще в феврале 1942 г.? Не исключено. Во всяком случае, действовать надо было быстро и решительно.

Благодаря действиям турецких властей план не удался. А примерно с 1943 г. Турция прочно и бесповоротно переориентировалась на Запад. Именно тогда в Стамбуле организуется мощная резидентура объединенной англо-американской разведки — УСС, направленная как против Германии, так и против СССР (который, как мы видели, тоже имел виды на Турцию). Саму эту страну тоже «обрабатывают» — например, на счет вступления ее в войну против Германии и участия в освобождении от немцев Балкан (чтобы не пустить туда Сталина). Тут, правда, не получилось: в сентябре 1944 г. Жуков (точнее, Ф.И. Толбухин под верховным руководством Жукова) ворвался в Болгарию так стремительно, что турки просто не успели повоевать (Яковлев Н.Н. Маршал Жуков. С. 75–76).

Глава XXVII

ДЕЛА ПЕРИФЕРИЙНЫЕ

Между захваченной Гитлером Европой и Турцией, с одной стороны, и захваченным Японией Восточным Китаем, с другой, простирается почти весь Азиатский материк. С юга эти земли примыкают к границам теперь уже бывшего СССР. Логично предположить, что, реализуя свою геополитическую доктрину, США и их союзники, воюя с державами «Оси», одновременно постараются закрепиться и здесь.

Они именно это и делают. Британские войска появились в Ираке еще в мае 1941 г. (свергнув прогерманский режим Рашида Али, пришедший к власти при поддержке немцев месяцем ранее и, кстати, 12 мая 1941 г. признанный Сталиным), в Сирии — в июне — июле (очистив ее от вишистов), в Южном Иране — в августе — сентябре. Тогда еще нейтраль-

ные США 10 апреля 1941 г. объявили Красное море запретной зоной для немецких и итальянских судов, с приказом американским кораблям топить таковые при их обнаружении (*Суворов В.* Самоубийство. С. 256). А в 1942 г. американцы присоединились к британцам в Южном Иране, вскоре — и в Саудовской Аравии, в сентябре высадились в Бельгийском Конго (*Всемирная история.* М., 1977. Т. 15. С. 561–562) — эта страна находилась далеко и от театров военных действий, и от границ СССР, но там были крупнейшие залежи урана, а в Америке уже создавалась атомная бомба. Наконец, зимой 1942–1943 гг. в ходе операции «Торч» американцы занимают и Французскую Северную Африку.

Вошли американцы в контакт и с правителем Синьцзяна Шен Шицаем. Но о Синьцзяне — отдельная глава.

Зато в самом Китае американцы закрепились: уже с 1942 г. их авиация действует — и успешно — с китайской территории, а многочисленные военные миссии осваиваются в Чунцине. Летом 1944 — весной 1945 г. проходят встречи американских представителей также и с руководством КПК. Впрочем, Китай в геополитических играх двух сверхдержав был столь важен, что ему необходимо посвятить отдельную главу.

Наконец, закрепились американцы и в Индии, разместив там свои ВВС и отняв у англичан монополию на военное присутствие в этой стране. А с Австралией США еще в январе 1942 г. подписали договор о взятии на себя ее обороны (*Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 225) (а с Канадой — еще в 1940-м (*Военно-блоковая политика империализма.* М., 1980. С. 199)).

Одним словом, несмотря на отдельные неудачи — в Болгарии и Синьцзяне — США к 1945 г. окружили Хартленд и с юга — от Северной Африки до Китая и Австралии.

**«ФИНЛЯДИЯ»
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

После Второй мировой войны СССР подчинил своему влиянию половину Европы. При этом установлению в каждой стране коммунистической диктатуры предшествовал период так называемой «финляндизации» продолжительностью в три-четыре года. «Финляндизация» заключалась в том, что страна оставалась (пока) демократической страной с рыночной экономикой, но уже превращалась в сферу влияния СССР. И только в отношении самой Финляндии, от которой и произошел термин, советская номенклатура держала свои намерения в узде, и страна так и осталась рыночной демократией. Делалось это для того, чтобы показать остальной Европе: «финляндизация» — состояние не временное, а постоянное! Не бойтесь, господа европейцы, в коммунизм мы вас силком тащить не будем! (*Восленский М.С. Номенклатура. С. 469*).

Но была у СССР своя «Финляндия» и в Азии. Только не после Второй мировой, а до нее. И это был Синьцзян — северо-запад Китая.

Со времен Петра I Россия стремится утвердиться в этом регионе, и это понятно. Понятна оккупация Россией Кульджи в 1871–1883 гг. Понятно англо-русское соперничество. Все это — локальная колониальная экспансия, которую Россия осуществляла точно так же, как и другие страны.

По англо-русскому соглашению от 16 апреля 1899 г. сферой влияния России признаются китайские земли «севернее Великой Стены». В том числе и Синьцзян (*Красильников В.Д. Синьцзянское притяжение. М., 2007. С. 104*).

В 1910–1914 гг. в Кульджу, Кашгар и т.д. вводятся российские воинские контингенты. Они выходят оттуда в начале 1918 г. (Там же. С. 118–123).

Ситуация изменилась после прихода к власти большевиков. Их цель — «мировая революция». И с этой точки зрения Синьцзян представляет великолепный плацдарм для действий в Китае и Индии. 2 ноября 1928 г. китайская газета «Цзиньбао» пишет о значении Синьцзяна: Советам необходимо ликвидировать Британскую Империю, для чего нужно идти на Индию через Персию и Афганистан, но предварительно надо попробовать на Синьцзяне (АВП РФ. Ф. 100. Оп. 12. П. 17. Д. 33. Л. 9–10). Ну и — первый опыт «финляндизации».

Конечно, легче всего назвать сообщение китайской газеты «буржуазной клеветой». Но посмотрим на политику Советов в Синьцзяне накануне и в период Второй мировой войны.

В мае 1921 г. якобы имеет место обращение Тарбагатайского военного губернатора к Советской России (войскам Туркестанского фронта) с просьбой оказать содействие в ликвидации белых отрядов Новикова и Бакича (Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 4. С. 788). И в самом деле, к весне 1921 г. в Синьцзяне скопилось до 50 тыс. белых войск (АВП РФ. Ф. 0/100-в. Оп.4. П. 102. Д. 2. Л. 7), однако корпус Бакича сдал оружие и подчинился китайским властям, а никакого Новикова на территории Синьцзяна вообще не было, однако 17 мая 1921 г. договор о вводе войск Туркфронта для совместной ликвидации отрядов Бакича и Новикова подписывается (АВП РФ. Ф. 100. Оп.41-а. П. 163. Д. 1. Л. 27–29).

Было обращение или нет, но с мая по сентябрь 1921 г. Красная Армия наносит белым поражение в Тарбагатае (*Молоков И.В.* Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг. Омск, 1991. С. 82).

Причина этой военной акции проста: белые в Синьцзяне мешают пропагандистской работе боль-

шевиков, «эти идейные жандармы контрреволюции... достигали того, что даже самая забитая беднота, чувствовавшая раньше инстинктивно близость свою к Совроссии, прониклась до фанатизма духом враждебности к большевикам» (АВП РФ. Ф. 0/100-в. Оп.3. П. 101. Д. 1. Л. 2). Ну да, одно дело слушать рассказы агитаторов о коммунистическом рае и совсем другое — пообщаться с теми, кто унес оттуда ноги. Ясное дело, ликвидировать надо!

В отношении самого Синьцзяна пока, однако, торжествует принцип «финляндизации». В июне 1921 г. Ленин и Чичерин отклоняют предложение Рудзутака о признании республик Кашгарской и Джунгарской, которые местные сепаратисты при поддержке Советской России не прочь были бы создать (*Красильников В.Д.* С. 145). И так, вроде бы буржуазная клевета китайской газеты посрамлена? НЕ спешите! Тут же подчеркивается, что это временно, так как население очень темное и ненавидит все, что связано с «кяфирами» (немусульманами), поэтому ставка должна быть на местных китайцев (АВП РФ. Ф. 0/100. Оп.4. П. 102. Д. 5. Л. 48).

Такая политика дает свои результаты. В апреле 1928 г. руководители Синьцзяна уверены, что СССР не имеет планов вторжения в Западный Китай, поэтому до получения Китаем устойчивой формы государственности необходима ориентация на Советский Союз (АВП РФ. Ф. 8/08. Оп.11. П. 56. Д. 185. Л.51).

К концу 1920-х гг. ситуация меняется. В начале 1929 г. после почти двух десятилетий смуты, раздиравшей Китай после свержения Цинской династии (1911–1912 гг.), Чан Кайши наконец-то объединяет страну. Его власть еще слаба, но если дать ей время... И тут как-то поразительно вовремя (18 сентября 1931 г.) происходит вторжение японцев в Маньчжурию, де-факто означающее начало Второй мировой войны. Вспомним, что говорилось о связях

большевиков и их союзников с Японией, о «дальневосточном ледоколе», и спросим: случайно ли все это?

Что же касается Синьцзяна, то тут как раз в 1931 г. начинается восстание мусульманских народов против Китая. Спровоцировано оно было, по мнению большинства историков, британскими и японскими агентами. Однако возникает вопрос: кому выгодно? Явно не Японии (почему, увидим чуть погодя). СССР отказывается поддержать повстанцев (*Красильников В. Д.* Указ. раб. С. 158–161).

В итоге в 1933 г. в Синьцзяне происходит переворот Шен Ши-Цая. Один из принципов, провозглашенных новым правителем, — дружба с СССР (*Бармин В. А.* Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941. Барнаул, 1999. С. 120–121).

Интересен призыв Шен Ши-Цая к повстанцам — прекратить борьбу с целью объединиться для защиты Китая от Японии, которая хочет захватить в том числе и Синьцзян как плацдарм против СССР (*Хакимбаев А.* К оценке деятельности Ма Чжунина // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1983. Ч. 3. С. 117). Посмотрите на карту: чтобы проникнуть из захваченной уже Маньчжурии в Синьцзян, японцы должны либо пройти через всю толщу Китая (чего, как мы теперь знаем, им так и не удалось в течение всей Второй мировой войны), либо через Монголию, а это означает конфликт с СССР. Похоже на то, что японская угроза — это только предлог для обращения за помощью к СССР. Так что Японии это восстание едва ли было на руку.

И советская помощь последовала. В ноябре 1933 г. полк РККА и полк НКВД в гражданской одежде, но с танками, авиацией и артиллерией под видом «Алтайской добровольческой армии» переправляются в Синьцзян. Эта сила удерживает Урумчи, который в январе 1934 г. осаждают повстанцы Ма Чжу-Нина.

И тогда на помощь направляются еще две бригады войск ОГПУ при поддержке авиации; к апрелю 1934 г. восстание подавлено (*Красильников В.Д.* С. 174–176).

Интересно при этом, что лидера повстанцев дунганина Ма Чжу-Нина, интернированного 10 июля 1934 г. в СССР, отказываются выдать Шен Ши-Цаю. Советские войска ушли из Синьцзяна в начале 1935 г. Но и в 1938 г. НКВД арестовал (судя по всему, в Синьцзяне) командира русского конвоя Антонова, бывшего белогвардейского полковника, которому Шен Ши-Цай присвоил генеральское звание за командование бывшими белыми при подавлении восстания (Там же. С. 179–180).

Весной 1937 г. вспыхивает новое восстание уйгур и дунган. Интересно, что, прося против повстанцев помощи у СССР, Шен Ши-Цай проводит борьбу с «троцкистами», так что от репрессий гибнет до 400 человек. В поход на помощь ему отправляются две войсковые группы, в каждой из которых по два полка (РККА и НКВД), горная батарея, по роте саперов и связистов. Осенью 1937 г. восстание подавляется.

В 1938–1940 гг. СССР идет навстречу Китаю в строительстве авиасборочного завода в г. Хами. 1 октября 1940 г. начинается работа завода; после 22 июня 1941 г. его продукция направляется на войну с Германией. К лету 1942 г. достигается производство 450 самолетов в год. Затем завод был законсервирован, так как невыгодно везти все необходимое (кроме продовольствия) из СССР, а потом гнать самолеты обратно. В законсервированном состоянии просуществовал завод под охраной батальона НКВД до 1944 г. (Там же. С. 203–206).

Мало того. В августе 1938 г. — визит Шен Ши-Цая в Москву, встреча со Сталиным и Ворошиловым (там, кстати, «вожди» за тридцать-сорок лет до Брежнева впервые начали целоваться при встрече), и Шен Ши-

Цай стал членом ВКП(б) (!) (партбилет № 1859118) (*Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. М., 1999).

Еще в 1938 г. значительная часть полезных ископаемых Синьцзяна (сурьмы — 51%) отправляется в СССР. 26 октября 1940 г. выходит постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О развитии добычи олова в Синьцзяне». В дальнейшем там ищут еще и сырье, необходимое для атомной бомбы (*Красильников В.Д.* С. 280–288). Таким образом, речь идет уже о Синьцзяне как чуть ли не о части СССР.

И тут возникает вопрос: осень 1940 г. Собирался Сталин нападать на Германию или нет, но война на пороге. Готовясь к ней, Сталин непрерывно принимает то генералов, то оружейных конструкторов, то начальников управления трудовых ресурсов. Все подчинено подготовке к «освободительному походу» в Европу. Неужели в сложившейся ситуации ЦК и Правительству СССР нечем больше заняться, как «развитием добычи олова в Синьцзяне»?

А мы зададимся вопросом: а не готовил ли СССР плацдарм для будущего похода в Китай после победоносного завершения операции «Гроза» в Европе (о Китае речь впереди)?

На ряде руководящих должностей в Синьцзяне и его округах в 1941 г. находятся коммунисты, в том числе брат Мао Цзэдуна Мао Цзэминь. Действует тут и представительство 8-й китайской армии (коммунистической). В Хами дислоцирован полк Красной Армии, а в Урумчи — советская эскадрилья. СССР получает продовольствие, лошадей и т.д. из Синьцзяна.

А вот после объявления Китаем (и США) войны странам «Оси» (декабрь 1941) происходит переориентация Шен Ши-Цая на США. В.Д. Красильников полагает, что это происходило под влиянием неудач Красной Армии (*Красильников В. Д.* Указ. раб. С. 213–214). Однако вспомним, что как раз в дека-

бре 1941 г. Красная Армия перешла в наступление под Москвой. Скорее тут идет речь об общей переориентации Китая, включая и коммунистов, под влиянием срыва операции «Гроза» (об этом тоже речь впереди).

Но переориентировалось и руководство Синьцзяна. В конце августа 1942 г. Шен Ши-Цай полностью подчинился центральной власти Китая. В апреле 1943 г. в Урумчи открылись американское и британское консульства. В 1943 г. происходит вывод из Синьцзяна частей Красной Армии (Там же. С. 221–231). Зато, по некоторым данным, в 1943 г. обсуждались проекты строительства в Синьцзяне американских военных баз (*Хлютин В.Н.* Геополитический треугольник Казахстан — Китай — Россия. М. — Вашингтон, 1999. С. 254).

Однако в дальнейшем, теряя при вводе все новых гоминьдановских войск в Синьцзян (до 100 тыс. к 1944 г.) фактическую власть, Шен Ши-Цай обращается к СССР с просьбой принять Синьцзян в качестве союзной республики с условием, что он будет председателем Совнаркома, но получает отказ. Наконец, 31 августа 1944 г. Чунцин отстраняет Шен Ши-Цая (*Красильников В.Д.* Указ. раб. С. 237–238).

Советский отказ неудивителен: 16 мая 1943 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП (б) принимается решение об отказе от «финляндизации» и о проведении мер по устранению Шен Ши-Цая и замене его коммунистами (*Красильников В.Д.* Указ. раб. С. 259). И опять вопрос: война в разгаре, Курская битва на носу, а Политбюро опять Синьцзяном занимается!

Установка дана на контакты с подпольем, подготовку партизанских командиров, а главное — на создание воинских формирований из осевших на территории Средней Азии выходцев из Синьцзяна, которые будут туда введены после начала восстания (*Обухов В.* Схватка шести империй. М., 2007. С. 298–

299). Формируется и «дикая конная дивизия» уже из советских лиц не только уйгурской, но и казахской, киргизской, узбекской, татарской национальностей, имеющих опыт Великой Отечественной войны (*Красильников В.Д.* С. 267).

6–7 ноября 1944 г. начинается восстание в Синьцзяне, причем есть основания думать, что им руководит советское консульство в Кульдже (Там же. С. 246–247). К марту 1945 г. повстанцы занимают весь Илийский округ, а 31 июля 1945 г. — Чугучак. Одновременно идет наступление и на Урумчи: в августе повстанцы выходят к р. Манас — это километров 200 от столицы Синьцзяна (Там же. С. 254–255). В июне 1945 г. Политбюро принимает решение об отправке в Синьцзян дополнительно 500 офицеров и 2000 сержантов и солдат Красной Армии; начинаются массированные поставки оружия и снаряжения (Особая папка В.М. Молотова. Оп. 2. Д. 104. Л.116). Интересно при этом, что захваченные повстанцами у китайцев 64,5 кг золота обращаются в доход СССР (Там же. С. 273).

А вот лидер казахов Тарбагатай Оспан-Батыр еще с 1940 г. вел борьбу с Шен Ши-Цаем, а 5 октября 1943 г. встретился с Чойбалсаном. 21 января 1944 г. на встрече со Сталиным Чойбалсан обсуждает помощь ему, а 4 марта СССР через Чойбалсана передает Оспану 200 винтовок, 400 автоматов, 30 пулеметов. 11 марта казахи отказываются переселиться на юг Синьцзяна и уходят в Монголию, что вызывает монголо-китайский конфликт, в котором участвует и авиация СССР. Впрочем, освободив к середине сентября 1945 г. Тарбагатай, Оспан-Батыр в дальнейшем конфликтует с ВТР, а с 1946 г. переходит на сторону Гоминьдана (Там же. С. 275–279).

После 1945 г. и особенно 1949 г. нужда в «финляндизации» отпала, и осенью 1949 г. Синьцзян вошел в состав Китайской Народной Республики. Но это уже другая история.

Глава XXIX

НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

В войне против Германии Красная Армия была на востоке, а союзники на западе; в войне против Японии все наоборот, но результат будет тот же.

(Д. Макартур, август 1945 г.)

Итак, на пространстве от Западной Европы до Центральной и Южной Азии союзники к 1945 г. закрепились. А на Дальнем Востоке?

В начале 1944 г., накопив достаточные силы и создав трех-пятикратное превосходство над японцами в воздушных и морских силах, союзники перешли от продвижения «шаг за шагом» (вторая половина 1942–1943 гг.) к стремительному наступлению с захватом преимущественно ключевых позиций — таких, которые могли бы послужить опорными пунктами для дальнейшего наступления. Эта стратегия получила название «лягушачьих прыжков». Летом 1944 г. были захвачены Марианские острова, ставшие базой для массированных налетов авиации США на Японию (налеты начались поздней осенью 1944 г.). Но главное — в июне 1944 г. был наголову разгромлен японский флот, а после морского сражения у Филиппин (23–26 октября 1944 г.) он фактически перестал существовать.

Кстати, обратим внимание еще на один аспект проблемы. В. Суворов неоднократно противопоставляет советских генералов и маршалов, которые находили в себе смелость спорить со Сталиным, если считали себя правыми, немецким военачальникам, которые во всем соглашались с Гитлером, хотя неправильность его решений была для них очевидна (Очищение. С. 288–297; Самоубийство. С. 115–127 и т.д.). А как с этим обстояло у американцев? Разберем на одном характерном примере.

Июль 1944 г. Американцы только что разбили японский флот (обеспечив себе господство практи-

чески над всем Тихим океаном) и заняли Марианские острова. На Гавайских островах идет совещание высших военачальников с участием Рузвельта по поводу того, куда совершить очередной «лягушачий прыжок». Рузвельт настаивает: наступать надо прямо на Японию; главнокомандующий американскими войсками на Тихом океане Макартур возражает: высаживаться нужно на Филиппины.

Мотивы Макартура: свои острова японцы будут яростно защищать, людские потери при их захвате составят минимум миллион человек (напомню, общие потери США в войне — 450 тысяч). Лучше их пока подвергнуть блокаде (что после разгрома японского флота стало возможно): для лишённого своих ресурсов островного государства блокада — это смерть. А на Филиппинах нам помогут местные партизаны, там воевать будет намного легче. С падением Филиппин от Японии отрезается Юго-Восточная Азия, а без тамошней нефти вся японская техника (как и германская без нефти румынской) превратится в груды металлолома. Отметим, что Макартур здесь мыслит примерно так же, как Сталин и Жуков. «Нефть — это кровь войны».

Но главное — с занятием Филиппин американцы открывают себе «парадный вход» в Китай. Китай ведет войну с Японией с 1937 г., но в начале Тихоокеанской войны японцы захватили все подступы к Китаю с юга и востока. Доставлять китайцам все необходимое для войны можно только самолетами через Тибет, а там на доставку одной тонны груза приходится расходовать три тонны горючего (*Яковлев Н.Н.* 3 сентября 1945 г. С. 623). Теперь ситуация изменится: снабжать китайцев оружием можно будет бесперебойно. Безграничные людские ресурсы Китая соединятся с неисчерпаемыми технико-экономическими возможностями США. И долго ли тогда продержится Япония?

Впрочем, Китай планировалось использовать не только против Японии... Но о планах США в отноше-

нии Китая после войны мы еще поговорим. А пока отметим один интересный факт. Как известно, с 28 ноября по 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась встреча Большой Тройки — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Так вот, несколькими днями раньше — с 22 по 26 ноября — в Каире Рузвельт и Черчилль встретились с Чан Кайши. Так сказать, Большая Тройка № 2, антияпонская.

Вроде бы логично: СССР не воевал тогда с Японией, а Китай с 11 декабря 1941 г. лишь формально находился в состоянии войны с Германией. Так что со Сталиным Рузвельту и Черчиллю логично было бы обсуждать европейские проблемы, а с Чан Кайши — тихоокеанские. Однако СССР уже тогда не собирался после окончания войны в Европе оставаться в стороне от тихоокеанского конфликта. Так почему бы не встретиться всем четверым и не обсудить судьбы послевоенной Японии? Тем более что союзники в 1943 г. гораздо больше нуждались в участии СССР в войне с Японией, чем в 1945-м: решающих побед на Тихом океане они тогда еще не одержали.

Своего мнения не навязываю, но предлагаю объяснение: на встрече в Каире обсуждались какие-то темы, для сталинских ушей не предназначенные. А теперь вернемся к совещанию на Гавайских островах.

Макартур вел спор круто: после разговора с ним Рузвельт вынужден был принять аспирин вечером, а потом утром, и пожаловался своему личному врачу, что еще никто в его жизни не говорил с ним так, как Макартур (*Бучин А.Н., Яковлев Н.Н.* 170 000 километров с Г.К. Жуковым. С. 215). И своего Макартур добился. Зимой 1944–1945 гг. американцы очистили от японцев Филиппины, а англичане — Бирму. В феврале — марте 1945 г. американские войска овладели о. Иводзима у берегов Японии, а 1 апреля высадились на о. Окинава. И уже во второй половине апреля — начале мая 1945 г. впервые за всю войну китайские войска начали теснить японцев на юго-востоке Ки-

тая. В мае — июне были освобождены г. Гуйлинь и его окрестности; японцы отходили к портам на востоке и юго-востоке страны (История Второй мировой войны. Т. 11. С. 104–107).

Между тем война в Европе шла к концу, и становилось очевидно, что СССР вмешается в войну на Дальнем Востоке и, конечно, потребует свою долю. Уже 5 апреля 1945 г. СССР в одностороннем порядке денонсировал пакт о ненападении с Японией от 13 апреля 1941 г.; еще раньше, 14 марта, началась практическая подготовка к войне с Японией (в этот день было принято решение о переброске на Дальний Восток советских войск бывшего Карельского фронта, до конца 1944 г. воевавших против Финляндии) (Там же. С. 191).

В этих условиях перед США стояли две задачи: во-первых, не пустить СССР на Японские острова, а во-вторых, как можно меньше отдать СССР в Китае и Корее. Впрочем, следовало считаться и с тем, что СССР может вообще не вступить в войну с Японией — в уже цитировавшейся докладной записке И.М. Майского от 11 января 1944 г. предлагался именно такой вариант, рассчитанный на взаимное ослабление западных союзников и Японии (*Филлипов А.М.* В коридорах Наркоминдела. С. 57). Правда, это писалось до решающих морских побед союзников в 1944 г. и до их выхода на подступы к Японии и Китаю. В Японии, кстати, в апреле 1943 г. усилились позиции сторонников мира с США и союза против СССР. В частности, тогда вошел в правительство будущий премьер-министр в первом послевоенном правительстве Японии, созданном американской оккупационной администрацией (*Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 322), однако через год с небольшим, в июле 1944 г., Япония заявила о желании наладить дружеские отношения с СССР в ущерб США и Британии, которые «всегда были врагами России» (*Славинский Б.Н.* Указ. раб. С. 232–252).

Первая задача — не пустить СССР на Японские острова — была нетрудной: на морях господствовал флот США, а кроме того, после овладения о. Окинава (21 июня 1945 г.) американцы в июле–августе провели операции по сплошному минированию подходов к японским портам (История Второй мировой войны. Т. 11. С. 140–141). Тем самым убивались два зайца: Япония обрекалась на полную блокаду (что для лишенного своих ресурсов островного государства означало, как уже говорилось, медленную смерть или капитуляцию), а советские корабли, если бы они рискнули подойти к Японии с десантом, не зная районов минирования, должны были понести большие потери от мин. Кстати, аналогичная операция была проведена и у берегов Кореи. Так или иначе Сталин, отдавший было 23 августа 1945 г. приказ о подготовке к высадке десанта на остров Хоккайдо, через два дня передумал (*Волжогонов Д.А.* Триумф и трагедия. М., 1990. Т. 2. С. 410).

Фактически прогноз Макарура оправдался, и летом 1945 г. Япония, отрезанная от источников нефти и прочих природных ресурсов, стояла на краю гибели. 18 июля 1945 г. генерал Маршалл сообщает Трумэну, что окончательная победа над Японией обойдется США всего лишь в 46 тыс. чел. — по меркам Второй мировой войны цифра небольшая даже для США, по крайней мере, если учесть, что результатом этих потерь был бы окончательный разгром Японии. То, что высадка в Японии обойдется американцам в 500 тыс. и даже в 1 млн человек, выдумали позднее, чтобы оправдать применение атомной бомбы. Доклад же Маршалла с цифрой в 46 тысяч был рассекречен лишь в 1985 г.

8 августа 1945 г. СССР напал на Японию. Кстати, еще 24 июля американцы приняли решение во что бы то ни стало применить против Японии ядерное оружие до того, как СССР разгромит Квантунскую армию (*Игнатова М.* Все тайное становится явным. Почему Трумэн сбросил бомбу на Хиросиму// Ого-

нек. 1995. № 32. С. 76–77). 15 августа Япония заявила о своей капитуляции и прекратила сопротивление. Однако советское наступление в Маньчжурии продолжалось: Сталину нужно было отдать этот регион (производивший в то время до 60% всей промышленной продукции Китая) коммунистам, хотя это было прямым нарушением советско-китайского договора от 14 августа 1945 г., согласно которому все китайские территории, освобожденные Красной Армией от японцев, передавались только центральному правительству Китая.

Итак, советское наступление продолжалось, и к концу августа была занята вся Маньчжурия. Одновременно китайские коммунисты с 10 августа по 10 сентября заняли Вэйхайвэй, Чифу, Калган, Шанхайгуань, Циньхуандао, вышли на подступы к Пекину, Тяньцзиню, Цзинаню, Циндао и даже к Нанкину, а также ко множеству городов поменьше; достигли они и пригородов Шанхая (*Астафьев Г.В.* Интервенция США в Китае. М., 1985. С. 14).

Американцы решили ускорить занятие остальных районов Китая гоминьдановскими войсками. С помощью американских ВВС и ВМС войска Чан Кайши 3 сентября (на второй день после официальной капитуляции Японии) заняли Гуанчжоу, 6 сентября — Чанша, 11 сентября — Ухань, 18 сентября — Чжэнчжоу. В августе — октябре ВВС и ВМС США с целью ускорить этот процесс перебросили в восточные и северо-восточные районы Китая до 500 тыс. солдат. В конце сентября гоминьдановцы вошли в Шанхай и Нанкин. 30 сентября гоминьдановский десант высадился под Тяньцзинем и 10 октября вступил в Пекин; в тот же день гоминьдановцы вошли в Циндао. Еще ранее, 4 октября, гоминьдановцами был занят Чифу, взятый китайскими коммунистами 24 августа у японцев (Там же. С. 34–37).

28 августа войска союзников начали высадку в самой Японии, а 8 сентября — в Южной Корее. В конце

августа, как уже говорилось, был дан отпор попыткам Сталина занять японский остров Хоккайдо.

Одновременно 23 сентября 1945 г. армии союзников овладели Сайгоном, 12 октября — Пномпенем (оккупированы японцами в июле 1941 г.), а 29 сентября высадились в Индонезии (оккупирована японцами с начала 1942 г.).

Глава XXX

НУ И ВОЯКИ!

К началу 1945 г. победа США над Японией была близка и неизбежна. Американские военно-воздушные и военно-морские силы, игравшие, как уже говорилось, решающую роль в войне, превосходили японские по разным классам боевых кораблей в разы, а по авианосцам — на порядки (см. таблицу; сост. по: Всемирная история. Т. X. С. 497). Вопросом ближайшего времени стало занятие американцами Филиппин и завоевание полного господства в воздухе и на море, что лишало Японию нефти Индонезии и Сингапура и превращало всю ее оставшуюся боевую технику в груды металлолома.

	Япония	США	Британия	Союзники вместе	Соотношение
Линкоры	6	23	2	25	1 : 4,17
Авианосцы	4	94	4	98	1 : 24,5
Крейсеры	7	57	3	60	1 : 8,57
Эсминцы	22	350	Несколько	Более 350	1 : 16
Подводные лодки	44	217	-	217	1 : 4,93

Однако с точки зрения некоторых новейших концепций Второй мировой войны США к началу 1945 г. не только были далеки от победы, но и едва ли могли воевать с Японией на равных. Я не шучу — именно такой вывод следует из книги некоего А.Б. Мартиросяна «200 мифов о Великой Отечественной. Трагедия 1941» (М., 2008). Не станем анализировать лексику этого научного труда («гаденыши», «вбить осиновый кол» и т.д.) — в этом смысле нынешние сталиноиды недалеко ушли от Вышинского с его «гнусной помещью лисицы и свиньи» (это о Бухарине), будем говорить только о самой концепции.

Так вот, потеряв надежду опровергнуть тот факт, что СССР к лету 1941 г. имел от 22 до 25 тысяч танков, «опровергатели» «ледокола» пошли другим путем — они стараются доказать, что этого количества было якобы совершенно недостаточно не то что для нападения, но и ... для обороны своей территории.

Как это доказывается? Очень просто. Количество немецких танков делится на площадь Германии, советских — на площадь СССР, и получается, что если в Германии на 1000 км² приходилось 10 танков, то в СССР — только один. Примерно такие же подсчеты даются и для живой силы (*Мартиросян А.Б.* Указ. раб. С. 184–195). О, какое отставание! Какое уж тут нападение, дай бог свою территорию защитить!

Как известно, Г.К. Жуков написал о том, что СССР в 1941 г. не хватало 32 000 танков, в том числе 16 600 новейших (Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 205). Виктор Суворов сравнивает эту выкладку с сетованиями шахматиста, которому не хватило 24 фигур, в том числе трех ферзей (то есть 3000 новейших танков), против четырех фигур противника, среди которых не было ни одного ферзя и который желал бы, чтобы у него было 56 фигур, из них 20 ферзей (Беру свои слова обратно. С. 483).

На этом советские военные историки не остановились. В «Правде» за 19 июля 1991 г. начальник Ге-

нерального Штаба Вооруженных сил СССР генерал армии Моисеев говорит уже о нехватке 31 400 только новейших танков (и, надо думать, по той же пропорции, 60 530 танков всего). Напишите уж сразу, что не хватало 100 000 новейших танков (и, надо думать, 200 000 всех типов. — *Д.В.*), пишет В. Суворов, и вам тоже, как Жукову, коммунисты памятник слепят (Беру свои слова обратно. С. 485).

И вот г-н Мартиросян, похоже, внял совету Жукова. В самом деле, по германской пропорции для защиты своей территории СССР требовалось 224 000 танков. То есть примерно 200 000 и не хватало (очевидно, в том числе 100 000 новейших).

Проблема, однако, в том, что все эти строгие стандарты — нехватка ли танков, или то, что они все или почти все были «устаревшими» — применяют всегда только к нашей стране. А если их применить к той же Америке? Ну, с учетом специфики войны на Тихом океане, считать не танки и пехоту, а боевые корабли и авиацию. Тогда действительно получается, что до победы над Японией в начале 1945 г. США было ой как далеко!

В самом деле, территория США — 9363 тыс. км². Территория Японии — 372 тыс., т.е. примерно в 25 раз (даже «с хвостиком») меньше американской. Вот и посчитаем, сколько нужно было для защиты своей территории тем и другим. И получится, что в авианосном флоте США к 1945 г. были с Японией почти на равных, а вот по остальным классам кораблей и самолетов бедным американцам надо было увеличить свои силы еще в 1,5–6 раз, чтобы дойти до японских показателей!

Справедливости ради надо отметить, что некоторые американские историки (а вслед за ними и советские) писали (по крайней мере до того, как доклад генерала Маршалла Трумэну был рассекречен), что без атомной бомбы и вступления в войну с Японией СССР война на Тихом океане затянулась бы до 1946,

1947 и даже до 1948 г. И повторяем мы из поколения в поколение: ну, эти американцы и вояки! Хотя повторять следовало бы не об американских военных, а об этих историках: ну и вояки!

Но можно логику г-на Мартиросяна применить и к нашей стране начала 1945 г. Сколько там у СССР было танков к тому времени? Обратимся к таблице соотношения сил на советско-германском фронте на начало 1945 г. (сост. по: История Второй мировой войны. М., 1979. Т. 10. С. 37–38).

	Германия	СССР с союзниками (Польша, Чехословакия и др.)	Соотношение
Люди (млн)	3,7	7,55	1 : 2,04
Орудия и минометы (тыс.)	56,2	118	1 : 2,1
Танки (тыс.)	8,1	12,8	1 : 1,58
Самолеты (тыс.)	4,1	15,5	1 : 3,78

Непонятно в таком случае, как это Красная Армия стояла под Берлином, когда она должна была с трудом удерживать Москву (а может, и не удерживать, а катиться к Уралу)! В общем, логика та же, что высмеивал Суворов в «Последней республике»: Сталин дошел до Берлина, но дойти до Берлина не мог!

А почему к нашим историкам должен быть другой подход, чем к американским? Почему, когда очередной Мартиросян сообщает, что 24 000 танков против 4000 германских было недостаточно даже для обороны, мы восклицаем: ну, эти русские (а также украинцы, грузины, армяне, татары, узбеки и другие народы бывшего СССР) и вояки! Давайте адресуем упрек тому, кто его в самом деле заслуживает: ну, этот А.Б. Мартиросян и вояка!

КТО ПОТЕРЯЛ КИТАЙ?

Бацилла большевизма даст в Азии совсем другие плоды, чем те, на которые рассчитывает Сталин.

(И.А. Ильин, 1948)

Слушания с таким названием проходили в американском конгрессе в 1950–1951 гг. Американцы никак не могли смириться с тем, что страна, на которую столь многие в Америке возлагали надежды как на главный «бастион по сдерживанию коммунизма в Азии», так легко досталась коммунистам сама. Снова и снова искали американские народные избранники виновных в том, что это случилось.

Позднее, когда СССР рассорился с КНР, многие обвиняли Н.С. Хрущева в том, что он «потерял» Китай, чем сыграл на руку Соединенным Штатам.

Есть, однако, основания думать: ни СССР, ни США не «теряли» Китай по той простой причине, что никогда его не имели в качестве своей сферы влияния. Китай можно иметь союзником, но не вассалом. При этом, пока СССР был в силе и могуществе и боролся с Америкой за мировое лидерство, у США было значительно больше шансов заполучить Китай в союзники, чем у СССР. Кто бы ни был в Китае у власти.

В самом деле. Китай и Россия (равно как и находившиеся к северу от Китайской стены другие «евразийские» государства) — естественные геополитические противники. За 2000 лет истории Китая все (кроме японского в 1937–1945 гг.) нападения, реально угрожавшие независимости страны, совершались с севера. Равным образом и Китай в периоды своего могущества угрожал северным соседям, как угрожает им и сейчас.

А теперь посмотрим на поведение «большого друга СССР Мао Цзэдуна» в качестве лидера КПК. У нас есть ценное свидетельство — записки пред-

ставителя Москвы при ставке Мао в Яньани в 1942–1945 гг. П.П. Владимиров. Петр Парфенович, Вам слово.

Итак, уже вторая половина 1941 г. (что это было за время для нашей страны — напоминать, думаю, не надо) ознаменовалась ростом неприязни руководства КПК к нашей стране, к декабрю 1941 г. переросшей в откровенную враждебность (*Владимиров П.П. Особый район Китая. М., 1974. С. 28*). При этом, хотя еще в июле 1941 г. советское командование информировало Мао Цзэдуна о переброске дополнительных японских частей в состав Квантунской армии, руководство КПК ничего не сделало, чтобы отвлечь хотя бы часть японских сил. К лету 1942 г. коммунистические армии уже «продолжительное время» (сколько именно? — *Д.В.*) не вели боевых действий против японцев (Там же. С. 53, 57).

Одновременно велась так называемая «кампания по исправлению стиля» («чжэньфын»): от руководства КПК постепенно оттеснялись сторонники Москвы — «догматики, не учитывавшие китайской специфики». Возвращавшимся с учебы в СССР партийным работникам прямо советовали «забыть все, чему их учили в СССР» (Там же. С. 62, 68).

Правда, когда осенью 1942 г. Вермахт застрял под Сталинградом, то товарищ Мао «на всякий случай» написал статью с похвалами СССР, а после перехода Красной Армии в общее наступление и вообще стал «исключительно вежлив». И П.П. Владимиров уже в начале 1943 г. сделал совершенно правильный вывод: Мао рассматривает СССР не как союзника и друга, а как попутчика, которого можно использовать (Там же. С. 96, 117, 131). Этот вывод Владимиров на протяжении 1943–1945 гг. повторяет в своем дневнике еще несколько раз. Один раз — осенью 1943 г. — он даже позволяет себе написать, что «не видит большой разницы между руководством маоистской КПК и лидерами Гоминьдана» (Там же. С. 211).

По мере того как в войне в Европе наступал перелом в пользу СССР, Мао «перестраивался» и отказывался от откровенно антисоветских взглядов, однако именно в 1944–1945 гг. он завязал тесные контакты с американцами. Уже весной 1944 г. Мао рассчитывал на то, что США сделают ставку на КПК как на основную политическую силу в Китае. Причем на сближение с США и Британией Мао рассчитывал именно в целях создания противовеса СССР (Там же. С. 283–285). В целях сближения с союзниками Мао подумывал даже о том, чтобы переименовать КПК, убрав из названия слово «коммунистическая» (Там же. С. 315).

В то же время Чан Кайши в 1943 г. выпустил свою знаменитую книгу «Судьба Китая». Книга была настолько националистической, в ней содержались такие выпады против западных держав, что руководство Китая запретило своим гражданам пропагандировать книгу и переводить ее на иностранные языки, чтобы не портить отношений с союзниками (Там же. С. 281). После этого американцы поняли: национализм Чан Кайши вполне может выродиться в антиамериканизм (Там же. С. 528). Поняли они и другое: сферой влияния США Китай никогда не станет, он может стать только союзником. А если так, то не все ли равно, кто именно будет править Китаем. Что «китайский марксизм» Мао на практике означает антисоветизм, американцы осознали уже к 1945 г. А больше им ничего было не надо (Там же. С. 420).

Тогда, в 1944–1945 гг., союз Мао с Америкой «не выгорел»: консервативная часть американского истеблишмента (во главе с американским послом в Китае Хэрли) побоялась заключать союз с коммунистами. Но задел был сделан.

Главное же — был вбит клин между руководством КПК и руководством СССР. Думаю, что все же не зря П.П. Владимиров находился всю войну при Ставке Мао в Яньани в качестве представителя

Москвы. Конечно, Сталин знал о художествах Мао. Правда, в более поздние годы, когда по всему СССР пели «Русский с китайцем — братья навек», Владимир был, мягко говоря, не в чести. Но и в лагерь Иосиф Виссарионович его не посадил, а отправил консулом в Шанхай, а потом послом в Бирму. Может быть, предвидел, что его откровения о «великом друге Мао» еще пригодятся? Кстати, когда после победы КПК над Гоминьданом Мао приехал в декабре 1949 г. в Москву, то поначалу прием, оказанный ему, отнюдь не был таким уж теплым. Дошло до того, что при первой встрече Сталин назвал его не «товарищем», а «господином».

Потом, правда, все наладилось, скажете вы. Да, но трещина не могла не остаться. Впрочем, господин-товарищ Мао продолжал обдeldывать свои дела. Так, в 1949–1954 гг. КНР предъявляла настоятельные просьбы, чтобы не сказать настоятельные требования, о присоединении Монголии (*Эрнст Генри. Китай против Азии. М., 1979. С. 47*). Напомню, что даже гоминьдановский Китай таки признал независимость МНР в начале 1946 г. А вот коммунистический Китай упорно домогался «отторгнутой северной провинции».

В общем, есть серьезные основания думать, что США сознательно пренебрегли в конце 1940-х гг. Китаем, бросив все свои свободные финансовые ресурсы на восстановление Европы по плану Маршалла. Американские геополитики рассудили трезво: Китай от конфронтации с СССР все равно никуда не уйдет, не сегодня, так завтра, а вот Европу можем потерять безвозвратно. Поэтому Китай можно пока сдать Советам, пусть они с ним возятся, пусть растят его себе на будущую погибель.

Кстати, в «китайскую ловушку» попал и Сталин — просто потому, что он думал о «мировом коммунизме», а не о национальных интересах России. Иначе бы делал все от него зависящее, чтобы не допустить

объединения Китая — неважно, коммунистами или чанкайшистами. Оптимальным вариантом было бы «два Китая» — северный «красный» и южный «белый», взаимно друг друга уравнивающие.

Конечно, Сталин был не так глуп, чтобы спокойно смотреть на происходящее. В 1950–1953 гг. Сталин фактически заставил Китай принять участие в войне с Америкой в Корее, а сам, по сути, остался в стороне. К. Закорецкий доказывает, что в Корею американцев фактически заставил влезть Сталин, которому нужно было создать плацдарм для будущей войны с США. Американцы в 1945 г. вполне согласны были с тем, чтобы во всей Корее капитуляцию японцев приняли советские войска. Сталину же надо было создать плацдарм для развязывания войны, которая, по его мысли, должна была перерасти в Третью мировую (*Закорецкий К. День М-2* (электронная версия)). А может быть, Корея была нужна Сталину и для того, чтобы поссорить будущее коммунистическое руководство Китая с США, «повязав» его американской кровью? На какое-то время это Сталину удалось, но именно на какое-то время.

1954 год. Сталина уже нет, но русский с китайцем все еще «братья навек». И вот в этот момент в Пекине издается карта территориальных претензий Китая к соседям. В том числе и у «братьев навек» предполагалось отхватить, помимо Семиречья, Приамурья и Приморья, до 1860 г. входивших в состав империи Цин, еще и Алтай и Восточный Казахстан (*Эрнст Генри. Китай против Азии*).

Одним словом, были серьезные основания думать, что «великая дружба» не была прочнее, чем такая же «великая дружба» десятью годами ранее — с Гитлером, хотя в силу сложившихся исторических обстоятельств она продлилась гораздо дольше, не два, а целых 12 лет. А что было бы, если бы советско-китайское сотрудничество 1949–1961 гг. продолжалось еще дольше?

Поставим себя на место советских лидеров середины 1950-х гг. и попробуем проанализировать ссору Хрущева с Китаем с этой точки зрения. Едва ли члены бывшего сталинского Политбюро не понимали истинного отношения Мао к России (неважно, советской или другой). При этом на протяжении почти всех 1950-х гг. они видели, что Китай усиливается. Необходимо было что-то, что затормозило бы его развитие.

В этой ситуации громкое, со скандалом развенчание «культы личности Сталина» на XX в. и особенно на XXII съездах КПСС подействовало на товарища Мао, который уже склонялся к собственному культу, как красная тряпка на быка. СССР обвинили в «ревизионизме», сочувствовавших Москве китайских товарищей — тоже, и начались всевозможные «большие скачки» и «культурные революции». Двадцать лет Китай трясло и корежило, и лишь после смерти Мао Цзэдуна новое руководство начало рыночные реформы — в разоренной стране, в которой многое приходилось начинать буквально с нуля. И если, начав со столь плачевных исходных рубежей, за тридцать лет этих реформ Китай добился таких потрясающих результатов, то можно представить, чего бы он добился, начни китайцы реформы по Дэн Сяопину не в конце 1970-х, а в конце 1950-х гг., да еще в неразоренной стране?

В 1970-х гг. Китай перестал лавировать между противоборствующими сверхдержавами и повернулся лицом к США. Доходило до того, что одно время его называли «шестнадцатым членом НАТО». Но не будь двадцати лет «культурной революции», уже во время президентства в США Дж. Картера (1977–1981 гг., кстати, пик американско-китайского стратегического партнерства) Китай был бы по мощи таким, как сейчас. Ну а каким бы был Китай тогда к моменту поражения СССР в «холодной войне» (1990 г.), а тем более сейчас (в 2008 г.), пусть читатель представит сам.

И как бы это отразилось на геополитических претензиях КНР к СССР и к нынешней России (и некоторым другим странам СНГ) — пусть читатель представит сам тоже.

А теперь поставим такой вопрос: как повел бы себя единый «красный» Китай, начни СССР где-нибудь в первой половине 1950-х гг. большую войну с Западом в Европе и на Ближнем Востоке, захвати Западную Европу и втянись в затяжную войну с США? Каковы бы стали тогда отношения между «братьями навек» — пусть не сразу, но лет через пять после оккупации Европы?

Так что же, у СССР не было никаких шансов превратить Китай в свою сферу влияния? Думается, были — до 1941 г. Все коммунистические партии создавались с 1919 г. Коминтерном именно как орудия по превращению своих стран в «советские республики». Китайская, созданная в 1921 г., исключением не стала. Китай, только что (во второй половине 1920-х гг.) объединившийся после полутора десятилетий междоусобных войн между милитаристскими правителями разных провинций и едва начавший превращаться (после свержения в 1912 г. средневекового маньчжурского ига) в современное государство, был отличной мишенью для коммунистов. Вот и в Синьцзяне плацдарм тогда начали создавать...

В 1937 г., когда «дальневосточный японский ледокол» начал агрессию против Китая, КПК вошла по указаниям Коминтерна в Единый антияпонский фронт. Но уже в конце 1938–1939 гг. произошла серия столкновений между войсками КПК и Гоминьдана (*Ефимов Г.В. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1949. С. 372*), а осенью 1939 г. установки были даны другие: проводить операции против Японии, но постепенно расходиться с Гоминьданом. Тогда один из руководителей КПК Чжоу Эньлай приезжал в Москву. П.П. Владимиров говорит о том, что там обсу-

дались проблемы «революции в Китае, которую делает советское оружие» (*Владимиров П.П. Особый район Китая. С. 451*).

В 1940–1941 гг., одновременно с широкомасштабным наступлением против японцев («битва ста полков») КПК снова начала конфликтовать с Гоминьданом. «Битва ста полков» окончилась без особого результата из-за этого конфликта, а в январе 1941 г. гоминьдановцы в ответ на обострение отношений разгромили 4-ю коммунистическую армию.

Советский автор сталинской эпохи, естественно, винит в этих конфликтах Гоминьдан (*Ефимов Г.В. Очерки... С. 375–379*), однако вспомним: даже и в 1942–1943 гг., когда по понятным причинам КПК не могла рассчитывать на поддержку СССР, она постоянно провоцировала Гоминьдан на конфликты (*Владимиров П.П. Особый район Китая. С. 94–95, 163 и др.*), то что же говорить о времени, когда СССР с Германией еще не воевал? Расчет простой: СССР разгромит Германию в ходе операции «Гроза» и начнет войну против Японии. Тут время и коммунистам выступать против Гоминьдана. И захватывать не занятую японцами часть Китая.

Однако во второй половине 1941 г. СССР на несколько лет стало не до Китая. Воспользовавшись этим, Мао провел чистку руководства КПК. Те руководящие товарищи, которые были «сперва коммунистами, а потом уже китайцами», уступили место другим — тем, которые были «сперва китайцами, а потом уже коммунистами». Кстати, «битва ста полков» на VII съезде КПК (23 апреля — 11 июня 1945 г.) тоже была признана ошибкой (Там же. С. 453).

Много еще воды должно было утечь, прежде чем в 1971 г. Китай окончательно перешел на сторону США в «холодной войне». Но все эти тридцать лет, с 1941-го по 1971-й, руководство КПК вело себя как самостоятельная сила.

Вот поэтому летом 1941 г. Сталин потерял Китай.

ПОЧЕМУ СОЮЗНИКИ НЕ ВЗЯЛИ БЕРЛИН

На тебе, Боже, что нам негоже.

(поговорка)

А в самом деле — почему?

Начнем с того, что им ничего не стоило открыть второй фронт на полгода раньше. Тогда Берлин (вместе со всей территорией будущей ГДР) почти наверняка достался бы союзникам. Но и после открытия второго фронта шансы занять Берлин первыми остались.

Например, еще весной 1944 г. командованием союзников был разработан план (операция «Эклипс») по высадке в Берлине трех воздушно-десантных дивизий союзников в случае «внезапного военного краха Германии» (может быть, имелось в виду — при удаче заговора 20 июля? — *Д.В.*). Но и после провала заговора далеко не все было потеряно. Однако создается впечатление, что союзники в Берлин не очень-то рвались.

Вернемся хотя бы к той самой просьбе Рузвельта и Черчилля к Сталину после известных событий декабря 1944 г. в Арденнах. О том, что она была излишней, поскольку союзники уже остановили наступление к 25 декабря 1944 г. в Арденнах и к 5 января 1945 г. в Эльзасе (а в Арденнах 3 января перешли в наступление сами), уже говорилось. Зато в ответ на эту просьбу Сталин начал Висло-Одерскую операцию 12 января вместо 20-го, на неделю с лишним раньше.

Одним из результатов столь ускоренного советского наступления (по темпам превышавшего германское наступление в России летом 1941 г.) стало то, что немцы не успели в ряде случаев даже занять мощные укрепления между Вислой и Одером, штурм которых наверняка стоил бы Красной Армии массу времени и крови (*Яковлев Н.Н.* Маршал Жуков.

С. 81). А в итоге, если к 12 января 1945 г. советские и союзные войска находились примерно на одинаковом расстоянии от Берлина (500 км), то через три недели войска союзников существенно не продвинулись, Красная же Армия оказалась от Берлина всего в 70 км.

Но вот Красная Армия на Одере. И что же? Теперь Сталин на встрече «Большой тройки» в Ялте говорит, что надо бы ускорить наступление союзников на Западе, что желательно начать его в первой половине февраля. Однако союзники затягивают это наступление почти на месяц, и лишь 6–8 марта они форсируют Рейн и начинают продвижение в глубь Германии. Не торопятся, хотя вроде и все понимают: в директиве Объединенного Комитета начальников штабов США и Британии от 24 января 1945 г. говорится, что «в случае дальнейшего быстрого продвижения (советских войск. — *Д.В.*) на Запад может возникнуть обстановка, в высшей степени нежелательная для правительств США и Англии» (Там же. С. 85).

Весной 1945 г. союзники снова реанимировали идею захвата Берлина с воздуха, но только теперь операция должна была начаться при условии, что сухопутные армии союзников подойдут на «разумное» расстояние к Берлину. Причем реальные возможности достигнуть города первыми в середине апреля 1945 г. у союзников были. Кстати, и Берлинскую операцию советские войска из этих же соображений — не пустить в германскую столицу союзников — начали на 5–6 дней раньше намеченного срока (Там же. С. 86–87).

Что же произошло? 13 апреля американцы переправились на восточный берег Эльбы, но тут их авангарды были остановлены и отброшены немецкими курсантами военных училищ, находившимися неподалеку. Американцы потеряли всего 4 человека убитыми и 12 ранеными, однако эта ничтожная стычка заставила командование союзников задуматься:

штурм Берлина сулил большие потери — до 100 тыс. чел. Так объясняет отказ союзников от дальнейшего наступления Н.Н. Яковлев (Там же. С. 87–88). Но думается, что если бы Берлин был так уж нужен союзникам, они бы смирились с этими потерями. Однако создается впечатление, что Восточная Германия была им не очень-то нужна.

В самом деле, посмотрим, что получилось после раздела Германии на ГДР и ФРГ. На территории ГДР оказалось в основном историческое ядро прусской монархии, объединение Германии под главенством которой в 1870 г. превратило страну в одну из самых агрессивных и милитаристских в мире. Освобожденная от этого груза, бюргерски-промышленная ФРГ превратилась, наоборот, в одно из самых миролюбивых государств. А за сорок лет коммунистического господства Восточная Германия настолько отстала от Западной, что, когда пришло время воссоединения Германии в 1990 г., Запад экономически и политически полностью подмял Восток под себя, и прусский милитаризм уже не возродился.

Мое мнение: Рузвельт уже в 1945 г. предвидел, что все произойдет именно так. Очень уж фантастично? Может быть. Но уж больно все совпадает!

Так или иначе, Вторая мировая война, начатая Сталиным с целью столкнуть «империалистов» лбами и потом уничтожить их всех, завершилась по сценарию Рузвельта, сумевшего развернуть «ледокол» против его создателя. В результате американцы реализовали свою геополитическую доктрину, заняв прибрежные, наиболее развитые и густо заселенные районы Европы и Азии («Римленд»); СССР же и занятые им страны Восточной Европы и Северный Китай («Хартленд») оказались в окружении. С этого момента поражение СССР в начинавшейся «холодной войне» стало только вопросом времени.

ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЕ ТАНКИ НЕ ПЕРЕШЛИ ЗЛЪБУ

Очевидно, что подчинение Россией Западной Европы делается с каждым днем все менее возможным и что на длительный срок такое подчинение просто невозможно.

(К. Маркс, 1850)

Итак, май 1945 года. Война в Европе закончилась, и в результате ее Сталину досталась лишь меньшая и худшая половина Европы. Война на Дальнем Востоке еще продолжается, но уже очевидно, что СССР может рассчитывать лишь на Корею (как потом оказалось, и то не на всю) и север Китая.

Вторая мировая война проиграна. Но в распоряжении Сталина — огромная военная машина: танковые армады невиданного количества и качества, отличная артиллерия, мощная авиация, 11,4 миллиона закаленных в боях солдат. Почему бы не попытаться начать и выиграть Третью мировую войну — проще говоря, не сбросить армии западных союзников в океан и не захватить всю Европу (а также Ближний и Дальний Восток)? Именно это советовал Сталину Жуков («наступить от Бреста и до Бреста»).

Многие наши люди — от ярых сталинистов до не менее ярых антисталинистов — убеждены, что Сталин сделал роковую ошибку, отвергнув предложение Жукова.

Давайте разберемся. Чтобы избежать обвинения в предвзятости, будем исходить из наиболее благоприятного для Сталина сценария: США не применили в войне атомное оружие, а Красная Армия сохранила верность режиму и воевала против союзников так же, как раньше против немцев (вспомним, о чем писалось в восьмой главе).

Прежде всего, война с США и Британией для Сталина должна была по определению превратиться в затяжную. В самом деле, дошли до Ла-Манша, а дальше? На море господствовал флот союзников, и победить его у Сталина не было никаких шансов: где-где, а на море русские против англосаксов не вояки. Японский флот 1941 г. был намного сильнее советского в 1945-м, и войну он начал внезапным ударом по Пёрл-Харбору, Филиппинам и Сингапуру. Тем не менее к концу 1944 г. от японского флота остались «рожки да ножки» (а к лету 1945-го — ни рожек, ни ножек: последний крупный корабль — линкор «Ямато» — был потоплен американцами 7 апреля 1945 г.). Советский флот о внезапности нападения на морские силы англо-американцев думать не мог: как только станет известно, что советские танки пошли в наступление в Европе, флоты союзников будут готовы к отпору.

Правда, советские плавающие танки, судя по испытаниям еще 1935 г., технически могли форсировать Ла-Манш (*Суворов В.* Самоубийство. С. 189–193), но все же, думается, не под огнем тяжелых корабельных орудий союзников. Значит, Англия неуязвима, Америка тем более. Тогда что же — затяжная война? Похоже, что так.

Сторонники того, что надо было нанести удар союзникам в 1945 г., завороченные огромным превосходством советских сухопутных сил, забывают слова самого Сталина о том, что «агрессивные нации бывают подготовлены к началу войны лучше, чем нации миролюбивые», как и о том, что такое преимущество является временным фактором, тогда как превосходство экономическое — фактором постоянным (*Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 166–167). А превосходство американского экономического потенциала над советским было огромным — раз в десять (подробнее об этом речь пойдет в конце книги).

Они забывают, что стороны находились, мягко говоря, в разных стартовых условиях: до 1940–1941 гг. Америка к войне практически не готовилась, тогда как СССР в 1920–1930-х гг. почти ничем другим и не занимался. Достаточно сказать, что танковые войска как самостоятельный род войск были учреждены в США 10 июля 1940 г. — уже после того, как Вермахт сокрушил Западную Европу; к июню 1941 г. весь танковый парк США состоял из 400 машин безнадежно устаревших конструкций (British and American Tanks of World War II. N.Y., 1969. P. 11; цит. по: Суворов В. Самоубийство. С. 183).

Вот наглядный пример: весной 1941 г. на германских танковых заводах почти одновременно побывали советская и американская делегации танковых экспертов. Тем и другим было показано все, что на тот момент имелось в Германии. И вот реакция. «Американцы были шокированы германскими достижениями. Но вот появляется делегация советская (во главе с самим наркомом тяжелого машиностроения И.Т. Тевосяном, кстати). Наши инженеры безучастно скользнули глазами по боевым машинам и потребовали допотопную технику убрать, а вместо нее показать то, что обещали, — современные танки. Немцы уверяли, что показывают лучшее, что у них есть. Советские инженеры отказывались этому верить» (Самоубийство. С. 220–221). Кстати, в Германии, стране, принципиально к затяжной войне не готовой, сумели в ходе войны изрядно сократить военно-техническое отставание от СССР. В 1942–1943 гг. у немцев появились тяжелые танки. А что говорить о США, стране с неисчерпаемыми экономическими возможностями, прекрасно подготовленной именно к войне затяжной?

К 1945 г. США по-прежнему сильно отставали от СССР в количестве и качестве танков, но по сравнению с 1940–1941 гг. отставание сократилось на порядок. Уже в 1943–1944 гг. у США имелись не только

вполне приличные средние танки М-4 и М-7 весом в 25 и 32 тонны, с лобовой броней 85 мм, двигателями в 500 л. с. и орудиями в 75, а на некоторых и в 105 мм, но и тяжелые танки М1А и М1Б соответственно весом в 57 и 50 тонн, со 100-мм и 200-мм лобовой броней (у нашего КВ – 100-мм), с двигателем в 1000 л.с., на которых стояли по одной 75-мм и по две 37-мм пушки (БСЭ. 1-е изд. Т. 51. С. 771–772).

Если экстраполировать соотношение сил в будущее, то с учетом постоянно действующего фактора соотношения экономических потенциалов очень даже можно себе представить, что году к 1950-му США могли, поднатужившись, превзойти СССР и в этом. Тем более что все лучшие советские танки имели американского прародителя — американский танк Вальтера Кристи; образец этого танка был продан СССР еще в конце 1930 г. (*Шмелев И.П.* Танки БТ. С. 7; *Mealson A.* Russian BT Series. Windsor, 1971; *Zaloga S.* Soviet Tanks and Combat Vehicles of World War Two. P. 67; цит. по: Ледокол. С. 27–28; Последняя республика. С. 157–158). Американское государство, в тот момент не собиравшееся ни с кем воевать, не востребовало гений Кристи и его учеников, но ведь жизнь могла и заставить... Да и вообще, кто создавал в 1920–1930-х гг. огромную военную мощь Советского Союза? В основном те же американские инженеры по американским технологиям (см.: *Харрисон М.* Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке// Россия в XX веке. Историки мира спорят. С. 492–501; *Sutton A.* National Suicide: A Military Aid to the Soviet Union и многих других авторов).

При этом не надо забывать: Вторая мировая война для США была не столько сухопутной, сколько морской и воздушной, поэтому танкостроению уделялось второстепенное внимание. Что же касается флота и авиации, то тут с Америкой никто равняться не мог. Американский флот, и до 1941 г. деливший первое место с британским, в 1945 г. не имел себе

равных (да и британский существенно вырос за эти годы).

Германия, на которую работала вся Европа, построила за 1941–1944 гг. 98 000 самолетов при полном напряжении сил; СССР за время с 1 июля 1941 г. по 30 июня 1945 г., получая огромную помощь из США, построил 140 000 самолетов — также при полном напряжении сил (Всемирная история. М., 1965. Т. 10. С. 427); США, ни от кого не получая помощи и сами всем помогая по ленд-лизу, только за 1943–1944 годы построили 182 300 самолетов, причем без особого напряжения (Там же. С. 433) (по другим данным, еще больше — 60 000 самолетов за 1942 г., 125 000 самолетов за один 1943 год (*Уткин А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 224).

И качество самолетов было соответственным. Уже в 1943–1944 гг. строились самолеты с потолком в 10,5–11,5 км (бомбардировщики «летающая крепость», Б-17 С и «Мартин Б-26», истребитель «Аэрокобра»), и даже 14 км («Thunderbolt»), с дальностью полета в 4820 км («Летающая крепость»), в 5100 км (тяжелые бомбардировщики «Маринер»), наконец, в 6400 км (тяжелые бомбардировщики «Коронадо») (БСЭ. 1-е изд. Т. 51. С. 777–778). Подобный потолок делали американские бомбардировщики практически недостижимыми для противника — для истребителей (10 км), а «Thunderbolt» — и для зениток (12 км) (День-М. С. 26). А что касается дальности, то прикиньте сами по карте. И помните, что это только 1943–1944 годы, далеко не предел американских возможностей (о возможностях подробнее поговорим чуть ниже). СССР в 1944–1945 гг., кстати, занимался тем, что собирал поврежденные Б-29 на территориях, контролировавшихся ранее Германией и Японией и соответственно подвергавшихся американским авиационным ударам, а в ходе войны занятых советскими войсками; эти самолеты использовались для строительства собственных стратегических бомбар-

дивовщигов (Соколов Б. Победа, что была пострашнее многих поражений).

Немцы, кроме Ковентри, не смогли за год бомбардировок Англии разрушить как следует ни одного города; это и неудивительно, если учесть, что за два года (1940–1941) они сбросили на Англию только 58 000 тонн бомб; американцы же за три года (начиная с весны 1942-го) сбросили на Германию 2 650 000 тонн бомб (*Brekhill P. The Dam Busters. L., 1951. P. 47, 117, 166, 249; Goralski P. World War II Almanac. P. 438; цит. по: Последняя республика. С. 153; Самоубийство. С. 250; подсчеты мои. — Д.В.*). Разница — в 45 раз, почти на два порядка! Американцы начиная с 1942 г. уничтожали немецкие и японские города за считанные дни (Кельн, 1942, Гамбург, 1943) или даже часы (Дрезден, февраль 1945, ряд японских городов, март 1945; Токио пострадал от налета 10 марта 1945 г. сильнее, чем от землетрясения 1923 г.).

Что касается превосходства советского военного искусства (а оно действительно было!), то оно всегда преходяще. Все завоеватели поначалу превосходили противников умением воевать — и Александр Македонский, и Аттила, и Чингис-хан, и Наполеон, и многие другие рангом поменьше. Только никогда такое превосходство не было продолжительным — жертвы быстро учились воевать, и вскоре война шла на равных. Нет оснований думать, что на сей раз было бы иначе.

Впрочем, кое в чем превосходство было у американцев уже и тогда.

В системе противовоздушной обороны, оснащенной новейшими электронными средствами, радарами и так далее, американцы и англичане уже в 1940 г. резко превосходили как Германию, так и СССР, как и в системе команд, контроля, управления и связи. Причиной этого стало то, что Сталин объявил кибернетику «чуждой марксизму буржуазной лженаукой»; кстати, Гитлер почти тогда же назвал кибер-

нетику «чуждой национал-социализму еврейской лженаукой». Результатом стало поражение Люфтваффе в «Битве за Англию» в 1940–1941 гг. (*Бунич И. Гроза*. С. 144) и пожизненное отставание СССР от США и их союзников в самой важной сфере современной войны. Кстати, в ходе Великой Отечественной войны СССР получил из Британии 1803 радиолокационные станции — своих у нас не было (*Залесский С. Лендлиз дорогого стоит*).

Впрочем, сталинская нелюбовь к связи в значительной мере была вынуждена самой природой тоталитаризма. Радио — устройство, по идее, антисоветское. Можно слушать «вражьи голоса», можно бесконтрольно переговариваться друг с другом, можно и врагам шпионские сведения передавать. Проводная связь с полевыми телефонами как-то надежнее. Примерно то же самое делалось и в тылу — радиоточки вместо радиоприемников. Гитлер, кстати, в этом отношении завидовал Сталину и собирался после войны провести всеобщую радиофикацию Германии.

Только в ходе войны нужда заставила Сталина ставить рацию сначала на самолеты, потом на танки. Это, кстати, удалось только с мощной помощью США. А гражданские радиоприемники СССР начал производить только после смерти Вождя народов.

Вот и еще одна причина неудач 1941 г. и связанного с ними проигрыша всей борьбы за мировое господство. Что толку в превосходных танках Т-34 и КВ, если из-за отсутствия связи им не подвезли горючее и снаряды? Такую армию В. Лебедев сравнивает с доисторическим ящером: гора мускулов, полуметровые когти, чудовищные клыки... и полкилограмма маленького, плохо организованного мозга (*Лебедев В. Марш Суворова и Бунича на книжный рынок // Вестник*. 1998. № 5–6). Но такое состояние было вынужденным — по самой природе тоталитаризма.

В таком же загоне была при Сталине и организация связи; военно-транспортная служба (хотя и по другим

причинам) и в конце 1940 г. почти на 80% работала за счет гужевого транспорта. Еще хуже была организована служба тыла. Медицинская служба тоже оставляла желать лучшего (Там же. С. 334–336). В годы Великой Отечественной войны все это удалось более или менее наладить только благодаря поставкам союзников, среди которых было помимо уже упоминавшихся почти полумиллиона автомобилей и, помимо всего прочего, 423 107 полевых телефонов, сотни тысяч радиостанций и многое другое (цит. по: Последняя республика. С. 147–148). По некоторым сведениям, связью союзники обеспечивали СССР почти на 100% (Соколов Б. Победа...).

Тут уместна аналогия между Сталиным и Наполеоном. Тот тоже отверг идею парового флота, отверг применение конгревовых ракет и т.д. Так что дело тут не в том, что Рузвельт был умнее Сталина — совсем не факт, что дело обстояло именно так. Но сам принцип концентрации всей власти и всех решений в одних руках представляется порочным в индустриальную, а тем более в постиндустриальную эпоху. Не может один человек, даже если это такая личность, как Сталин, все знать и во всем разбираться! А держать около себя умных советников по тем или иным вопросам тоже нельзя. Демократический лидер может себе позволить держать советников умнее себя, поскольку президентом все равно выберут его, так как публичный политик, умеющий понравиться избирателю, — это одно, а «шибко умный» советник — это совсем другое, он избирателям не понравится. А вот самодержец в принципе иметь советников умнее себя не может себе позволить: это удар по «сакральному» характеру его власти.

Кстати, о «сакральном» характере власти. Александр Дугин сокрушается, что в Германии (нацистской) и России (советской) геополитики не нашли признания, в отличие от США и Англии, и справедливо видит в этом не последнюю причину истори-

ческого поражения Германии и России (Основы геополитики. М., 2001). Но почему так произошло? Да именно потому, что в недемократических государствах власть носит столь любезный сердцу г-на Дутина «сакральный» характер. Не человек красит место, а ровно наоборот. Отсюда точка зрения: раз назначили на должность, значит, и ума автоматически должно прибавиться. А раз так, то нечего всяких там геополитиков со стороны слушать. Им вполне можно ответить: «Сами все знаем» или «У нас есть кому этим заниматься». А то и грубее: «Не твоего ума дело» или «Знай свое место!» И нечего после этого удивляться результатам.

Нечего удивляться результатам «самодержавно-«сакральной» власти и в других областях. Да, задача вождя не в том, чтобы всем руководить самому, а в том, чтобы подобрать руководителей высшей пробы на все посты. Но может ли это в принципе удалиться одному человеку, даже такой личности, как Сталин? Сталину это удалось в плане подбора полководцев, более или менее — в подборе руководителей военной промышленности. Хотя и тут бывали проколы. Так, например, начальник Главного Артиллерийского управления Маршал Советского Союза Г.И. Кулик в 1940 г. приказал наркомун вооружений Б.Л. Ванникову ставить на танки 107-мм пушку вместо 76-мм. Кулика поддержал А.А. Жданов. Поставить пушку почти в полтора раза большего калибра на тот же танк было в принципе невозможно, однако Сталин поддержал Жданова и Кулика. В результате Ванников был арестован и чудом не репрессирован (*Некрич А.М.* С. 112–113).

А вот в смысле подбора руководителей экономики в целом это ему удавалось далеко не всегда. В области управления наукой не удавалось совсем — самые перспективные отрасли были им разгромлены.

Да и создание вокруг единоличного диктатора атмосферы культа личности не может пройти бес-

следно. К чести Сталина надо сказать, что он гораздо меньше, чем Гитлер, поддавался фимиаму, который курили в его честь (об этом см.: *Суворов В.* Самоубийство. С. 75–78, 82–89, 101–103), но все-таки не поддаться совсем не мог.

Но вернемся к вопросу о соотношении сил. У Сталина, правда, было численное превосходство над армиями союзников в Европе — 6 млн против 4,6 млн, но и только в Европе. Сухопутные вооруженные силы США, Британии и колоний и доминионов последней к 1945 г. насчитывали 22,65 млн чел. (подсчеты мои по: *Всемирная история.* Т. 10. С. 433–444, 524, 566 — *Д.В.*) — существенно больше, чем у СССР (11,4 млн), причем степень истощенности людских ресурсов у союзников была, несомненно, намного ниже, чем у СССР.

Вот выдержка из дневника Геббельса от 3 марта 1945 г. Запись не для пропаганды и не для публикации, и в целом Геббельс очень и очень высоко оценивает военную мощь СССР (об этом мы уже говорили, см.: *Суворов В.* Очищение. С. 3–20). Но вот запись о людских ресурсах Советов от 3 марта 1945 г.: «Их войска чрезвычайно хорошо вооружены, но они все больше и больше страдают от недостатка людей. Их атакующая пехота состоит большей частью из восточных рабочих и поляков, задержанных в наших восточных районах». И возразить тут нечего. Народ у нас беречь не умели и не желали. Сгубила война мужиков (Последняя республика. С. 331).

Генерал армии М.А. Моисеев признал («Правда», 19 июля 1991 г.), что за годы Великой Отечественной войны в Красную Армию было мобилизовано 29,4 миллиона солдат, не считая тех, которые там уже были (цит. по: *День-М.* С. 153) — то есть всего не меньше 35 миллионов. Из них осталось к 1945 г. 11–12 миллионов. Думаю, не будет большим преувеличением сказать, что в новой войне, если бы она началась, Сталин мог рассчитывать только на очередные

призывные контингенты, достигающие 19 лет. А с учетом того, что должны были появиться противники еще и в Азии (об этом речь в следующей главе), СССР должен был скоро начать уступать своим противникам в численности.

Что же касается соотношения экономических потенциалов, то в общем, если принять военное производство Британии в 1941–1944 гг. за единицу, германское военное производство будет равно 0,9, советское — 1,4, а американское — 4,3 (*Харрисон М.* Советское военное производство 1941–1945 гг. С. 493). По другим данным, американское военное производство составляло две трети общего военного производства союзников, советское — одну пятую, а британское — одну седьмую (*Поздеева Л.В.* Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 329). При этом не надо забывать, что степень мобилизованности американской экономики была существенно ниже, чем британской, не говоря уже о германской и советской: США отнюдь не перестроили всю свою экономику на военный лад: производство потребительских товаров за годы войны выросло на 83%, при этом в 1944 г., в момент наивысшего роста военного производства, в стране оставалось 700 000 безработных (*Всемирная история.* Т. 10. С. 434). Вот вывод Генриха Манна: Америка вела войну шутя. Если бы она напрягла свои силы, мир бы содрогнулся.

Далее, едва ли СССР смог бы мобилизовать практически все трудоспособное население либо в армию, либо в военную промышленность, если бы не получал от союзников огромных поставок продовольствия, способного кормить всю армию и полстраны, сырья, разнообразной техники (а тыловую и медицинскую службы связь, удалось организовать по-современному только благодаря американским поставкам; подробнее о размерах поставок союзни-

ков уже говорилось, о 7–8 миллионах дополнительно мобилизованных благодаря им — тоже).

Практически все известные факты позволяют сделать вывод, что советская экономика, как и германская, была рассчитана на блицкриг, а не на затяжную войну. Мало кто задается вопросом: а почему, обладая столь мощной военной машиной, Сталин затеял столь сложную комбинацию с «ледоколом» вместо того, чтобы просто завоевать всю Европу? Да именно потому, что боялся затяжной войны со всем миром!

Но и это еще не все. Оккупация Западной Европы советскими войсками и начало «социалистических преобразований» неизбежно вызвали бы сопротивление в Европе. Вспомним, что бандеровцы и «лесные братья» на присоединенных в 1939–1940 гг. территориях, отрезанные от всего мира, сопротивлялись полтора десятилетия! То же самое было бы — в неизмеримо больших масштабах — по всей Европе, только помощь бы европейскому сопротивлению союзники в условиях войны, конечно, оказывали.

Многие из моих оппонентов почему-то уверены, что в Европе Красную Армию встретили бы с цветами как освободительницу теперь уже не от Гитлера, а от «англо-американских империалистов». С теми, кто придерживается подобных взглядов, вроде бы вообще не о чем дискутировать, но приходится. Слово опять же личному шоферу маршала Жукова А.Н. Бучину. Действие происходит в Польше в конце января 1945 г., во время Висло-Одерской операции: «Приняв за чистую монету разговоры чуть ли не о любви местного населения к нам, мы на первых порах торопились улыбаться, протягивать руки и прочее. Прием обычно был холодноватый. Как-то с приятелем мы проезжали на «Виллисе» через Гнезно и услышали громкую музыку, доносившуюся из большого дома. Остановились, вошли. В зале отплясывала польская молодежь. Но потанцевать нам не удалось, барышни

жались, глядели на нас, как на зверей» (170 000 километров с Г.К. Жуковым. С. 126).

Ну, допустим, что у поляков не было особых оснований любить СССР после 1920 и особенно 1939 года (да и более ранняя история тоже особой теплотой отношений не отличалась). Но ведь в Польшу мы пришли все же как освободители от Гитлера, а в Западную Европу должны были прийти как захватчики.

И наконец, союзники, господствуя на морях и океанах, могли угрожать десантом в любой точке побережья СССР и занятых им территорий. Сколько миллионов солдат пришлось бы держать для их охраны? Напомню, что во время Крымской войны, когда мобильность флота и его возможности по высадке армейских десантов были несопоставимо ниже, чем в 1940–1950-х гг., Россия вынуждена была держать на побережье Балтийского моря 270 000 солдат для защиты от английской эскадры с 12-тысячным десантом на борту.

Глава XXXIV

БЫЛ ЛИ У СТАЛИНА ПРОТИВНИК НА КОНТИНЕНТЕ

Европа — это всего лишь большой полуостров Азиатского материка.

(И.А. Ильин, 1950)

Возразят: ни Наполеон, ни Гитлер не смогли выиграть войну и, в частности, захватить Британские острова, потому что у них был противник на континенте. У Солженицына («В круге первом») Сталин так и рассуждает: Наполеон и Гитлер не могли победить Англию, поскольку имели противника на континенте. А у него — не будет!

Начнем с того, что Наполеон не имел противников на континенте, по крайней мере, в течение трех лет — с 1809-го по 1812-й, однако в деле завоева-

ния Британии за эти годы он что-то не очень продвинулся. Но мы сейчас не о Наполеоне, мы о Сталине. Так был у Сталина противник на континенте или нет? Разберемся.

Представим себе, что Сталин оккупировал Европу. Поставим себя на место Трумэна: где искать континентального союзника? Логика предшествовавшей политики Рузвельта, рассчитывавшего на Китай как на противовес не только Японии в настоящем, но и СССР в будущем (*Уткина А.И.* Дипломатия Франклина Рузвельта. С. 327, 339, 528–530 и т.д.), толкала именно в Китай. В условиях действия плана Маршалла, когда американская помощь уходила в Европу, Китаем пренебрегли, и его захватили коммунисты. Впрочем, мы уже говорили, что есть серьезные основания думать: геополитическая картина мира от этого мало изменилась, и Сталин все равно Китай потерял. А если бы Европе в силу захвата ее Сталиным помогать не пришлось?

Напомню, что в конце 1944 г. с разгромом японского флота и освобождением Филиппин (и с освобождением Бирмы), американцы получили возможность доступа в Китай, так сказать, с «парадного входа» (до этого помощь приходилось доставлять самолетами через Тибет, где на доставку тонны груза, как уже говорилось, требовалось истратить три тонны горючего (*Яковлев Н.Н.* 3 сентября 1945 г. С. 623)). Теперь переоснащение китайской армии новейшей американской техникой стало вопросом времени, притом ближайшего.

Далее, вторжение «северных варваров» неминуемо сплотило бы китайский народ. В этих условиях коммунистам пришлось бы выбирать одно из двух. Либо примкнуть к общенародной борьбе — это было им тем легче, что Мао уже тогда, как мы видели, мягко говоря, не очень любил СССР. Либо оставалось превратиться в некий аналог «власовцев», обреченных на неприятие своей страной. И с учетом того, что выше

было сказано о Китае, первый вариант был более вероятен, чем второй.

Вообще, завоеватели Китая добром не кончали. Так, татаро-монголы продержались в Китае 80 лет, а потом? Не только были изгнаны, а и сами независимость потеряли. А кто помнит сегодня про маньчжур? Примеры можно множить. Разница только в том, что применительно к XX веку, когда ход истории ускорился, сроки необходимо уменьшить, по крайней мере, раз в десять по сравнению со Средневековьем. Продержались в Китае восемь лет, а потом? Китай — страна, куда еще легче войти, чем в Россию, но откуда еще труднее выйти. Практически невозможно (в смысле — живым).

Кроме того, весь XX век Китай явно находился на подъеме, превратившись в течение менее чем столетия из политического трупа, на территории которого великие державы могли выяснять отношения между собой (например, почти вся Русско-японская война прошла на территории Китая), в сверхдержаву. Исторический опыт показывает, что нации, находящиеся на таком этапе исторического развития, из военных потрясений выходят лишь еще более усилившимися. Чтобы далеко не ходить — вспомним Россию первой четверти XVIII в. Помните, у Пушкина: «Так тяжкий млат, дробя стекло, кует булат».

В любом случае, война в Китае приняла бы для СССР затяжной характер с необходимостью держать там миллионы солдат. Вообще, китайская тема столь обширна и многогранна, что заслуживает отдельной книги. Когда-нибудь дойдем до этого. А сейчас посмотрим на остальную Азию.

Логика войны втянула бы СССР на Ближний и Средний Восток. А там — многочисленное и в значительной своей части весьма воинственное мусульманское население. Вспомним, что в Средней Азии басмачи сопротивлялись Красной Армии почти 20 лет. Вспомним Афганистан. Вспомним, наконец, что при Стали-

не СССР отнюдь не стремился наладить отношения с некоммунистическими силами мусульманского Востока — интересующимся рекомендую, например, характеристику Египетской революции 1952 г. во втором издании Большой Советской Энциклопедии. Одним словом, еще немало войск пришлось бы держать и там.

Правда, русским традиционно симпатизировали в Индии. Но ведь и японцев в 1942-м индийцы сначала готовились встречать как освободителей, пока прибывавшие в Индию малайцы и бирманцы не порассказали, что эти «освободители» собой представляют. Вряд ли рассказы сотен тысяч (а может быть, и миллионов) бежавших от коммунизма иранцев и афганцев прибавили бы в Индии симпатий к сталинскому режиму. Во всяком случае, известно, что и позднее, в 1980-е гг., советская оккупация Афганистана резко ухудшила советско-индийские отношения. Оно и понятно: все известные истории завоеватели Индии, двигавшиеся с севера, прошли через Афганистан.

Итак: фронт против Китая, фронт на мусульманском Востоке, миллионы солдат в Европе, миллионы солдат на побережьях — вот уже четыре фронта. Напомню, что основной принцип стратегии — концентрация сил. Тот же Наполеон побеждал, пока воевал на одном фронте, до 1809 г. В 1809 г., выиграв на одном фронте, австрийском, он на другом выиграть не мог. А в 1812 г. проиграл на обоих — русском и испанском. Пока Гитлер воевал на одном фронте — побеждал, как повел войну на два фронта — известно, что получилось. А вот Сталин воевал в 1941–1945 гг. только на одном фронте. И Япония проиграла, ввязавшись в войну на два фронта — против Китая и США. А вот американцы второй фронт в Европе открыли только тогда, когда исход войны с Японией уже вполне определился. Сталину же в случае войны с США пришлось бы иметь против себя целых четыре фронта.

Кроме того, Трумэн вполне мог перехватить у Сталина антиколониальную инициативу. Как известно, США своих колоний не имели, поэтому инициатива с освобождением чужих колоний была бы им выгодна — как бы резко после этого возросли шансы американского проникновения (экономического и прочего) в бывшие колонии европейских метрополий! Кстати, многие деятели национально-освободительного движения (Сукарно, например) ждали от США нажима на европейские метрополии с целью убедить их предоставить колониям независимость (и далеко не всегда в своих надеждах обманывались). Да и дополнительный источник живой силы для войны у американцев появился бы. Ну, а Британии, отделенной от сталинских полчищ только узкой водной полоской Ла-Манша, не говоря уже об оккупированных Советами французах — бельгийцах — голландцах, вряд ли бы оставалось что-то иное, чем согласиться на американскую инициативу.

Итак, Сталину пришлось бы иметь против себя четыре-пять фронтов, а то и все шесть: шестой фронт — воздушные бомбардировки СССР, поскольку на ПВО тоже неминуемо должно было быть отвлечено немало сил. Во всяком случае, американцы — это не немцы, у которых стратегической авиации не было вообще и которые потому не смогли нанести расположенной в тылах советской промышленности особого ущерба (да что там в тылах — даже Москва не очень пострадала, несмотря на то что в отдельные моменты частям Вермахта оставалось до нее километров тридцать).

И все перечисленное — в условиях голодного тыла — кто бы нас кормил после прекращения поставок из Америки? Напомню, что еще в 1941 г., до массовой мобилизации людей, тракторов, грузовиков и лошадей в армию, урожайность составляла 4 ц/га, а поголовье крупного рогатого скота не достигло уровня 1916 г. — третьего года Мировой войны и ка-

нуна революции (*Зверев А.Г. Записки министра. М., 1973. С. 188*). Все это в условиях бомбежек, при многомиллионных лагерях в стране, значительная часть населения которых в 1945 г. готова была восстать, если бы ей только дали оружие (пятый фронт!). А что стоило сбросить его с самолетов? Это — не говоря уже об атомной бомбе (уже к концу 1945 г. их у Америки имелось 196).

Много ли у Сталина было шансов выиграть такую войну?

Глава XXXV

ВОЗМОЖНО ЛИ НЕВОЗМОЖНОЕ

Такая глупая вера, не основанная на здоровой логике и цифрах, нужна только попам, а не командующему эскадрой.

(*А. С. Новиков-Прибой, «Цусима»*).

Кое-кто ответит: для России вообще и для России Советской в особенности нет ничего невозможного.

Эта мысль звучит уже не одно десятилетие. «Русскому и невозможное возможно», — говорит один из «положительных» (молодой опричник) героев в пьесе А.Н. Толстого «Иван Грозный». Русские способны победить весь остальной мир, вместе взятый, — это внушала нам сталинская пропаганда, и это повторяют до сих пор многие люди, которые Сталина, мягко говоря, не любят.

Уже нет не только Сталина, но без малого двадцать лет как нет власти КПСС, а кое-кто и сейчас поет те же песни — например, телеведущий Максим Соколов в передаче «Однако» (ОРТ) от 25 июня 2001 г. (как раз по случаю 60-летия начала Великой Отечественной). Вообще-то я к Максиму Соколову отношусь с большим уважением, хотя бы за то, что он одним из первых в России сообразил, что либерально-демократические и государственно-патриотические

идеи совсем необязательно должны взаимно исключать друг друга. Но тут, услышав его, был весьма неприятно удивлен.

Основная мысль выступления Соколова: в России законы истории не работают. И примеры приводит — война с Наполеоном, война с Гитлером. «С каждой неделей положение России становилось все более безнадежным, и вдруг, когда уже все казалось конченным, наступал перелом...» И вывод тот же: для России нет невозможного.

В этой, с позволения сказать, концепции все построено на передержках и подтасовках. Это армия Наполеона по мере продвижения к Москве таяла без боев, просто от бескормицы и плохих дорог, а русская армия, отступая, укреплялась. Да и не с одной Россией Наполеон воевал, и кризис его империи начался, по крайней мере, года за два до 1812 г.: континентальная блокада, война в Испании, начавшаяся уже (по меньшей мере с 1809 г.) нехватка призывных контингентов... Ну, а о том, что положение Гитлера, самого себя втянувшего в войну на два фронта, с этого момента стало безнадежным, только ленивый не писал. И Виктор Суворов тоже изложил свои соображения на сей счет (см.: Очищение; Последняя республика; Самоубийство и др.).

А теперь об СССР. Кто из нас не слышал (а чаще всего — и сам не произносил) таких слов: да припугнуть народ заградотрядами и террором, и любого противника сокрушат! да понастроил бы Горбачев лагерей для инженеров-конструкторов (да и для опаздывающих на работу рабочих заодно) вместо того, чтобы демократию разводить, мигом бы обогнали Америку во всем, в чем начали отставать!

Вообще-то, это логика на уровне бесноватого фюрера. Гитлер так и говорил: нет никаких объективных причин, мешающих человеку что-то сделать. Если у человека что-то не получается, то виноваты либо чье-то предательство и вредительство, либо его соб-

ственная мягкотелость. А для того, кто уверен в успехе и твердой рукой отшвыривает все преграды, нет ничего невозможного. И другое его высказывание (это по поводу превосходства Красной Армии или какого-то еще противника, не помню точно): цифры ровным счетом ничего не значат... количество танков и самолетов не решает ничего. Они бессильны против воли Всемогущего Рока, предопределившего победу Германии и ее мировую роль на многие тысячелетия вперед (*Бунич И. Гроза. С. 302*). Чем не тютчевское «Умом Россию не понять...»?

Однако с учетом того, чем кончил Гитлер, эти рассуждения — не лучший пример для того, чтобы им подражать на отечественной ниве. Предлагаю всем, кто считает, что угрозой лагерей, расстрела или заградительных отрядов можно добиться всего, чего угодно, ответить на один вопрос, только честно: смогли бы лично Вы побежать быстрее гоночного автомобиля? А под страхом расстрела? То-то.

Нам с пеленок внушили: подобными методами можно решить все вопросы. Вот и Виктор Суворов туда же. Как, по его мнению, происходил отбор руководителей при Сталине? Ставилась непосильная задача: например, удвоить, а потом и утроить производство танков, не получая дополнительных ресурсов. Не справившихся ставили к стенке, и так продолжалось, пока не находился тот, кто на это способен (*Самоубийство. С. 127–129*).

Отсюда выводы (нас так учили, Суворов этого не повторяет, но явно к этому подводит): вот, захватил Гитлер всю Европу и пол-России, и оставшаяся половина России сумела его победить. Отсюда опять тот же вывод: для того, кто безжалостно стреляет всех проявивших какую-либо слабость и не проявляет колебаний, нет ничего невозможного.

Я не считаю Россию «родиной слонов», а русских — изобретателями всего и вся; однако закон сохранения вещества открыл русский — Михайло

Ломоносов (лишь несколько десятилетий спустя открытие повторил независимо от него француз Лавуазье). Так вот, этот закон гласит: из ничего ничего не получается, сколько в одном месте прибыло, столько в другом убыло.

В переводе на наш язык: утроить производство танков, не получая дополнительных ресурсов, невозможно, если только до этого работники танковой промышленности не занимались повальным разворыванием материалов (что при Сталине, согласитесь, было небезопасно и большого распространения не получило). Можно, конечно, заниматься приписками и сообщать о том, что невыполнимое задание выполнено, — в мирное время так и делалось сплошь и рядом и при Сталине, и при Хрущеве, и позднее. Но на войне приписками особенно не позанимаешься. Раз утроили — значит, где-то ресурсы изыскали. Где же?

Тут я снова отсылаю читателя к цифрам американских поставок. Как раз к сентябрю 1941 г. советские и британские армии закончили оккупацию Ирана, и поставки союзников пошли, так сказать, «парадным ходом» вместо неудобной и небезопасной «задней двери» Мурманска и Архангельска. Как уже говорилось, 80% всех поставок союзников шло именно через Иран. Ну, а раз поставляют алюминий и прочее ценное сырье, а поставки продовольствия позволяют призвать на войну значительную часть мужиков из деревень, то почему бы не сделать бронь работникам военных заводов и не утроить производство танков? И утроили.

А если война с Америкой? Тогда эти поставки, естественно, прекратятся. А голод уже начинается. Весной 1945 г. (когда поставки еще продолжались!) он уже начался в Средней Азии и Забайкалье. Вот секретное донесение Берия Сталину от 21–22 мая 1945 г.: «В Ленинабадской области (Таджикистан. — *Д.В.*) имеется 20 умерших от истощения и 500 опухших от недоеда-

ния. В Сталинабадской области 70 умерших от истощения. В Читинской области имеет место употребление павших животных, деревьев, коры» и даже людоедство (*Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. Т. 2. С. 415). Мне самому сказал в 1990 г. один киргиз (в 1945-м ему было 15 лет): «Хорошо, что война в мае 1945 г. кончилась; продлилась бы до августа или сентября — мы бы все с голоду умерли».

Для Волкогонова это тема побочная, но более фундаментальные работы подтверждают приводимые им факты — и не только в Средней Азии и в Забайкалье. Так, урожайность в годы войны в Сибири составила 4–5 ц/га, в степных районах — 2–3 ц/га (*Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 44). Сибирские колхозники в 1942–1943 гг. получали по 240 граммов хлеба на трудодень, члены их семей — по 60–70 граммов (это — по официальным отчетам, фактически было еще хуже) (Там же. С. 123). В колхозе «Северное сияние» Новосибирской области только 30 хозяйств из 230 имели хлеб, остальные ели павших животных, в том числе и умерших от сибирской язвы. В Читинской области (где, кстати, средняя урожайность составляла 2,9 ц/га) 26 февраля 1943 г. колхозник П. Суханов в отчаянии от голода зарубил топором мать, жену и шестерых детей, а сам застрелился (Там же. С. 144–146).

С продовольственным положением надо разобратся особо. О том, что уровень поголовья крупного рогатого скота в СССР в 1941 г. был ниже 1916-го (а в 1945-м, естественно, еще гораздо ниже — за 1942–1944 гг. поголовье крупного рогатого скота сократилось в полтора раза, овец — почти на четверть, свиней — более чем в 2,5 раза (Там же. С. 45, 54), мы уже говорили. Добавим, что в Новосибирской области, например, еще в мирное время, с октября 1940 по май 1941 г., пало 35 300 лошадей, 21 400 голов крупного рогатого скота, 104 400 свиней (Там же. С. 144).

Да проще того: прекратились американские поставки, и в 1946–1947 гг. голод действительно начался, несмотря на то что мужики с фронтов в деревни возвращались, да и промышленность после окончания войны стала не только танки, а и тракторы и грузовики производить. Это — мирное время. А если бы военное (в условиях войны с Америкой)?

О том, что советская экономика, как и немецкая, была рассчитана на блицкриг, говорилось тоже (на что еще можно было рассчитывать при такой организации тыла?). А вот еще несколько деталей.

21 июня 1941 г. заседание Политбюро, посвященное завершению последних приготовлений к «освободительной» войне, постановило призвать в армию еще 800 000 резервистов — разумеется, из колхозов: не работников же военных заводов в армию призывать (а других в советской промышленности в 1941 г. практически не было). Создав громадные фронты, Сталин нарушил и без того неустойчивый баланс между гигантской армией и разоренным, истощенным сельским хозяйством. Когда началась война и была объявлена открытая мобилизация, до 70% мобилизованных составляли сельские жители (Там же. С. 10–11). Хотя бы поэтому, пишет В. Суворов, Сталин не мог откладывать вторжение в Европу до 1942 г.

Кстати, и замена мужской рабочей силы в тылу на женскую, начатая осенью 1939 г., когда Паша Ангелина бросила свой знаменитый клич «100 000 подруг, на трактор!» (в действительности на трактор пришло целых 200 000 подруг) (Суворов В. День-М. С. 210–211), гораздо успешнее проходила в сельской местности, чем в городах. Так, в Алтайском крае в первую же неделю войны в каждом районе обучалось на механизаторов по 700–1000 женщин (90% трактористов и комбайнеров уже в начале войны было призвано в армию). Это и понятно — квалифицированных промышленных рабочих надо готовить достаточно долго. Чтобы и в промышленности провести такую

же замену, надо было начинать не в 1939 г., а раньше (и начали, но все же не в таких масштабах, как требовалось) (*Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. С. 10–15; Бунич И. Гроза. С. 212*).

Операция «Гроза» давала возможности кормиться за счет новых территорий, которые предстояло захватить в Европе (Ледокол. 2002. С. 292–294). (Европа 1941 г. еще не была разорена войной, точнее, этот процесс только начинался). Вообще, о том, что продовольственное, тыловое, медицинское снабжение Красной Армии в годы Великой Отечественной войны удалось наладить только благодаря поставкам союзников, мы уже говорили. Впрочем, поставки США в СССР набрали военный размах уже в 1939 г. и до самого 1945-го не уменьшались — непонятно, чем предвоенные поставки отличались от военных (Последняя республика. С. 192–193). Помимо американских поставок, сама операция «Гроза» была задумана как самообеспечивающаяся операция за счет подножного корма в захваченных странах Европы — «как гигантский разбойничий набег, предполагавший снабжение армии захваченными ресурсами» (*Бунич И. Гроза. С. 336*).

Вообще-то способ не такой плохой. Наполеон тоже не таскал с собой огромных обозов и обеспечивал армию за счет грабежа мирного населения (стало крылатым его выражение о том, что «война должна кормить себя сама») — этим, кстати, объясняется высокая мобильность его армии, удивлявшая противников. Но этот подход к снабжению срабатывал там, где мирное население после разгрома армии снабжало завоевателей всем необходимым — в Италии, Австрии, Пруссии. А если обеспечить армию за счет местного населения по каким-то причинам невозможно? Например, в Испании, где, во-первых, страна бедная, где и в мирное-то время большую армию не прокормишь, а тут еще и весь народ взялся за вилы и не то что кормить — просто терпеть на своей территории французов не желает.

Ну, ладно, Испания — страна небольшая, да и Франция рядом, поэтому там кое-как снабжение наладили. Но вот Наполеон — в России, где армия и население ведут «скифскую войну», опустошая свою территорию на пути неприятеля. Известно, что с Наполеоном в России приключилось. Но между Россией и Францией — еще Германия; в 1813 (отчасти уже в 1812) г. и немцы, проникнувшись патриотическим духом, французов кормить отказались. И пришлось Наполеону из-под Лейпцига уносить ноги во Францию.

Вот и Сталин, начни он в 1945 г. войну со вчерашними союзниками, попал бы в ту же ловушку. Когда в 1941 г. Гитлер нанес упреждающий удар и воевать пришлось не в Европе, а на своей разоренной коллективизацией и подготовкой к войне территории, положение исправили поставки союзников. А в 1945-м, наступая по уже разоренной Европе и не имея, естественно, поставок из Америки, на что Сталин мог рассчитывать? В 1941 г., готовя вторжение в не разоренную еще Европу и при наличии поставок из Америки, Сталин не мог ждать до 1942 года. А что уж говорить о вторжении в Европу 1945 г., разоренную войной, и без поставок союзников?

Итак, еще раз: вспомним все, о чем говорилось в двух предыдущих главах, и спросим: много ли было шансов выиграть такую войну. Правильно. Вот и Иосиф Виссарионович так подумал. И не в меру пылко-го Жукова, который, при всем уважении к нему как к полководцу, все же государственным мышлением не обладал, осадил.

Вообще русские и немецкие военные и политики всегда отличались от западных тем, что переоценивали свои силы и недооценивали противника, тогда как западные — как раз наоборот, переоценивали противника и недооценивали себя. О том, как переоценивали свои силы немцы, написано достаточно и более чем достаточно; что же касается сравнения советских и западных военачальников, то рекомен-

дую посмотреть двенадцатитомник «История Второй мировой войны» и найти планы советского командования на вторую половину 1943 г. (на картах). Там, в частности, планировалось в октябре 1943 г. достигнуть Минска и Вильнюса (История Второй мировой войны. Т. 7. С. 144) (реально это удалось, как известно, только в июле 1944 г.)

А вот союзники на 1944 г. планировали на Тихом океане достигнуть только Марианских островов — на самом деле они уже в октябре 1944 г. начали освобождение Филиппин. На освобождение Франции по планам союзников отводилось 11 месяцев, на практике же ушло три — с начала июня по начало сентября 1944 г. — по первоначальным планам к этому времени они только собирались освободить Нормандию и Бретань и дойти до Парижа, а на юге пройти от Марселя до Лиона (Там же. Т. 9. С. 24–25). Обращение Черчилля к Сталину за помощью 6 января 1945 г., т.е. уже после того, как немецкое наступление в Арденнах было остановлено — тоже показатель. И силы и способность к сопротивлению Японии в 1945 г. союзники тоже переоценили (хотя есть и другая версия событий на Тихом океане 1945 г., изложенная в XIII главе), иначе не стали бы просить Сталина вступать в войну. Правда, он бы, скорее всего, сделал это и без их просьбы...

Но есть и разница между немцами и русскими. Немцы переоценивали свои силы, так сказать, на государственном уровне, а русские — только на местном, на государственном — достаточно редко. Именно поэтому Германия проигрывала войны часто (а вовсе не потому, что немцы не умеют воевать, как считает Виктор Суворов (Очищение. С. 147)), а Россия — редко. Как только Россия переоценивала свои силы и ставила себе неподъемные задачи, так достаточно быстро получала по зубам. Завоевание же мирового господства — задача неподъемная по определению.

Виктор Суворов много говорит о том, что советская пропаганда, расписывая нашу «отсталость»

1941 года и нашу «неготовность» к войне, льет грязь на собственную страну. Но у такого пропагандистского трюка есть ведь и обратная сторона. В самом деле, если уж при такой первоначальной «неготовности» мы все же победили, так, наверное, для СССР невозможного нет вообще! А если узнаешь, что на самом деле СССР к войне был готов как никто другой, то картина получается несколько иная.

Хоть Сталин и внушал советским людям, что для них нет ничего невозможного, сам-то он границы возможного очень хорошо видел. В отличие от авантюриста Гитлера, который, тоже внушая немцам нечто подобное, в конце концов и сам в это поверил, Сталин о пределах возможного имел весьма четкое представление. И, начиная войну, тщательно взвешивал соотношение сил. Поэтому и умер своей смертью на вершине власти, а не в бункере от крысиного яда. Давайте не будем считать себя умнее Сталина.

Вот так и получилось, что советские танки в мае 1945 г. Эльбу не перешли.

Глава XXXVI

НА КОГО РАБОТАЛО ВРЕМЯ

Мы имеем военное превосходство над Западом, но это превосходство — временное.

(И.В. Сталин. Секретная речь на заседании Политбюро 15 февраля 1951 г.)

А теперь снова обратимся к сталинскому учению о постоянных и временных преимуществах во время войны и попытаемся его применить к нашей ситуации. Мы уже убедились, что СССР к войне готовился и уже к 1939 г. был к ней вполне готов. Германия к войне тоже готовилась, но к 1939 г. далеко еще не была к ней готова. По крайней мере, в сентябре 1939 г. в Германии было запасено: сна-

рядов для горных орудий — на 18 дней войны, мин для легких минометов — на две недели, для тяжелых — на 12 дней, снарядов для тяжелых гаубиц — на 60 дней, для танков — на 6 (!) дней (*Суворов В. День-М. С. 87*). Америка по состоянию на 1939 г. о подготовке к войне еще и не думала — напомним, там и в июне 1941 г. было всего 400 танков безнадежно устаревших конструкций.

Чтобы понять, на кого работало время, рассмотрим динамику выпуска военной продукции в этих трех странах с 1940–1941 по 1945 г. Итак, в мае 1940 г. в Германии было произведено всего 40 танков. Самолетов в 1939 г. производилось всего 1000 в месяц. Доля военной промышленности в общем производстве составляла 15%.

А теперь — 1941 год. Военное производство в Германии составляет 19% от общего объема производства (*Керль Г. Военная экономика и военная промышленность// Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 363–370*; далее данные об удельном весе военного производства в общем объеме приводятся по этому же источнику). А вот данные о производстве основных видов вооружения в абсолютных цифрах (во всех таблицах — в тысячах штук). При этом для СССР даются сведения только по второй половине года, тогда как для Германии — по всему году (для США — почему-то только по декабрю 1941 г.) (*История Второй мировой войны. М., 1981. Т. 12. С. 168, 181, 200*; далее данные о военном производстве — по этому же источнику).

Военное производство в 1941 г.

	СССР	Германия	США
Винтовки и карабины	1.567,1	1.359	37,9
Автоматы	89,7	325	41,6
Орудия	30,2	22,1	3,4
Минометы	42,3	4,2	0,4
Танки	4,8	3,8	0,9
Самолеты	8,2	8,4	1,4

Добавим, что из-за того, что при подготовке к агрессивной войне основная масса военных заводов СССР размещалась в западных районах (День-М. С. 112–113), их как раз во второй половине 1941 г. в значительной мере приходилось эвакуировать в восточные районы. Таким образом, если не считать автоматов, то СССР за вторую половину 1941 г., когда большая часть военных предприятий страны вынуждена была эвакуироваться и за Уралом зачастую с колес начинать производства, произвел боевой техники больше или, по крайней мере, не меньше (самолеты), чем Германия, промышленность которой работала тогда без серьезных помех: налеты британской авиации еще были недостаточно сильны, чтобы создавать немецкой промышленности тяжелые проблемы, а американская авиация еще не подключилась к бомбежкам. Едва ли вызывает у кого-нибудь сомнения, что за первую половину 1941 г. военное производство СССР было куда выше. Что касается США, то их промышленность за один месяц произвела, например, танков в 2,25 раза больше, чем их было всего полугодом раньше.

1942 год. В январе 1942 г. германская промышленность наконец-то была переведена на военные рельсы. Доля военного производства в общем производстве Германии составила в 1942 г. 26%. Кроме того, внутри военного бюджета расходы были перераспределены в ущерб флоту и к выгоде сухопутной армии (*Фельштинский Ю.Г.* Читая книги «Ледокол» и «День-М»... С. 152). Вот данные по военному производству за этот год (табл. 2).

Таким образом, несмотря на перевод немецкой промышленности в режим военного времени, СССР, в котором закончилась эпопея с эвакуацией и размещением на новых местах военных предприятий, превзошел Германию по производству военной техники в разы, а, например, по производству минометов — на порядки.

А вот военное производство США резко рванулось вперед, превзойдя по производству артиллерийских орудий и особенно самолетов СССР и Германию, вместе взятые.

Военное производство в 1942 г.

	СССР	Германия	США*
Винтовки и карабины	4049	1370	1541,7
Автоматы	1506	232	651,7
Орудия	127,1	40,5	187,6
Минометы	230	9,8	11
Танки	24,4	6,2	23,9
Самолеты	21,7	11,6	47,9

*Для США данные по производству танков и самолетов здесь и дальше взяты из Всемирной истории (т. X. М., 1965. С. 433).

Кстати, обратим внимание, что начиная с 1942 г. (и, как мы увидим, до конца войны) СССР резко превосходил Германию по производству автоматов. В. Суворов пишет (со ссылками на Гудериана), что Гитлер создал большие проблемы для Вермахта тем, что упорно не желал внедрять в армии автоматы вместо хорошо знакомых ему по Первой мировой войне карабинов (Беру свои слова обратно.).

1943 год. 13 января 1943 г. Гитлер объявил «тотальную мобилизацию» и «тотальную войну». Доля военного производства в Германии — 38%. А вот абсолютные размеры производства боевой техники и вооружения.

Военное производство в 1943 г.

	СССР	Германия	США
Винтовки и карабины	3436	2275	5683
Автоматы	2023	234	686,4
Орудия	130,3	73,7	220,9
Минометы	69,4	23	25,8
Танки	24,1	10,7	29,5
Самолеты	29,9	19,3	85,9

Замечаете, что разрыв между СССР и Германией начал сокращаться? А ведь Германия уже подвергается сильным ударам англо-американской авиации, тогда как СССР получает из США огромную и все растущую помощь. Качественное отставание Германии от СССР тоже существенно уменьшилось: появились тяжелые танки, которых раньше не было. В декабре 1942 г. на фронт прибыли «Тигры», а в 1943 г. — «Пантеры» (*Суворов В. Последняя республика. М., 1995. С. 393–397*). США же по-прежнему превосходят по производству артиллерийских орудий и самолетов СССР и Германию, вместе взятые, в том числе по производству самолетов — почти вдвое.

1944 год. Доля военного производства в Германии достигла своего максимума — 50% от общего производства. Вот данные о военном производстве за этот год.

Военное производство в 1944 г.

	СССР	Германия	США
Винтовки и карабины	2450	2855	3489,3
Автоматы	1970	228	347,5
Орудия	122,4	148,2	103,0
Минометы	7,1	33,2	24,8
Танки	29	18,3	17,6
Самолеты	33,2	34,1	96,4

Прочитав такое, отказываешься верить: погибающая Германия, терзаемая ударами авиации союзников, сносившей за считанные часы целые города, превзошла СССР по производству орудий, минометов и самолетов. При этом пик военного производства достигнут в июле 1944 г. И тогда же Германия нарастила численность армии — до 9,4 млн против 7,25 млн летом 1941 г. (*Фельштинский Ю.Г. Читая*

книги «Ледокол» и «День-М»... С. 151). Но, как говорится, факты — упрямая вещь.

Наконец, 1945 год. Для Германии берутся четыре месяца — с января по апрель, для СССР и США — восемь, с января по август. В скобках, чтобы было нагляднее, дана половина советского и американского производства — из расчета с января по апрель. Добавим, что во второй половине 1944 г. по понятным причинам начался спад военного производства в Германии, но все же вплоть до марта 1945 г. она производила вооружений больше, чем летом 1941 г. (Там же. С. 152).

Военное производство в 1945 г.

	СССР	Германия	США
Винтовки и карабины	637 (318,5)	665	1578,1 (789,05)
Автоматы	583 (291,5)	78	206,7 (103,35)
Орудия	72,2 (36,1)	27,0	34 (17)
Минометы	3,0 (1,5)	2,8	40,1 (20,05)
Танки	20,5 (10,25)	4,4	11,2 (5,6)
Самолеты	19,1 (9,55)	7,2	43,2 (21,6)

Итак, совсем уже погибавшая Германия в пересчете на равные промежутки времени по производству орудий и самолетов лишь примерно на треть уступила СССР, а по винтовкам и минометам примерно вдвое его превзошла. Что касается Америки, то в условиях окончания войны, в сухопутных операциях которой ее войска решающей роли не играли, она сворачивает военное производство (отчасти уже и в 1944 г.), только по самолетам по-прежнему, как и в 1942–1944 гг., превосходит СССР и Германию, вместе взятые, хотя и не настолько, как в 1943 г. Даже по производству автоматов, где, если не считать 1941 г., разрыв между СССР и Германией был

примерно на порядок в пользу СССР, он сократился лишь до четырех раз.

Кстати, на огромное превосходство СССР в производстве автоматического оружия стоит обратить внимание. Кремлевские историки постоянно подчеркивают, что Германия-агрессор вооружила свою армию автоматами заранее, а СССР перешел с винтовок на ППШ лишь примерно в 1943 г. Исходя из данных статистики, истина оказывается, мягко говоря, несколько иной.

Экономика СССР, как и экономика Германии, была рассчитана на «блицкриг» и не выдержала бы затяжной войны. Но раньше приводились данные по производству невоенной продукции. Теперь мы видим, что и с продукцией военной дело обстоит примерно так же. Более того, Германия, как ни парадоксально это звучит, оказалась приспособленной к затяжной войне даже больше, чем СССР. Тот же Фельштинский так и пишет: степень мобилизации экономики в СССР намного превосходила немецкую, уже в начале войны мирная промышленность, в том числе и пищевая, была сведена на нет. Даже оккупированные Германией поляки, мобилизованные на немецкие военные заводы, питались лучше, чем советский тыл. И несмотря на такое трудно поддающееся пониманию напряжение, похоже на то, что Великую Отечественную войну СССР выиграл только благодаря массивной помощи США (Там же. С. 151–152).

И наконец еще одно. Как уже говорилось, для США Вторая мировая война была не столько сухопутной, сколько морской и воздушной. Потому интересно посмотреть и динамику производства в различных странах боевых самолетов (что мы уже сделали) и боевых кораблей всех классов. Вот перед нами статистические данные о военном кораблестроении (Всемирная история. Т. X. М., 1965. С. 433, 439; История Второй мировой войны. Т. 12. С. 168, 200, 202).

**Производство боевых кораблей
различных классов в 1939–1945 гг.**

	СССР	Германия	Британия	США	Япония
1939		10	17		
1940		60	106		
1941	35 (второе полугодие)	207	170	1300 (второе полугодие)	
1942	15	241	173	8000	
1943	14	290	168	18 400	
1944	4	250	352	29 200	63
1945	2 (январь–август)	93 (январь–апрель)		14 100 (январь–август)	48

Ну как, впечатляет разница между Америкой и остальными? Ну, допустим, Германии, и особенно СССР, было не до военных кораблей, для этих стран война была преимущественно сухопутной, особенно для СССР, — борьбу с германским флотом в основном взяли на себя союзники. Но сравните американское производство с производством Японии, для которой тихоокеанский фронт против США был основным — по крайней мере для ее флота и авиации. Сравните с Британией, традиционной «владычицей морей».

Объяснять ли еще после этого, почему СССР в 1945 г. не начал войну с бывшими союзниками?

Глава XXXVII

ПОЧЕМУ СТАЛИН НЕ УБИЛ РУЗВЕЛЬТА

Сспросят: а почему же тогда Рузвельт в Ялте полностью капитулировал перед Сталиным, уступив ему все, что тот требовал (об этом писали многие авто-

ры — легче вспомнить, кто не писал)? Солженицын, например, говорит о «разительно-систематически очевидной политической близорукости и даже глупости» Рузвельта и Черчилля («Архипелаг ГУЛАГ». Часть I. Глава 6).

Ну, Солженицыну простительно — «Архипелаг ГУЛАГ» писался тогда, когда СССР находился, по видимости, в полной силе, и казалось, что он простит еще века. Но вот и Виктор Суворов туда же (уже в 2000 г., почти через десять лет после окончания «холодной войны»): «Рузвельт (хотя и был парализован) выплясывал под сталинскую дудку все те номера, которые требовал от него Кремлевский Хозяин... Перед войной и в ходе нее Рузвельт своим умением угадывать, улавливать и удовлетворять сталинские желания доводил мир до полного изумления. Да и сейчас не перестаешь поражаться, мягко скажем, уступчивости, податливости и стремлению Президента США угодить Генеральному секретарю ЦК ВКП(б)» (Самоубийство. С. 239).

А Суворов дальше идет. Он поминает «загадочную мягкость, которая была проявлена Рузвельтом с самого первого дня его правления (помните два трактора из Нью-Йорка?). Непонятная уступчивость Рузвельта постоянно ширилась и углублялась и завершилась полной капитуляцией в 1945 году в Ялте» (Последняя республика. С. 195).

«Два трактора из Нью-Йорка» — это танковые модели американского танкового гения Вальтера Кристи, которые американцы продали Сталину под видом «тракторов» и от которых ведут свою родословную все прославленные советские танки военного и послевоенного времени. Только вот проданы они были 24 декабря 1930 г., то есть за два с лишним года до того, как Рузвельт занял Белый дом — сам же Суворов об этом сообщает в той же книге (С. 158).

Но вернемся к Рузвельту. Чтобы ответить на по-

ставленный вопрос, предлагаю простую аналогию. В 1929 г. Сталин выслал своего главного оппонента Троцкого из СССР. В «Святом деле» Виктор Суворов ставит вопрос: почему Сталин так поступил? Троцкий не был ему опасен в алма-атинской ссылке. А вот за границей стал или, по крайней мере, мог стать очень даже опасен. Если, как пишет Роберт Конквест в «Большом Терроре», Сталин не смог уничтожить Троцкого сразу (казнь куда менее влиятельного М.Н. Рютина из-за сопротивления Политбюро пришлось отложить на четыре года) (Большой Террор. С. 68–72), то что мешало ему «промариновать» Льва Давидовича в СССР до 1936–37 гг., то исключая из партии, то вновь восстанавливая, и так до самого расстрела — ну, в общем, как всех прочих оппозиционеров? А можно было и убить, как Кирова. Или зарезать на операционном столе, как Фрунзе.

Суворов дает ответ: Троцкий кричал на каждом углу, что «Сталин предал Мировую Революцию», что только он, Троцкий, может ее осуществить, а Сталин — серость, посредственность и его бояться не надо. Лучшего оппонента в эмиграции Сталин и специально бы придумать не мог.

А вот примерно с 1938 г. Троцкий понял замысел Сталина с «ледоколом». И стал о нем писать. И тогда Сталин принял решение: Троцкого уничтожить! Опасен стал! (Святое дело. С. 189–191).

Возникает, однако, вопрос: а почему Сталин не уничтожил разгадавшего его планы Рузвельта? Противник-то был поопаснее Льва Давидовича — как-никак, глава богатейшей и сильнейшей державы мира, а не какой-то там живущий за печкой у президента Мексики оппозиционер! А убить его с помощью могущественной сталинской разведки можно было еще годах в 1938–1939-м, когда еще и война не началась и в мирной Америке президента почти не охраняли.

А дело в том, что Рузвельт виду не подавал, что понял замысел Сталина. Вот и я не знаю, как уже писал, когда именно Рузвельт разгадал сталинские планы. Раскусив гениально простую тактику Сталина, ФДР понял и тактику советских коммунистов вообще: хочешь победить в аппаратной борьбе, притворяйся сестрой и посредственностью.

Именно так победил в середине 1920-х гг. Сталин блестящего Троцкого, и не только его. Именно так в середине 1950-х «Иванушка-дурачок» Хрущев, на сталинских ночных пирушках игравший роль шута и плясавший «гопака», одолел на первый взгляд куда более сильного Маленкова. Именно так в середине 1960-х Брежнев одержал верх над казавшимся куда более сильным Шелепиным (*Восленский М.С.* Номенклатура. С. 374).

Вот и Рузвельт вел себя примерно так же. И добился того, что его тоталитарные диктаторы всерьез не воспринимали. Вот что, например, говорили о нем нацистские вожди.

«Эти разжиревшие от роскоши англосаксы не смогут вести войну» — это сказано Гитлером еще весной 1939 г. (*Бунич И.* Гроза. С. 30). А вот 1942 год. Цитаты из «Застольных бесед» Гитлера. 23 марта: «Рузвельт — душевнобольной». 17 мая: «Американские политики в окружении Рузвельта — сплошь дураки набитые» (цит. по: *Суворов В.* Самоубийство. С. 99). Рузвельта изо всех демократических лидеров Гитлер вообще особенно не любил и не уважал. Еще в 1940 г. он как-то публично выразил удивление тем, как такая большая и динамичная нация, как американская, «терпит во главе себя калеку, который и в клозет-то сам сходить не может» (*Бунич И.* Гроза. С. 262–263).

И на краю могилы нацистские главари продолжают в том же духе. Запись в дневнике Геббельса от 8 марта 1945 г.: «Сталин кажется мне большим реалистом, чем англо-американские безумцы». А вот за-

пись от 20 марта 1945 г.: «Англо-американцы оказались исключительно негибкими в достижении своих военных целей. Они ничего не смыслят ни в военной психологии, ни в военном управлении». 4 апреля: «Сталин обращается с Рузвельтом и Черчиллем как с глупыми мальчишками» (цит. по: Очищение. С. 15–16). Они ушли в могилу, так ничего и не поняв...

Примерно в таком же духе выражался и Сталин. «Вести сама изнурительную, кровопролитную войну Америка неспособна, — считал Сталин. — Неспособна благодаря сильному общественному мнению и демократии» (Бунич И. Гроза. С. 449). Впрочем, советские лидеры еще в конце октября 1940 г. вообще не верили, что Рузвельт сможет заставить свою страну воевать (Там же. С. 177). А уж если Америка в войну и вступит, то никогда изнеженные американцы не победят таких суровых аскетических воинов, как японцы (Там же. С. 210). Да что там — даже о возможностях военно-морского строительства США и Японии Сталин рассуждал как о сопоставимых величинах: «флоты США и Японии должны уничтожить друг друга» (Там же. С. 236). Кстати, и возможности десантных операций США советское руководство недооценило — даже Б. М. Шапошников считал еще в феврале 1941 г., что высадка десанта союзников в оккупированной Гитлером Европе невозможна (Там же. С. 394).

Ну и за что после этого Рузвельта убивать, если его оппоненты так ничего и не поняли? И кое-кто из нынешних историков тоже. Еще раз, как там у В. Суворова: «Рузвельт (хотя и был парализован) выплясывал под сталинскую дудку все те номера, которые требовал от него Кремлевский Хозяин».

Не знаю уж, что там Рузвельт под сталинскую дудку выплясывал, но Вторая мировая война завершилась реализацией американского геополитического сценария. Иными словами, США выиграла «холодную войну» еще до того, как она началась.

О КАПИТУЛЯЦИИ В ЯЛТЕ

Выиграв кампанию, можно проиграть баталию.

(Наполеон)

А теперь поговорим о Ялте. А что, собственно, Рузвельт уступил? Восточную Европу? Так она и так была у Сталина в руках. И мы уже видели, что он это победой в войне не считал. Западные области будущей ГДР в обмен на часть Берлина? (Опять же Солженицын: «Как могли они за смехотворную игрушку четырехзонного Берлина — свою же собственную ахиллесову пяту — отдать Сталину обширные области Саксонии и Тюрингии» («Архипелаг ГУЛАГ». Часть I. Глава б). Безусловно, в будущей «холодной войне» Западный Берлин добавил проблем Западу. Но улучшал ли этот обмен территорий в Германии глобальные стратегические позиции СССР? Позволю себе, по крайней мере, усомниться в этом.

Союзники выдали Сталину всех «перемещенных лиц»? Поступок, мягко говоря, негуманный, но результатов войны он все равно не отменял. Общее геополитическое соотношение сил от этого опять же не изменилось. А если так, то зачем же раздражать Сталина из-за каких-то там власовцев, которые, как-никак, все же были изменниками не только сталинскому режиму, но и своему Отечеству. Если Сталин не хотел доводить Запад до крайности и поэтому не напал, то и Рузвельт и Черчилль без крайней нужды воевать против СССР не собирались. Зачем, если главное уже было сделано? А уступки в Ялте... Главное сделано — в мелочах можно и уступить.

На протяжении последних двух столетий «рабские», «полурабские» и «рабско-контрреволюционные» правители России, Германии и других находившихся на определенных стадиях социально-экономического развития стран допускали одну и ту

же ошибку, недооценивая способности капиталистических демократий к сопротивлению и принимая нежелание браться за оружие без крайней необходимости (естественное как для самих народов, живущих благополучно, так и для их правительств, вынужденных в условиях демократии считаться с настроениями граждан) за «трусость» и «неумение воевать». Перечислим хронологически только основные ошибки такого рода.

1853 г. — Николай I относительно Англии и Франции («эта Англия с ее буржуазным парламентом едва ли сможет вести войну»); результат — поражение в Крымской войне.

1914 г. — Вильгельм II относительно Англии: план «войны до осеннего листопада за 8 недель» был построен в основном на том предположении, что на суше воевать придется в основном против русских и французов; результат — затяжная война, бесперспективная для Германии, каковой она стала благодаря участию Англии.

1917 г. — Вильгельм II относительно США («это такой же слабый противник, как Румыния», как заявил один из проправительственных партийных лидеров в рейхстаге); поэтому после выхода из войны России кайзер считал победу над Антантой уже одержанной; результат — полное поражение Германии в кампании 1918 г., в которой решающую роль сыграли американские войска.

1940 г. — Гитлер относительно Англии и США. А с учетом всего сказанного можно сделать вывод, что тогда же такую же ошибку совершил и Сталин.

1950 г. — Сталин относительно США. Блицкриг в Корее в результате непредусмотренного «вождем народов» вмешательства американцев превратился в трехлетнюю войну, кончившуюся ничем.

Впрочем, и все вообще советские правители на протяжении всей «холодной войны» полагали, на основании тех или иных сделанных Западом усту-

пок, что Запад будет уступать и далее — до полной капитуляции. Чем это кончилось, известно.

Так вот, Сталин ошибся относительно Запада в 1940-м (вместе с Гитлером) и в 1950-м. Но не в 1945-м.

Кстати, здесь опять нелишне вспомнить, что в начале 1945 г. Черчилль обратился за помощью к Сталину уже после того, как немецкое наступление в Арденнах было остановлено. Зачем? Уж не осознавали ли они с Рузвельтом того, что лучше сразу ликвидировать советскую угрозу, чем жить в страхе перед ней долгие десятилетия? А склонить общественное мнение Запада к войне против СССР можно было только одним способом — если бы СССР сам напал. Не толкал ли Черчилль Сталина к подобному шагу демонстрацией своей мнимой слабости? Помните, у Сунь Цзы: «Если ты слаб, покажи силу. Если ты силен, покажи слабость. Горе тому, кто обманулся!»

Сталин, однако, не обманулся. Точнее, почти не обманулся. Мы уже ставили вопрос: почему Сталин поддался на просьбу Рузвельта и Черчилля и начал Висло-Одерскую операцию на восемь дней раньше — 12 января 1945 г. вместо 20-го? Возможно, решил, что при таком ускоренном наступлении ни Гитлер, ни союзники не успеют помешать его воздушно-десантной операции (напомню, что разграничение Германии на зоны оккупации было установлено только в Ялте в феврале, до этого сам собой подразумевался принцип: кто что первым займет, то и его). Если так, то Сталин допустил серьезный тактический просчет и в результате ни Западной Германии, ни Северной Италии, ни Скандинавии так и не получил.

Тем не менее он проявил достаточно стратегической мудрости, нежелание Рузвельта и Черчилля конфликтовать с ним без крайней необходимости за полную слабость и беспомощность не принял и Тре-

тью мировую войну не развязал. Правда, от конечно-го краха СССР это все равно не спасло...

И последний вопрос: а останься Рузвельт жив к концу войны, убил бы его Сталин?

Не знаю. Вопрос остается открытым.

Сталин понял, что проиграл. Но понял ли, кому?

Глава XXXIX

КТО НАЧАЛ «ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем!

(А.А. Блок, 1918)

Мы вам покажем кузькину мать!
Мы вас закопаем!

(Н. С. Хрущев, 1960)

Десятки лет нам внушали: это сделал Черчилль своей речью в университетском городке Фултоне 5 марта 1946 г. Многие россияне (если не большинство) еще и сейчас в это верят.

Давайте, однако, разберемся. Начнем с самого элементарного: а кто такой Уинстон Черчилль, чтобы начать войну? Как известно, британские консерваторы потерпели поражение на парламентских выборах в июле 1945 г., и Черчилль вынужден был уехать прямо с Потсдамской конференции, где его сменил новый премьер — лейборист К. Эттли. Таким образом, Черчилль на 5 марта 1946 г. был частным лицом. Далее, Фултон, как известно, находится не в Британии, а в США. Так вот: как речь частного лица перед студентами чужой страны могла начать войну, хотя бы и «холодную»?

Но допустим, что Черчилль был одновременно премьером Британии и президентом США и его речь была произнесена на совместном заседании Палаты Общин британского Парламента и Палаты Представителей американского Конгресса. О чем говорил

Черчилль? Насколько мне известно, о том, что СССР хочет захватить весь мир и установить мировое господство коммунистов. А разве было не так? Или СССР это хотя бы скрывал?

О том, что в начале 1945 г. в окружении Сталина обсуждался вопрос о нападении на союзников, мы уже говорили. Но ведь не только это имело место.

Была агрессия против Синьцзяна начиная с августа — сентября 1944 г., т.е. когда СССР и Китай числились союзниками по антигитлеровской коалиции.

Была попытка разжечь коммунистическую «революцию» в Греции начиная с октября 1944 и по 1949 г.

Летом 1945 г. на парламентских выборах в Польше победила партия сельских хозяев Миколайчика (аналог наших эсеров в начале XX в.), после чего лидеров этой партии просто пересажали, а правительство Польши постепенно прибрали к рукам коммунисты. (Как похоже на нашу историю с Учредительным собранием!)

Была уже упоминавшаяся передача отвоеванной у японцев Маньчжурии китайским коммунистам — вопреки советско-китайскому договору от 14 августа 1945 г.

Это не говоря о том, что было до 1941 г. — та же Польша, Финляндия, Прибалтика, Румыния, ставшие жертвами сталинской агрессии в 1939–1940 гг. Это не говоря о планах операции «Гроза» в 1941 г. Это не говоря о попытках экспорта революции в самые разные страны с 1920 г. (если не с 1918-го — см.: *Суворов В. Последняя республика*. С. 48–51). И это все на фоне Декларации об образовании СССР от 30 декабря 1922 г., где прямо заявлялось о распространении СССР на весь мир (насколько мне известно, это положение до самого распада СССР так никем никогда и не было отменено). Это на фоне постановления XVII съезда ВКП(б) о том, что ЦК партии имеет полномочия во всякий момент разорвать любые со-

глашения с буржуазными и империалистическими государствами» (тоже никогда не отмененного ни КПСС, ни нынешней КПРФ, которая провозгласила себя ее преемницей). И разве не именно так поступил СССР с Японией, 5 апреля 1945 г. в одностороннем порядке денонсировав Пакт о ненападении от 13 апреля 1941 г., который Япония в самые тяжелые для нас 1941–1942 годы соблюдала? Это на фоне вышедшего в конце 1938 г. «Краткого курса истории ВКП(б), где черным по белому было написано, что полная победа «социализма» возможна в одной стране, но окончательная — только в мировом масштабе.

Ну, и высказывания, подобные тем, которые послужили к этой главе эпиграфом, в нашей стране употреблялись неоднократно. Когда в 1984 г. Рейган обозвал СССР «империей зла» и пообещал с ним покончить, это вызвало у нас взрыв возмущения. А между тем он всего лишь повторил то, что советские вожди говорили про Запад на протяжении десятков лет.

Если один человек обчищает одну квартиру за другой, собирается обчистить еще больше, по возможности — весь город, и при этом даже этого не скрывает, а другой публично называет его вором, то кто из них двоих преступник?

Глава XL

КОГДА КОНЧИЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

«Холодная война» есть продолжение горячей войны другими средствами.

(несколько перефразированный Клаузевиц)

В 1990 г. прочел я в одной газете (к сожалению, не запомнил, в какой) статью о том, что, вообще-то, Вторая мировая война не кончилась в 1945 г., а просто пере-

шла из «горячей» фазы в «холодную» и только сейчас (дело было летом 1990 г., до саммита 19–21 ноября 1990 г. в Париже, на котором об окончании «холодной войны» было объявлено официально) близится к завершению.

Как-то забыл я об этой статье. Но тут пошли одна за другой книги Виктора Суворова, и вот в «Ледоколе» прочитал я о том, что Ленин заговорил о Второй мировой войне еще в 1916 г. (Ледокол. 2002. С. 13–14), а затем в «Последней республике» — о том, что первую попытку развязать Вторую мировую войну коммунисты предприняли зимой 1918–1919 гг., сразу после окончания Первой мировой войны (С. 48–50).

Стал разбираться — и действительно нашел шесть (по крайней мере) попыток коммунистов завоевать мировое господство.

Попытка первая — 1918–1923 гг. Сопровождалась попытками экспорта революции в Германию (1918–1919, 1920, 1923), Польшу (1920), Иран (1920–1921), планами походов в Европу и Индию, несколько позднее — в Китай (1925–1927) и Афганистан (1929).

Попытка вторая — начало 1920-х — 1941 г. — связана с Германией как «ледоколом мировой революции». На этой попытке подробно не останавливаюсь — о ней и так много написано, в том числе и в этой книге.

Попытка третья — 1945 г. Достаточно подробно описана в XVII–XX главах этой книги, на ней тоже останавливаться не будем.

Попытка четвертая — начало 1950-х гг. Была начата война в Корее, которая, по замыслу Сталина, должна была перерасти в Третью мировую. Подготовка к войне шла полным ходом до самой смерти Сталина.

Попытка пятая — 1962 г. Путем ядерного шанта-

жа Хрущев пытался заставить США смириться с присутствием советских ракет на Кубе. Если бы США тогда проявили уступчивость, неизвестно, каковы были бы дальнейшие требования СССР к США, в частности, и к Западу, вообще.

Попытка шестая — с 1979 г. Ввод войск в Афганистан был первым шагом на пути к нефти Персидского залива. Захватить арабскую и иранскую нефть (вместе с нефтью самого СССР это составляло почти 90% всей мировой добычи) — и после этого можно диктовать Западу условия. По крайней мере, Запад это так и понял. Там сразу же пришли к власти сторонники жесткой конфронтации с СССР. От последнего же отвернулись даже такие традиционные друзья, как Индия. К началу «перестройки» СССР оказался в полной международной изоляции.

Кстати, и резкая активизация войны советских коммунистов против собственного народа приходится, как правило, именно на эти же годы; в подтверждение просто перечислим периоды такой активизации.

Первый — 1917–1921 гг. По-моему, не требуется напоминать о том, что в эти годы происходило.

Второй — 1929–1933 гг. Напоминание опять же не требуется, однако это едва ли не единственное внутрисполитическое обострение, не сопровождавшееся обострением внешнеполитическим. И понятно почему — пока было не до глобальной войны, надо было подготовить для нее экономическую и политическую базу, а для этого провести коллективизацию, индустриализацию и помочь Гитлеру прийти к власти.

Третий — 1937–1941 гг. Комментарии излишни.

Четвертый — 1948–1953 гг. Резкое усиление репрессий после некоторого послабления первых послевоенных лет; насаждение национал-шовинизма

путем «борьбы с безродными космополитами», депортации целых народов, введение невиданных ранее 25-летних лагерных сроков, в январе 1950 г. — восстановление отмененной было в 1947 г. смертной казни.

Пятый — 1959–1963 гг. «Вторая коллективизация» — ликвидация подсобных хозяйств колхозников. При Сталине, хотя и перестали экспортировать зерно, но хоть без импорта обходились, а с 1963 г. ввозить пришлось. Одновременно в начале 1960-х гг. ужесточился режим в лагерях после ослабления его в 1954–1956 гг.

Шестой — 1982–1985 гг. Прервано в самом начале болезнью и смертью Андропова, потом неразберихой в высшем руководстве и, наконец, началом «перестройки». Что было бы, если бы ход событий был иным, сказать трудно, но очевидно, что частичная хрущевско-брежневская либерализация при сохранении основ советского строя к 1980-м гг. себя исчерпала; надо было либо кардинально реформировать систему, либо завинчивать гайки. Во всяком случае, в 1983–1985 гг. слухи ходили самые страшные — сам помню.

Ну и, конечно, всякое внешнее или внутреннее обострение сопровождалось ором о том, что «империалисты вот-вот на нас нападут». То есть об «империалистической угрозе» у нас кричали всегда, но особенно громко — именно в 1917–1923, 1929–1933, 1937–1941, 1948–1953, 1959–1963, 1979–1985 годах.

Как мы видим, собственно Вторая мировая война 1939–1945 гг. принципиально не выпадает из длинного ряда попыток завоевания мирового господства, отличаясь от них лишь чудовищным количеством жертв (впрочем, 1917–1923 гг. могут поспорить с 1937–1945 годами и в этом). Так что же, можно говорить о Второй мировой войне 1918–1990 гг.? Похоже на то.

КТО И КАК СЛОМАЛ МЕЧ ИМПЕРИИ

Америка держит нас за горло одной рукой, а второй работает; а мы ее держим за горло двумя руками, а для работы рук не остается.

(Н. С. Хрущев, 1960)

«Агенты влияния Запада, развалившие СССР изнутри», — так ничтоже сумняшеся отвечают на этот вопрос доморощенные «коммуно-патриоты». И непонятно, как же это система, которая по всем их (коммунистическим) законам истории должна была победить, проиграла из-за того, что кто-то там не тот, кто надо, «пробрался» к руководству. Вся предшествующая история человечества таких примеров не знает, да и с точки зрения материалистического взгляда на историю так в принципе быть не может.

Чтобы понять механизм проигрыша «холодной войны», вспомним некоторые цифры и факты. Начнем с организации Вооруженных сил.

Правильный подход к военному строительству заключается не только в том, что армия мирного времени не должна превышать 1% населения. Военной техники в мирное время тоже должно быть немного, зато она должна быть новейшей, последних образцов, и регулярно обновляться. А уж когда начнется война, тогда все заводы, какие можно, переходят на выпуск военной продукции и новейшую на данный момент боевую технику начинают производить потоком. А то, если в мирное время много танков наделать, они через несколько лет устареют, и куда тогда их девать?

Сталин, надо признать, понимал это. Одной из причин нелюбви Сталина к Тухачевскому, окончившейся расстрелом последнего, было то, что Тухачевский предлагал в 1927 г. произвести (немедленно, за один только 1928 год!) 100 000 (сто тысяч!) танков. В 1927 г. никакой войны не ожидалось, а к началу

1940-х гг. эти танки безнадежно устарели бы... (Суворов В. Очищение. С. 200–232).

А вот послевоенный Сталин был уже не тот, чтобы жестко противостоять разросшейся советской номенклатуре. Как только он замыслил в начале 1950-х гг. новую чистку, сопоставимую с 1937 годом, так как-то подозрительно быстро умер. Хрущева, попытавшегося покуситься на привилегии номенклатуры, сразу скинули. Ну, а уж Брежнев сидел смирно, потому и умер своей смертью на посту Генерального секретаря.

Но ведь военная номенклатура тоже разрослась. И ей тоже нужны были новые дивизии, корпуса, армии — для новых должностей. И номенклатуре ВПК нужны были новые танки... И вот клепала наша военная промышленность танки десятками тысяч. К концу 1980-х гг. у СССР было 67 000 танков; у всего остального мира — 63 000.

Но ведь танки имеют нехорошее свойство лет через 10 (максимум) устаревать. И надо их заменять новыми. Но заменить новыми, скажем, 7000 устаревших танков — это одно, а 67 000 — совсем другое. Какая экономика это выдержит? Их не заменяли, и процент устаревших танков в Советской Армии возрастал от десятилетия к десятилетию. «Результат — мы побеждаем сами себя. После великих побед, после десятилетий без войны мы вдруг осознаем, что оказались в побежденной стране. Мы вдруг осознаем свою отсталость во всех областях. И самое удивительное — отсталость в области вооружений. Казалось бы, ведь все на вооружение отдавали...» (Там же. С. 220–221).

Впрочем, если бы советская экономика в целом была сопоставима с западной, может, и обошлось бы. Но вот статистика, относящаяся к последним 15–20 годам существования СССР. По официальным советским данным, наше промышленное производство в 1975 г. составляло 75% от американского, в 1980-м — «около 80%», а в 1985 г. — «более 80%». Однако получалась эта цифра так: американская промышленная про-

дукция считалась в долларах, советская — в рублях, при этом доллар принимался за 60 копеек. Фактически же доллар стоил в 1975 г. четыре рубля, в 1980 г. — пять, а в 1985 г. — целых семь. Путем несложных подсчетов можно вычислить, что в 1975 г. советское промышленное производство составляло 11,25% от американского, в 1980 г. — 9,6%, а в 1985 г. — 6,86%. Для сравнения, царская Россия в 1913 г. производила более 7% от промышленной продукции США, хотя была страной по преимуществу сельскохозяйственной. В сельском хозяйстве и инфраструктуре соотношение было еще более неблагоприятным для СССР.

И здесь речь идет только о США, без учета их западных союзников. Кстати, «второе место СССР в мире по производству промышленной продукции» получалось у советских статистов таким же образом; фактически же СССР занимал в 1985 г. седьмое место, уступая не только США, Германии, Англии и Франции, как царская Россия, но и Японии и Италии, а к концу 1989 г. в затылок дышали Испания и Канада (*Селюнин В.* Черные дыры экономики // Новый мир. 1989. № 10. С. 153–178).

Но и этого мало. В конце 1970-х гг. начались экономические реформы в Китае, который еще раньше стал союзником США. Простые советские люди по инерции в первой половине 1980-х гг. еще рассказывали про Китай пренебрежительные анекдоты вроде: «Поддержка действий китайской армии военно-морским флотом отменяется: гребцы взбунтовались», но советская верхушка (более здравомыслящая ее часть) уже заметила тенденцию к возникновению нового экономического гиганта, готового открыть «второй фронт» противостояния с СССР.

При таком соотношении очевидно, что поддержание СССР военного паритета с США сильно напоминало описанное Ильфом и Петровым гардеробное соревнование Элочки-людоедки с миллиардершей Вандербильт; однако там соревнование было «в одни ворота», поскольку американка и не подозревала

о существовании соперницы. А представим, что Эллочка чем-то досадила миллиардерше, и та решила разорить ее непосильными расходами на гардероб. Именно это и произошло в советско-американских отношениях на рубеже 1970–1980-х гг. после советского вторжения в Афганистан.

За 1980-е гг. США увеличили военные расходы с 4% ВВП до 9%; СССР, чтобы угнаться за ними, должен был увеличить свои военные расходы соответственно с 33% до 56% ВВП. Кроме того, США и их союзники, используя свое влияние в ОПЕК (да и сама ОПЕК после советского вторжения в Афганистан не очень этому противилась), сумели в 1983–1984 гг. добиться увеличения квот на экспорт нефти и, соответственно, снижения цен на нефть — с 70 долларов за баррель в 1978 г. до 10 в 1986 г.

Одним словом, результат этого у нас перед глазами — проигранная «холодная война» и разрушенная сверхдержава.

Но не только в этом дело. Стремление к борьбе за мировое господство и вытекавшая из этого милитаризация страны привели к тому, что советское правительство вынуждено было превращать Россию в современное государство, создавать промышленность, науку, повышать культурный уровень народа. Практически все реальные достижения советской эпохи — это побочный результат милитаризации страны (кстати, и частичная деиндустриализация 1990-х гг. имела ту же причину: столько оружия новой России оказалось не нужно, а конверсия оказалась не таким простым делом, как думали).

Одним словом, за XX век Россия превратилась из страны на 80% сельской и на три четверти неграмотной в страну на 70% городскую и поголовно грамотную; а это предопределило и превращение в будущем России в современное капиталистическое государство. Пролетариат, в котором коммунисты видели «могильщика буржуазии», стал могильщиком их са-

мих, поддержав интеллигенцию в начатой ею антикоммунистической революции 1989–1991 гг. И на президентских выборах 1996 г. именно промышленные регионы проголосовали за Ельцина, тогда как сельская глубинка отдала предпочтение Зюганову.

Так что Ленин, Троцкий, Сталин знали, что делали, когда готовили войну за мировое господство и стремились ее не откладывать надолго. Индустриализация и урбанизация страны и культурная революция сами по себе, даже без контактов с Западом, создавали предпосылки для крушения коммунизма. Именно поэтому Сталин торопил с началом войны в начале 1940-х, а затем в начале 1950-х годов. А вот Трумэн в 1951 г. отстранил от командования в Корее Д. Макартура, который предложил перенести войну из Кореи в Китай. Логика та же, только с другой стороны фронта: время работает против СССР, чем дольше оттягивать решающее столкновение, тем благоприятнее для нас, тем меньшей ценой достанется победа (а может, и вовсе без войны победим). Все годы своего президентства Трумэн исходил из этой установки и в таком же духе напутствовал другого генерала, который 20 января 1953 г. сменил его на президентском посту — Эйзенхауэра.

Глава XLII

ЕЩЕ РАЗ О ГОТОВНОСТИ К ВОЙНЕ

Готов к войне не тот, кто громогласно об этом заявляет, а тот, кто вступает в войну последним и выигрывает ее, разделив своих противников и столкнув их лбами.

(В. Суворов. «Ледокол»)

А теперь еще раз зададимся вопросом: кто был готов к войне, а кто нет?

О неготовности к войне Гитлера уже много написано тем же В. Суворовым (см.: Самоубийство). О готовности Сталина к войне с Гитлером — тоже

(Последняя республика. С. 121–165 и т.д.). А если рассматривать Вторую мировую войну как борьбу между СССР и США – как быть тогда? Кто лучше подготовился к этой войне?

С точки зрения традиционной, можно процитировать слова самого Сталина о том, что «агрессивные нации бывают лучше готовы к войне, чем миролюбивые». Говорилось это осенью 1944 г., Америка еще была союзником СССР, поэтому Иосиф Виссарионович в качестве примера «неготовой к войне миролюбивой страны» выставил именно ее. Неготовой, естественно, не к войне с СССР (который, по Сталину, тоже был «миролюбивый» и «к войне не готовился»), а к войне с агрессивной Японией (*Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза*. С. 166–167).

Так вот, с этой традиционной точки зрения ответ на вопрос вроде бы очевиден. Вспомним титаническую подготовку к войне СССР в 1920–1930-х гг. и практически полное отсутствие такой подготовки в США до 1940 г. Вспомним подавляющее превосходство СССР в 1941 г. в сухопутных вооружениях и весьма значительное — в авиационных. Вспомним, наконец, начало войны (1941–1942 гг.). СССР терпел в начале войны поражения, поскольку готовился не к обороне, а к наступлению (см. еще раз работы Виктора Суворова). А США – к чему они готовились? Явно не к наступлению, но и к обороне от Японии зимой и весной 1941–1942 гг. они были не очень-то готовы!

Однако «цыплят по осени считают, готовность к войне — по результатам... Можно бесконечно выискивать новые факты и цифры, но результат войны покрывает все плюсы и минусы у обоих участников» (*Суворов В. Последняя республика*. С. 123–124). Давайте сравним положение СССР и США осенью 1945 г., потом вспомним, что говорилось о том, что с этого момента поражение СССР в начинавшейся

«холодной войне» стало лишь вопросом времени, затем сопоставим положение СССР и США к концу этой самой «холодной войны» и спросим еще раз: кто же лучше подготовился к войне?

Да, СССР сохранил к 1945 г. военное превосходство над Западом (хотя намного меньшее, чем в 1940–1941 гг., и только в сухопутных войсках) и сохранял его еще долго. Но на войне воюет не только армия, а вся экономика в целом; о соотношении советской и западной экономик мы уже говорили. Готовность к войне — не в том, чтобы в мирное время навооружаться сверх всяких разумных пределов, а в том, чтобы в случае войны (в том числе, и в первую очередь, войны затяжной) снабжать армию всем необходимым и развертывать военное производство.

Та же Германия в 1914 г. была вооружена намного лучше своих противников. Ее армия была самой сильной в Европе. Но вот сокрушить всех врагов «до осеннего листопада» не удалось, война затянулась, и что с Германией стало?

Так и СССР. Готовился небывалый по мощи первый удар. Но вот немцы (противник, в принципе к затяжной войне не способный) этот удар сорвали, война стала затяжной, и что же? СССР устоял только благодаря поставкам союзников. А с самими США воевать так и не решился. Так кто же был готов к войне?

Да, СССР всех превосходил своей военной мощью в 1939–1945 гг. Но много ли надо ума для этого, если вся экономика страны задолго до 1939 г. была перестроена на военный лад? Если авиационная и судостроительная промышленность, по крайней мере с 1935 г. производила только военную продукцию (*Суворов В. День-М. С. 80–85*) и т.д.

А вот США до 1940 г. вроде бы никакого внимания военным вопросам не уделяли (исключение — военно-морской флот, тут еще с конца XIX в. многое

делалось). Но вот началась война — и за три-четыре года были созданы «из ничего» огромные вооруженные силы, мощнейшая авиация, танковые войска усилились на несколько порядков (к 1945 г. в этой отрасли догнать СССР не удалось, но время явно работало на США и тут).

Вот это — готовность к войне.

И еще один момент. В. Суворов пишет, что для того, чтобы убедиться в эффективности (или неэффективности) системы, надо посмотреть на нее в отсутствие лидера. Вот, говорит он, умер Александр Македонский, и развалилась его империя. А в империях Петра I и Наполеона в их отсутствие, по их же собственным словам, творились одни глупости. То ли дело Сталин! Он-то мог отлучаться куда угодно и был спокоен за тех, кого оставлял вместо себя «на хозяйстве» (Самоубийство. С. 134–135).

Позволю себе, однако, заметить: империя, созданная Сталиным, не очень-то надолго его пережила. Югославия фактически обособилась еще при его жизни. Десяти лет не прошло с его смерти, как отделились Китай и Албания. Во второй половине 1960-х отпала Румыния. А вся Империя не просуществовала после Сталина и сорока лет. Ну-ка, кто хорошо знает историю: сколько просуществовала империя Александра Македонского после его смерти?

А вот то, что имела Америка к моменту смерти Рузвельта, существует и по сей день, шестьдесят с лишним лет. И не только существует, но и усиливается. Да, не все было гладко, были провалы и неудачи (крупнейшая — во Вьетнаме). Однако с 1945 г. Америка намного укрепила свои позиции в мире и стала пусть не единственной сверхдержавой (вторая — Китай), но признанным мировым лидером. И сейчас у американцев не все безоблачно, но в обозримом будущем мировыми лидерами останутся они.

Вот это — эффективность.

ЧТО ДАЛЬШЕ?

А теперь скажем несколько слов о месте России в новом мире. Коль скоро у нас имели место те же процессы, что и в Германии в 1933–1945 гг. («рабская контрреволюция» или «консервативная революция»), то с Германией логично и сравнить.

После пяти с половиной лет своего участия в войне тоталитарная национал-социалистическая Германия потерпела полное поражение, была оккупирована, на четыре года (1945–1949) прекратила свое существование как государство, а затем еще на 40 лет (1949–1989) оказалась разделенной на ФРГ и ГДР.

После 70 лет своего участия во Второй мировой войне тоталитарный интернационал-социалистический Советский Союз потерпел полное поражение, прекратил свое существование и оказался разделенным на 15 независимых государств.

Начиная с 1990 г. только ленивый, кажется, не проводил подобных сравнений. Последняя попавшаяся автору подборка статей на эту тему увидела свет на страницах «Независимой газеты» 16 мая 2001 г. И возразить тут, в общем, можно немного. Но уж если взялись сравнивать, неплохо было бы довести сравнение до конца, экстраполировать его в будущее и вспомнить, как немцы отнеслись к послевоенному устройству Германии.

Да, Германия покаялась за преступления нацистов и очистилась от скверны тоталитаризма. Да, немцы примирились с потерей Силезии, Померании, Восточной Пруссии и других совсем отошедших от Германии к другим странам территорий. Однако к расчленению на два государства Германия отнеслась совсем иначе. Немцы признали раздел страны как данность, однако заявили при этом (правда, не сразу), что считают его несправедливым и оставляют за

собой право, если представится такая возможность, на мирное воссоединение страны. Как известно, такая возможность представилась в 1989–1990 гг., и 3 октября 1990 г. Германия стала единым государством.

А как же мы? Прежде всего, если мы хотим для себя демократического и цивилизованного будущего, то нам необходимо, естественно, отказаться от попыток имперской реставрации; однако при этом необходимо сначала определиться: где кончается собственно Россия и где начинается ее империя? Насколько мне известно, до сих пор этот вопрос никто даже и не ставил. Не советские же межреспубликанские границы, проведенные непонятно кем и непонятно как, считать справедливыми и окончательными! Давайте спросим себя: есть ли среди отпавших в 1991 г. территорий такие, по отношению к которым страна должна занять позицию, аналогичную позиции ФРГ в отношении ГДР? Проще говоря, с чем можно сравнить Российскую Федерацию в нынешних границах — с ФРГ 1949–1990 гг. или с нынешней единой Германией?

Германский рейх в границах 1937 г. занимал 470 тыс. км²; ФРГ — территорию в 248 тыс. км², а нынешняя объединенная Германия составляет 356 тыс. км² — немного более трех четвертей бывшего Третьего рейха. В этом смысле Российская Федерация может быть сравнима именно с объединенной Германией, она занимает 17,4 млн км² — то есть тоже немногим более трех четвертей территории бывшего СССР.

Германия, однако, более или менее равномерно населена, как и практически вся Европа. О Советском Союзе и о нынешней России этого не скажешь: с населением у нас — где густо, а где пусто. Поэтому скорее бы надо считать не по территории, а именно по населению. Так вот, население Российской Федерации — это почти ровно половина населения бывшего

СССР; так что сопоставима нынешняя Россия именно с ФРГ 1949–1990 гг.

Однако позволительно спросить: а можно ли вообще так ставить вопрос? Применим ли к населенным конкретными живыми людьми и целыми народами такой механистически-арифметический подход? Причем речь идет о территориях, населенных народами, мягко говоря, сильно отличающимися от русских и вообще от россиян; самое же главное — далеко не все из этих народов настроены на сближение с Россией?

Вопрос не праздный; потому с этого — с вопросов о возможностях интеграции с Россией — и представляется целесообразным начать. Российское государство создавалось не сразу и не одинаково. Одни народы вошли в его состав добровольно, другие — насильственно. Одни народы оказывались способны сосуществовать мирно, дружно и взаимовыгодно (у специалистов-этнографов это называется «симбиоз») с переселявшимися на их территории русскими (а также украинскими, белорусскими и немецкими) колонистами, другие — нет. Как правило, именно первые народы в наши дни настроены снова сблизиться с Россией, а вот вторые, наоборот, все больше от нас удаляются.

Так вот, к первым среди стран СНГ относятся Белоруссия, Казахстан, Киргизстан и — за вычетом крайних «західников», враждебных «москалям» и настроенных скорее пропольски (так называемой Галичины) — Украина. Из этих стран и народов и сложилось исторически так называемое Евразийское единство восточнославянских и степных народов. А в самой России в то же время имеются (на Северном Кавказе) несколько народов, явно к единству с Россией не стремящихся. Так вот, кстати, именно эта «Евразия» составляет (по населению) примерно три четверти бывшего СССР (220–230 млн из 300) и именно она в этом смысле вполне

может сравниться с нынешней объединенной Германией.

В общем, по-моему, есть резон для России относиться к этим государствам примерно так же, как Западная Германия относилась к Восточной: оставить за собой право на мирное, добровольно-договорное воссоединение с другими странами Евразийского единства в случае появления условий для такого воссоединения.

Кстати, в одном из номеров «Нового Времени» (за 16 декабря 2001 г.) Денис Драгунский пишет: если бы Россия не завоевала Среднюю Азию и Кавказ, то три восточнославянских народа составляли бы 80% населения страны, и тогда появился бы шанс интегрироваться в единую нацию. Так вот, в пределах Евразийского единства русские, украинцы и белорусы составляли (по последней общесоюзной переписи 1989 г.) 84,1% населения. Как говорится, информация к размышлению. Лучше интегрироваться в единую российско-евразийскую нацию поздно, чем никогда.

Но вот что интересно: практически в это же время, когда завершилось собирание евразийских земель под властью России, Бисмарк провел объединение Германии. Хотя про это объединение и говорили, что оно было осуществлено «железом и кровью», но фактически насилие применялось только к препятствовавшим объединению страны внешним силам (Австрия, Франция и т.д.); примерно так же было и при объединении евразийских народов Россией (за исключением казанских татар, которые вошли в состав нашей страны не добровольно), тогда как неевразийские народы пришлось завоевывать ценой крови, иногда очень большой.

Кстати, дальнейшая история России и Германии до 1945 г. — это вообще сплошная историческая аналогия. Реформы Александра II и реформы Бисмар-

ка, контрреформы Александра III — Победоносцева и бисмарковская же реакция 1880-х гг., Вильгельм II и Николай II, Февральская и Ноябрьская революции, Временное правительство и Веймарская республика, наконец, Сталин и Гитлер.

Можно сравнить и имперское прошлое наших стран. В истории Германии было три «рейха» — первый (средневековая «Священная Римская Империя германской нации»), второй — кайзеровский и третий — нацистский. На этом имперская эпоха в Германии кончилась и наступила эпоха постимперская и демократическая. Может, и нам, россиянам-евразийцам, пора? У нас ведь тоже три империи были и уже кончились — первая (гунны, IV–V века), вторая (татаро-монголы, XIII–XV века) и третья (Российско-Советская). Очевидно, и мы лимит на империи исчерпали.

На это могут, однако, возразить: Германия (как и еще одна разбитая в том же 1945 году страна — Япония) смогла возродиться как великая держава, а потом и воссоединиться только потому, что США способствовали этому для создания противовесов СССР в начинавшейся «холодной войне». А есть ли у нынешнего Запада резон способствовать такому же усилению России? Имеется ли такой противник, против которого стоило бы дружить с нашей страной?

Такой противник уже виден невооруженным глазом. Это не кто иной, как пресловутый Китай — один из главных победителей СССР в «холодной войне», ныне — мощная страна, по сути, уже новая сверхдержава, набирающая силу буквально на наших глазах. При этом Китай не скрывает своих претензий на ряд территорий как самой России (сибирские земли, по крайней мере, до Байкала), так и Казахстана и Киргизии (минимум до Караганды).

В последнее время наметилась тенденция к конфронтации между Китаем и США. Кое-кто поспешил

заявить о новом противостоянии двух сверхдержав, а положение России между США и КНР в этом смысле уже успели сравнить с положением той же послевоенной Германии между СССР и США. Напомним, кстати, что сразу после Второй мировой войны Запад отнюдь не желал восстановления сильной Германии. Планировался, например, полный демонтаж предприятий германской тяжелой промышленности с оставлением за немцами права заниматься только легкой промышленностью и сельским хозяйством (как выразился Черчилль, предполагалось «превратить Германию в картофельное поле Европы»). Однако вскоре выяснилось, что такое «картофельное поле» станет воротами на Запад для советской экспансии в условиях уже начинавшейся Третьей мировой войны, которая в 1940–1960-х гг. в любой момент могла превратиться из «холодной» в «горячую».

А ведь и слабая Россия вполне может стать воротами для экспансии на Запад отнюдь не дружественных последнему сил. Речь идет (на данный момент) в первую очередь о Китае. В самом деле, представим себе, что китайцы захватили российский Дальний Восток. Не очень-то уютно, думаю, будет Америке, если ее от Китая станет отделять не Тихий океан, а всего лишь Берингов пролив.

Что же, надо использовать выгоды такого положения, как использовала их Германия, только и всего. Тем более что у нас перед Германией есть, по крайней мере, одно преимущество: ни одна часть Евразийского пространства не попала пока что в сферу влияния Китая (но, может, кстати, и попасть, если мы не спохватимся вовремя), как после 1945 г. четверть Германии попала под влияние СССР, что и затянуло воссоединение страны на 40 лет. У нас есть шанс сделать это быстрее!

**ИСТОРИЯ ВОЙНЫ,
КОТОРАЯ БЫЛА**

А история Второй мировой войны в нашей стране так до сих пор и не написана. Ни в «хрущевском» шеститомнике, ни в «брежневском» двенадцатитомнике объективной информации о войне нет. В. Суворов перечисляет: из этих произведений неясно, сколько было в Красной Армии в 1941 г. армий, механизированных и воздушно-десантных корпусов, где они (и все другие войска) на 22 июня 1941 г. находились, какая их часть была полностью укомплектована... ну и так далее, примеры можно продолжать бесконечно. Единственное, что из шеститомника можно понять — «войну выиграл Хрущев» (Самоубийство. С. 20–28). А «брежневский» двенадцатитомник получился еще смешнее. Достаточно сказать, что там ничего не говорится о репрессиях против военных в 1937–1938 гг. Ну и, конечно, «войну выиграл Брежнев». А из горбачевской попытки написать десяти томную историю войны вообще вышел пшик — ничего не написали, хотя подписчики внесли деньги на первые два тома, которые должны были выйти в 1991 г.

В общем, чем дальше, тем хуже: брежневский двенадцатитомник (1973–1982 гг.) хуже хрущевского шеститомника (1960–1966), а из горбачевского десяти томника (начали создавать в 1988 г., закончить планировалось к 1995-му, к пятидесятилетию Победы) вообще ничего не вышло. «Стыд-позор: все агрессоры историю войны давно написали... А у нас не вырисовывается. Не вытанцовывается. Не выплясывается», — заключает В. Суворов и предсказывает: историю войны, которую называют Великой Отечественной, написать никогда не удастся (Там же. С. 35–36).

А если попытаться написать историю другой войны? Той, которую, как доказывает Суворов, начал СССР

и которую, как в этой книге доказывается, выиграли США? Попробую предложить свой проект «Истории Второй мировой войны» — проект двадцатитомника с основной идеей «войну выиграл Рузвельт».

Том I. Создание очага войны (1917–1929). Прежде всего коммунистам надо было захватить отдельно взятую страну и превратить ее в плацдарм «мировой революции». Вот этим они в России все эти годы занимались; об этом — первый том.

Том II. Ледоколы (1930–1934). В это пятилетие необходимо было провести коллективизацию и индустриализацию, иначе воевать нечем было бы. Но главное — надо было создать «ледоколы» для развязывания войны чужими руками. Надо было помочь Гитлеру прийти к власти, ну и помощь Германии по части подготовки к реваншу резко усилить. И с Японией отношения надо было налаживать — ее уже тогда прочили на роль дальневосточного ледокола.

Том III. На военные рельсы (конец 1934 — конец 1938). Великая чистка в СССР — начало непосредственной подготовки к войне (очищение армии; ну и народ надо было привести в такое состояние, чтобы можно в дальнейшем было выделять с этой страной что угодно и чтобы не пикал никто). Ну, и «ледоколы» подготовкой к войне в это время тоже занимались.

Том IV. Пакт дьявола (январь–август 1939). Все первые восемь месяцев 1939 года ушли на наведение мостов между Москвой и Берлином. А без пакта Молотова — Риббентропа войну бы развязать не получилось.

Том V. «Дружба, скрепленная кровью» (осень и зима 1939–1940). Под разговоры о дружбе и под грохот совместной войны против Польши Сталин ломает барьер из нейтральных стран от Финляндии до Южной Польши, отделяющий его от Германии.

Том VI. Ледокол делает свое дело (первая половина 1940). Гитлер блицкригом покоряет Западную Европу, а Сталин все ближе придвигается к границам его империи. Вторжение Сталина в Бессарабию наконец открывает Гитлеру глаза...

Том VII. «Морской лев» или «Барбаросса»? (вторая половина 1940). Гитлер понял наконец замысел Сталина и готовит превентивный удар, прикрываясь шумной имитацией подготовки к вторжению в Британию. Сталин, со своей стороны, ждет этого вторжения, чтобы начать операцию «Гроза», которую все это время продолжает интенсивно готовить.

Том VIII. В игру вступает Америка (декабрь 1940 — апрель 1941). Рузвельт активно включается в реализацию англо-американского сценария войны. Сталин свои планы вынашивал на дачах; Рузвельт свой сценарий Второй мировой войны выносил во время круиза по Карибскому морю (якобы развлечения с рыбной ловлей) на крейсере «Тускалуза». Как сделать так, чтобы Гитлер и Сталин не просто столкнулись, но чтобы Гитлер первым напал; а главное — как заставить Америку вступить в войну — все эти вопросы Рузвельтом были решены.

Том IX. Три сценария войны (апрель — начало июня 1941). Речь идет о сценариях сталинском (операция «Гроза» после высадки Вермахта в Англии), гитлеровском (план «Барбаросса») и рузвельтовском (сталкивание Гитлера и Сталина лбами в войне, которую начинает Гитлер).

Том X. Кто ударит первым? (июнь 1941). Последние дни перед 22 июня 1941 г., когда решалось, какой сценарий Второй мировой войны реализуется, заслуживают отдельного тома, как и весь этот переломный год (22 июня 1940 — 22 июня 1941) вполне заслуживает четырех томов.

Том XI. 22 июня 1941 года (июнь — сентябрь 1941). События лета 1941 г. тоже можно растянуть на целый том. Как немцам удалось разгромить собранные про-

тив них советские войска? С учетом того, что было написано в главе VIII, эти три месяца хотя бы поэтому заслуживают отдельного тома.

Том XII. Попытка вторая (октябрь 1941 — май 1942). США вступают в войну. Главное событие этого периода — срыв попытки Сталина разгромить Германию и Японию до того, как США соберутся с силами и начнут воевать по-настоящему.

Том XIII. Сталинградская ловушка (май — ноябрь 1942). Сталин провоцирует Германию на наступление на юге с целью заманить в Кавказский котел. Вермахт наступает на Сталинград, а союзники тянут с открытием второго фронта. Они знают: чем дольше затянется война, тем меньше достанется Сталину и тем больше — им.

Том XIV. Сталин окончательно проигрывает войну (ноябрь 1942 — апрель 1943). Перелом в войне с державами «Оси»; США и их союзники начинают первые наступательные операции с целью реализации своих геополитических планов, но при этом Сталин теряет последний шанс на единоличную победу в войне.

Том XV. Начало большого соревнования (апрель — декабрь 1943). Соревнование — это у Сталина с союзниками: кто больше займет из захваченных Гитлером территорий. На Тихом океане союзники также начинают широкомасштабное наступление.

Том XVI. Сталин входит в Европу (первая половина 1944). Советские армии выходят на государственную границу СССР, а Рузвельт и Черчилль спешно готовят открытие второго фронта.

Том XVII. Второй фронт (вторая половина 1944). Грандиозные победы Красной Армии (в первую очередь, операция «Багратион» в Белоруссии — величайшее сражение Второй мировой войны) как-то заслонили основной итог этого периода: США и Британия освободили Западную Европу, закрепились в Китае, а на Тихом Океане окончательно разгромили японский флот, тем самым сделав лишь вопросом вре-

мени капитуляцию Японии именно перед ними, союзниками. Таким образом, именно тогда англо-американский геополитический сценарий был окончательно реализован.

Том XVIII. Конец войны в Европе (январь — май 1945).

Том XIX. Конец войны на Тихом океане (январь — сентябрь 1945). Эти два тома — о последних месяцах Второй мировой войны. Не только разгром Германии и Японии давно предрешен, но и послевоенное соотношение сил в общем и целом уже определилось. Борьба идет за отдельные, однако важные, детали послевоенного устройства мира.

Том XX. Война после войны (1945–1991). «Холодная война», ее ход и итоги, которые были предрешены куда раньше.

Глава XLV

ИСТОРИЯ ВОЙНЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО

Итак, Сталин начать Третью мировую войну так и не решился. А если бы решился — что было бы тогда? Попробуем себе это представить, учитывая все то, что мы сказали в предыдущих главах. Вспомним об экономическом превосходстве США как о постоянном факторе, о конце эпохи европоцентризма, о возрастании роли Китая, который превратился в новый фронт против СССР; отметим к тому же, что в условиях войны все эти процессы наверняка пошли бы гораздо быстрее.

Итак, мы помним, что Сталин (и Жуков) любили наносить удары по воскресеньям. Примеров тому много. 20 августа 1939 г. — на Халхин-Голе. 17 сентября 1939 г. — в Польше. 26 ноября 1939 г. — в Финляндии. 6 июля 1941 г. готовился удар по Германии. Позднее, 25 июня 1950 г., была начата война в Корее.

Соппротивление остатков Вермахта было сломлено 15–16 мая 1945 г. Ближайшим к этой дате воскресеньем было 20 мая. Итак, в Европу пришел мир, и все считают, что война кончилась. Только в сталинских штабах знают: настоящая война за мировое господство СССР еще впереди.

20 мая 1945 года в три часа ночи по берлинскому времени десятки тысяч советских орудий обрушили ураган огня на позиции союзников от Балтийского моря до Адриатического. После нескольких часов небывалой по своей мощи артподготовки тысячи советских танков переходят в наступление. Американскому и британскому послам в Москве и госдепартаменту США и Форин Офису Британии уже сделаны заявления о том, что СССР принял решение начать войну, дабы завершить задачу «освобождения мира от гнета империалистов».

США и Британия не готовились наносить удар первыми, поэтому их войска не собраны у самой линии разграничения, и первоначальные потери сравнительно невелики. Однако о противостоянии сталинским полчищам пока не может быть и речи. Союзники отступают по всему фронту от Норвегии до Турции. К концу августа вся Европа до Ла-Манша уже в руках Сталина, а армии союзников снова эвакуированы в Британию. К концу сентября СССР захватывает и почти всю Турцию, кроме Киликии.

На Дальнем Востоке СССР 8 августа объявляет о союзе с Японией (тайный договор был подписан еще в апреле), и советские и японские армии переходят в наступление на Китай. В сентябре захвачен весь Синьцзян, в ноябре — Сиань и Ланьчжоу.

Однако уже есть и первые неудачи. Ставшая теперь союзником СССР Япония терпит поражение в Юго-Восточной Азии. Осенью 1945 г. японцы теряют Индонезию, зимой 1945–1946 гг. — Таиланд, Малайзию и Сингапур, весной 1946 г. — Южный Вьетнам и Камбоджу. Но главное — объединенные силы Тихооке-

анского, Северного (переброшенного летом на Дальний Восток Северным морским путем) флотов СССР и остатки флота Японии в октябре 1945 г. терпят сокрушительное поражение от американцев, окончательно уступая союзникам господство на море.

Сталинское нападение вызвало взрыв ярости в США и Британии. В этой обстановке Конгресс США принимает решение о введении до окончания войны моратория на выборы и о наделении президента диктаторскими полномочиями. Принимается решение о массовой военной помощи Китаю и вообще всем, кто борется против СССР. 25 января 1946 г. ООН принимает Декларацию о войне против СССР вплоть до полного уничтожения сталинского режима.

Между тем советские армии весной 1946 г. возобновляют наступление, снова захватывают потерянную было Сиань, а в мае занимают Тибет. Но дальше советское наступление в Китае застопоривается. Щедро подпитываемая американской помощью и опираясь на неограниченные людские ресурсы, армия Китая с каждым месяцем становится все более грозным противником.

В октябре 1946 г. советские армии предпринимают новое грандиозное наступление — на Ближнем и Среднем Востоке. За зиму они захватывают Иран и Афганистан, в феврале 1947 г. берут Багдад, а в апреле — Дамаск. К осени 1947 г. советские армии выходят на подступы к Индии и Египту.

Свою тридцатую годовщину советский режим встречает в зените славы и могущества. Сталин захватил больше территорий, чем Аттила, Чингис-хан и Наполеон, вместе взятые. Но уже появились первые тревожные признаки. Советское наступление остановлено практически везде. Союзники-японцы за 1947 год окончательно потеряли Индокитай. А Генеральная Ассамблея ООН 22 сентября 1947 г. приняла решение об освобождении с 1 января 1948 г.

колоний. В сочетании с миллионами беженцев от «коммунистического счастья» из стран Ближнего и Среднего Востока это служит весьма доходчивым аргументом для изменения отношения к войне в третьем мире. Миллионы индийцев, арабов, африканцев добровольцами вступают под знамена союзников.

Но главное — Китай. 1948 год становится переломным. Перевооруженная и реорганизованная китайская армия переходит в наступление и за зиму 1948–1949 гг. наносит сталинским армиям серьезное поражение в долине Янцзы, освободив Ухань и Нанкин и фактически отрезав от главных сил Шанхай. С большим трудом, перебросив десятки дивизий из Европы, с Ближнего Востока и изнутри страны, Сталину удастся на время стабилизировать обстановку.

Но и на других фронтах события не радуют. Наступления на Египет в 1948 и 1949 гг. отбиты. Зимой 1948–1949 гг., не выдержав американской морской блокады, Япония капитулирует, а вскоре объявляет войну СССР. Наконец, американцам удастся создать новую сверхмощную стратегическую авиацию повышенной дальности, и их авиация начинает систематически разрушать советскую военную промышленность и инфраструктуру.

Зимой 1949–1950 и летом — осенью 1950 гг. Сталин, перебросив еще множество войск с других фронтов, предпринимает еще две попытки наступления в Китае, надеясь переломить ход войны в свою пользу. Первая попытка заканчивается весной 1950 г. потерей Шанхая, а после второй союзники в конце 1950 г. переходят в наступление повсеместно — в Китае, из Египта на Палестину, из Индии на Иран и Афганистан.

За зиму и весну 1950–1951 гг. китайцы освобождают Сиань, Ланьчжоу, земли южнее Хуанхэ, а также большую часть Тибета. СССР теряет юго-восток Ира-

на, а также Палестину. Авиация союзников окончательно и бесповоротно завоевывает господство в воздухе на всех фронтах и в небе самого СССР.

Поскольку исход войны уже определился, в США с 1 июля 1951 г. отменяются диктаторские полномочия президента и происходит возврат к демократии. Выборы 1952 года должны пройти, как в мирное время.

Летом и осенью 1951 г. китайцы освобождают остатки территории Тибета и продолжают наступление на Хуанхэ вплоть до весны 1952 г. Союзники летом и осенью 1951 г. освобождают Южную Италию, Сирию, Ирак, Южный Иран, Афганистан до Гиндукуша.

Летом и осенью 1952 г. китайская армия разворачивает грандиозное наступление, освобождает Пекин и движется дальше в Маньчжурию, Внутреннюю и Внешнюю Монголию, Корею, Синьцзян. Китайские полчища наступают огромным фронтом от Памира до Японского моря, сметая все живое на своем пути. Войска союзников освобождают Францию, Бельгию, Среднюю Италию, поздней осенью — Грецию и Юго-Западную Турцию до Измира. Китайское наступление в Монголии, Маньчжурии и Корее продолжается и зимой 1952–1953 годов.

5 марта 1953 г. умирает Сталин, оставив в наследство безнадежно проигранную войну и вражеские полчища, приближающиеся со всех сторон. Причем, если западные союзники еще только форсируют Рейн и готовят наступление на Балканы и на Тегеран, то китайцы уже подошли вплотную к границам самой России. Наследникам умершего диктатора приходится решать, что делать дальше: сопротивляться на всех фронтах, что неминуемо приведет к потере в пользу Китая если не всей, то, по крайней мере, Восточной Сибири (со всеми последствиями для миллионов живущих там русских и вообще российских людей, которых китайцы пощады не дадут) или наплевать на

коммунистическую идеологию и спасти страну, то есть бросить все силы против китайцев, а наступающим с запада союзникам сдавать земли и города без боя, потому что они-то, по крайней мере, самому существованию России не угрожают.

Всего этого не было? Нет, это не фантастика.

Все это было, правда, не в 1950-е годы, а в 1980-е, 1990-е и продолжается сейчас. И войну мы (пусть и «холодную») проиграли ввиду огромного превосходства противника, и не только экономического, и оказались к концу советской эпохи в тисках между Западом и стремительно усиливающимся Китаем. Ну, и выбор перед нами сейчас сходный. Можно примкнуть к американцам и их союзникам в грядущей их конфронтации с Китаем (уже говорилось, что вчерашние победители СССР уже начинают ворчать друг на друга, и американо-китайская «холодная» война не за горами). Как бы ни относиться к США и НАТО, следует признать, что они, по крайней мере, не ставят своей целью уничтожение мирного населения России и других евразийских государств, поскольку им не надо расчищать эти территории для своего избыточного населения — такового у них нет и не предвидится. Более того, в будущем, при конфронтации с Китаем, США и их союзники будут заинтересованы в стабильной относительно сильной России как преграде на пути Китая в глубь Евразийского материка.

А можно остаться одним и – с учетом того, что с концом эпохи «европоцентризма» Россия перестала быть страной, которую невозможно завоевать — отдать китайцам если не всю Сибирь, то, по крайней мере Восточную (а также Казахстан до Караганды и Северную Киргизию), претензий на которые китайцы даже и не скрывают. А может быть, с учетом резкого возрастания мощи Китая, придется отдать ему и побольше, чем только Сибирь. Со всеми вытекаю-

щими отсюда последствиями для местного русского (вообще славянского) и тюркско-евразийского населения. Что с этим населением будет, тоже в общем-то ясно. Как раз китайцы заинтересованы в расчистке «жизненного пространства» для своего избыточного населения. Такая вот альтернатива. И время для выбора еще есть.

Глава XLVI

ЧТО «РАБСКИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ» ПРИНЕСЛИ МИРУ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

По плодам их узнавайте их.
(Матфея 7:16)

Итак, в 1945 г. попытка глобальной «рабской контрреволюции» по большому счету сорвалась. Человечество по инерции еще продолжалось (и продолжается) в отдельно взятых странах, но все же не в таких масштабах (например, в СССР к концу сталинского правления сидело в лагерях «всего» 3 млн чел. против 10–11 млн в 1940–1941 гг.), а главное — с 1945 года нет больше речи о глобальной катастрофе с массовым уничтожением людей.

А все-таки: сколько людей погибло при «рабских контрреволюциях»? Подсчитаем. Начнем, конечно, с России (в границах бывших Российской империи и СССР, а не нынешней РФ, естественно), как со страны, первой этот удар на себя принявшей и наиболее от него пострадавшей.

В последнее время различные апологеты Сталина и большевиков (да и многие не имеющие к этому никакого отношения исследователи) стремятся обелить советский режим. Ну и, конечно, смешать с грязью В. Резуна-Суворова, в том числе и за стремление «выставить Россию извечным агрессором».

Хотя В. Суворов как раз подчеркивает: СССР — это не Россия. И я с ним солидарен.

В последние годы в связи с усилением апологетики Сталина тема стала еще актуальнее. Теперь уже дружный хор голосов начиная с С.Г. Кара-Мурзы (передача «Времена», 9 марта 2003 г.) поет: ненавидеть Сталина — значит ненавидеть Россию! Обвинять СССР в расстреле польских офицеров в Катыни — антироссийская (не антисоветская!) подлость (прямо так и называется творение небезызвестного Юрия Мухина, посвященное катынской проблеме)! Ну и, ясное дело, сторонники «Ледокола» хотят опорочить Россию как извечного агрессора! И вообще, Сталин — это наше все! Правда, при этом обижаются, когда от России требуют извинений или компенсаций за сталинские преступления против Польши или Прибалтики, а Виктор Ющенко называет голодомор 1933 г. «геноцидом украинского народа, организованным москалями». Обвинение, конечно, абсурдно, обидно и несправедливо, хотя бы потому, что русские крестьяне тогда голодали не меньше, но вот право обижаться на него имеют только те, кто не отождествляет коммунистов с Россией. А мухиным и иже с ними остается только ответить: назвался груздем — полезай в кузов!

А вот еще один сталинист. Некто Рудольф Баландин призывает «возродить гордость за наше советское прошлое», и в частности за Сталина «как величайшего гения в истории не только России, но и человечества», поскольку «именно в это время мы совершили величайшие подвиги на полях сражений и в труде» (*Баландин Р. Магия внушения, или секретное оружие Бехтерева. М., 2008. С. 313*).

Ну что же, все это уже было, было... Не помню, кем сказано, но сказано правильно: история — это музей, где много копий, но мало оригиналов. СССР — это уже минимум третья великая Евразийская завоевательная империя. Что же, в таком слу-

чае неплохо было бы обратиться к опыту первых двух из них.

В IV–V вв. на огромных просторах Евразии существовал Гуннский каганат. Гунны «совершили величайшие подвиги в сражениях» на пространствах от Рейна до Хуанхэ, и по сей день многие тюркские народы, венгры и даже русские с украинцами спорят о национальной принадлежности Аттилы. Только вот где они, эти гунны? Исчезли еще в том же V веке.

В XIII в. тюркские и монгольские кочевники «совершили величайшие подвиги в сражениях» под предводительством Чингис-хана и его наследников, создав громадную империю. Сегодня десятки тюркских и монгольских народов спорят за честь называться родным народом Чингис-хана. Только где его империя? Распалась через 150–200 лет.

Вот и Сталин из этого же ряда. Все его «подвиги» — с целью развязать новую мировую войну и загнать весь мир в коммунистические бараки. Да вот возьмем хотя бы экономические показатели. Баландин утверждает, что «Сталин оставил страну на подъеме» (Там же. С. 243), однако это относится только к военно-промышленному комплексу. Вот историк Н. Добрюха, явно симпатизирующий Сталину, приводит его высказывание, относящееся к 1952 г.: «Либо мы подготовим наши кадры... на основе науки, либо мы погибнем...» (Аргументы и факты. 2008. № 10(1427)). Нужны комментарии?

А вот данные по выполнению пятилетних планов. Первый план (1928–1932) был выполнен за 4 года и 3 месяца на 109% по группе А (тяжелая индустрия), но не выполнен по группе Б (потребительские товары) (*Berchin I.B. Geschichte der UdSSR. Berlin (Ost), 1971. S.378*). Если так, то логично было не кричать о досрочном выполнении, а употребить оставшиеся месяцы на выполнение по группе Б. Но об этом никто и не подумал — по-моему, достаточно ясно сви-

детельствует о направленности мышления Сталина и его соратников. Вторая пятилетка (1933–1937) дала аналогичные результаты (*Чунтулов В. Т. Экономическая история СССР. М., 1969. С. 254*). В четвертой (1946–1950), по официальным данным, уровень промышленного производства на 73% превзошел 1940 г., но вот «производство потребительских товаров не достигло довоенного уровня» (*Berchin I. B. Op.cit. S.590*).

Итак, все на военно-промышленный комплекс. Зачем? Ответ однозначен: для мирового господства. Стремления к нему никогда не скрывали ни Ленин, ни Троцкий, ни Сталин, ни Хрущев. Того же В. Суворова еще никто не опроверг. Отчасти СССР достиг своих целей — несмотря на неудачу «ледокольного» сценария, что позволяет говорить о проигрыше Второй мировой войны Сталиным, треть человечества вошла в соцлагерь, и нас боялись. Но было ли лучше от этого простому человеку? Вот Баландин цитирует В. Брынцалова, который якобы хочет вернуть «бывшее при СССР чувство собственного достоинства» (*Баландин Р. С. 261–262*). Это у советского-то человека, которого могла унижить любая кассирша, вахтерша, кондукторша, не говоря уже о представителях власти? «Владыка мира — и раб всего вокруг» — приводит М. Веллер в «Великом последнем шансе» чью-то цитату о советском человеке.

И потом — ну и где сейчас эта Советская империя? Кончилось все это тем же, чем и предыдущие попытки, — крахом. Баландин ищет ответ на вопрос о том, почему страна так быстро и без сопротивления все сдала, говорит о каком-то перекодировании целой нации с помощью каких-то хитроумных технологий. Но, по-моему, все гораздо проще. Вспомним, что и гунны исчезли с лица земли, и тюрко-монгольские кочевники в последовавшие за эпохой Чингизидов 300–400 лет поддались кто России, кто Китаю, кто еще кому. Оно и понятно — истощив силы в бесплод-

ных попытках завоевания мира, не смогли удержать и своего. Не смогла и Россия удержать многие приобретенные до 1917 г. территории. Возможно, что и о Сталине, как и об Атгиле и Чингис-хане, через 500–700 лет будут спорить населяющие территорию нынешнего СНГ народы, к какому из них он принадлежал, но нам-то, оказавшимся сейчас на грани гибели, отдающим исконно свои земли кому ни попадя, легче от этого? Не знаю, сможет ли Россия выпутаться на каких-то новых путях, надеюсь, что да, но если будем восстанавливать ностальгию по Сталину, точно ноги протянем.

Так что борьба продолжается, и одно из направлений этой борьбы — преуменьшение числа жертв режима. Вот, например, Р. Баландин объявляет сведения о 10 млн заключенных в сталинских лагерях и о лагерных сроках «за колоски» «выдуманной геббельсовской пропаганды» (*Баландин Р. Магия внушения, или Секретное оружие Бехтерева. С. 242*) — ну, это на уровне «Лимонки» («Архипелаг ГУЛАГ» — ремейк пропаганды Геббельса»). Он ссылается на архивные данные о 800 тысячах вынесенных смертных приговоров (Там же. С. 307), забывая при этом, что 90% приговоров выносилось не судами, а «особыми совещаниями», которые делали это списками в десятки и сотни людей. Допустим, приносят список: Ростовская, скажем, область. 50 чел. арестованы за «измену» — всем расстрел! 100 чел. за «вредительство» — всем по 10 лет! Таким образом, вынесено 150 приговоров, из них 50 смертных, а в статистику идет как два приговора, в том числе один смертный.

Кроме того, не надо забывать, что раскулаченные крестьяне (а это минимум 10 млн) вообще никем не осуждались, для их «выселения» (как правило, в гиблые места на верную смерть) достаточно было постановления сельсовета. По давню, никем не осуждались жертвы голода (еще минимум столько же). Это

не говоря о том, что архивы НКВД-КГБ-ФСБ неоднократно и хорошо почистили, да и не верю я, что в нашей стране, где до сих пор засекречены, скажем, архивы боев на Халхин-Голе (что там секретить?!), доступны все архивы о репрессиях.

Чтобы не пользоваться чужим умом, автор решил провести собственное демографическое исследование. Сам Баландин считает, что «бесстрастные цифровые демографические показатели доказывают, что советский народ имел основания восхвалять Сталина» (Там же. С. 243). Что же, посмотрим.

Итак, за период с 1 января 1950 по 15 января 1959 г. население СССР выросло со 178,5 до 208,8 млн чел. Если экстраполировать эти темпы прироста на 1913–1950 гг., то с учетом того, что на конец 1913 г. население России насчитывало 159,2 млн чел. (СССР. Энциклопедический справочник. М., 1982. С. 17), получим, что в 1950 г. в стране должно было жить 298,5 млн чел. Но есть и другие данные — о том, что население России в 1913 г. насчитывало 169,4 млн чел. (История гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1. С. 32). Тогда в 1950 г. в СССР должно было жить 317,62 млн чел. Разница с фактическим населением 1950 г., таким образом, составляет 120–139,12 млн. Кстати, вполне возможно, что данные 1936 г. по численности населения 1913 г. были после войны «подкорректированы» именно с целью хоть как-то скрыть размах репрессий.

На долю жертв Гражданской войны приходится 12,75 млн, из них 6,5 млн — жертвы «красного террора» (*Герчиков О.* Потери Гражданской войны// Аргументы и факты. 2007. 24 октября. № 43 (1408), потому из убыли населения мы исключаем 6,25 млн. 27 млн погибли в Великой Отечественной войне. Ну, ладно, не будем мелочиться, возьмем максимальную цифру — 35–37 млн. Ну, допустим, еще миллионов 30 не родилось из-за социальных потрясений. Коммунисты не стесняются записывать нынешних не-

родившихся в число жертв реформ, но опять же не будем мелочиться. И без них набирается от 63,25 до 73,25 млн убыли населения.

При этом еще надо учесть, что в 1913–1950 гг. наше общество было более традиционным, чем в 1950–1959 гг., и женщины должны были бы хотя бы поэтому рожать больше. Сам же Баландин признает, что при Сталине прирост населения был выше, чем при Хрущеве и последующих (С. 339–340 и др.), но опять-таки не будем мелочными. Таким образом, непонятным остается, куда делись еще от 45–50 до примерно 75 млн человек; иначе как в жертвы террора и репрессий их не запишешь.

Это — Россия (в границах Российской империи 1913 или СССР 1989 гг.), которая в силу сложившихся исторических обстоятельств оказалась в эпицентре «мировой рабской контрреволюции». В остальном же мире за этот неполный XX век от войн, репрессий и экономических «экспериментов» погибло:

Китайцев	200 000 000
Вьетнамцев	Более 20 000 000
Корейцев	15 000 000
Немцев	12 000 000
Поляков	6 500 000
Евреев	6 000 000
Камбоджийцев	5 000 000
Японцев	3 262 000
Бирманцев	2 400 000

Югославов	Не менее 3 000 000
Эфиопов	Не менее 3 000 000
Индонезийцев	2 000 000
Филиппинцев	Примерно 2 000 000
Французов	2 000 000
Афганцев	Не менее 1 500 000
Индийцев	Не менее 1 500 000
Чехов и словаков	1 300 000
Итальянцев	1 200 000
Австрийцев	1 150 000
Британцев	1 120 000
Венгров	1 100 000
Турок	Примерно 1 000 000
Греков	1 000 000
Румын	Более 1 000 000
Иранцев	1 000 000
Малайзийцев	Не менее 1 000 000
Испанцев	Около 1 000 000
Болгар	Примерно 800 000
Монголов	Примерно 680 000

Албанцев	Примерно 680 000
Кубинцев	Примерно 650 000
Американцев	585 000
Ангольцев	Не менее 500 000
Финнов	400 000
Алжирцев	350 000
Таиландцев	350 000
Бельгийцев	Не менее 300 000
Канадцев	200 000
Сирийцев	160 000
Голландцев	42 000
Португальцев	30 000
Новозеландцев	15 000
Норвежцев	10 000
Датчан	5000

Всего получается вместе с нашей страной от 355 до 385 млн погибших. Подсчет неполный и неточный, неизвестно, например, сколько погибло в эти годы иракцев, египтян, жителей стран Магриба (кроме Алжира) и Черной Африки, сколько латиноамериканцев. Если добавить сюда еще и жертвы стихийных бедствий и эпидемий (только пандемия гриппа в 1918–1919 гг. унесла 20 млн жизней, по другим данным — до 50 млн), то речь может идти как бы не о полумиллиарде погибших.

Попытки вернуть человечество в прошлое породили за неполное XX столетие столько людоедов, сколько предшествующая история человечества не могла породить за три тысячелетия. Ленин, Сталин, Троцкий, Гитлер, Мао, Пол Пот, Чаушеску, Тито, Франко, Чойбалсан, Энвер Ходжа, Ракоши, Муссолини, Саддам Хусейн — вот только самые кровавые из них.

Это не считая материальных потерь, исчисляемых триллионами и триллионами долларов. Это не считая культурных потерь, которые вообще невозможно подсчитать в деньгах.

Словом, очень хочется надеяться, что больше такое не повторится.

Омск — Москва, 1988–2008

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авторханов А.* Империя Кремля. Вильнюс, 1990.
- Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993.
- Астафьев Г.В.* Интервенция США в Китае. М., 1985.
- Баландин Р.* Магия внушения, или Секретное оружие Бехтерева. М., 2008.
- Барбер Дж.* Роль патриотизма в Великой Отечественной войне// Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 447–452.
- Бармин В.А.* Советский Союз и Сынцзян. 1918–1941. Барнаул, 1999.
- Бобраков Ю.И.* США: федеральная резервная система и экономическое регулирование. — М., 1971.
- Бунич И.* Влекомые роком. СПб., 1999.
- Бунич И.* Гроза. СПб., 1997.
- Бучин А.Н., Яковлев Н.Н.* 170 000 километров с Г.К. Жуковым. М., 1994.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1976.
- Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., 1965.
- Виноградов А.* Тайные битвы XX столетия. М., 1999.
- Вишилев О.В.* Может быть, вопрос еще уладится мирным путем// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 39–53.
- Владимиров П.П.* Особый район Китая. М., 1974.
- Военно-блоковая политика империализма/ Под ред. *Л.А. Жилина и Р. Брюля.* М., 1980.
- Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия. М., 1990.
- Восленский М.С.* Номенклатура. М., 1991.
- Всемирная история. М., 1965. Т. X.
- Всемирная история. М., 1977. Т. XI.

- Гасанлы Дж.* Основные направления советско-турецких отношений на первом этапе начала Второй мировой войны (1939–1941)// Правда Виктора Суворова-3. М., 2007. С. 79–127.
- Геггарт Я.* Чехословацкое движение Сопротивления перед 22 июнем (так в тексте. — Д.В.) 1941 г.// Россия в XX веке. С. 437–440.
- Герчиков О.* Потери Гражданской войны// Аргументы и факты. 2007. 24 октября. № 43 (1408).
- Гершензон М.О.* Творческое самосознание// Вехи. М., 1909. С. 70–96.
- Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. М., 1993.
- Документы внешней политики СССР. М., 1958. Т. 4.
- Дугин А.Г.* Основы геополитики. М., 2001.
- Дьяков Ю.Л., Бушуева Т.С.* Фашистский меч ковался в СССР. М., 1992.
- Ефимов Г.В.* Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1949.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 1-е изд. М., 1969.
- Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. 13-е изд. М., 2002.
- Закорецкий К.* День М-2// ZHISTORY (сайт в Интернете).
- Закорецкий К.* 6.12.1941 — коренной стратегический перелом// ZHISTORY (сайт в Интернете).
- Залесский С.* Ленд-лиз дорогого стоит// Аргументы и факты. 2004. № 13.
- Зверев А.Г.* Записки министра. М., 1973.
- Золотухин В.П.* Фермеры и Вашингтон. — М., 1968.
- Игнатова М.* Все тайное становится явным. Почему Трумэн сбросил бомбу на Хиросиму?// Огонек. 1995. № 32. С. 76–77.
- Ильин И.А.* Наши задачи. М., 1993. Кн. 1.
- История Второй мировой войны. М., 1974. Т. 3.
- История Второй мировой войны. М., 1975. Т. 4.
- История Второй мировой войны. М., 1975. Т. 5.
- История Второй мировой войны. М., 1976 Т. 7.
- История Второй мировой войны. М., 1978. Т. 9.
- История Второй мировой войны. М., 1979. Т. 10.
- История Второй мировой войны. М., 1980. Т. 11.
- История Второй мировой войны. М., 1981. Т. 12.
- История Гражданской войны в СССР. М., 1936. Т. 1.
- История КПСС. М., 1962.

- Комал Ф.Б.* О некоторых причинах поражений Красной Армии в начале Великой Отечественной войны// Россия в XX веке. С. 453–458.
- Конквест Р.* Большой террор. Флоренция, 1978.
- Костомаров Н.И.* Российская история в жизнеописаниях важнейших деятелей. М., 1995. Т. I.
- Котова Е.В.* Сараевское убийство 28 июня 1914 г. и закат империи Габсбургов// Цареубийства. Гибель земных богов. М., 1998.
- Красильников В.Д.* Синьцзянское притяжение. М., 2007.
- Куксин И., Иоффе Г., Раев М.* Библиография № 170 21 мая 2000 г. Сайт <http://www.lebed.com/2000/art2153.htm>.
- Лацис М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920.
- Лебедев В.* Марш Суворова и Бунича на книжный рынок// Вестник. 1998. № 5–6.
- Ледовский А.М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. М., 1999.
- Ленин В.И.* ПСС. Ө.32.
- Мальков В.Л.* Гарри Гопкинс: страницы политической биографии/ Новая и новейшая история. — 1979. — № 2–4.
- Мальков В.Л.* Разведка союзников в годы войны// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 183–213.
- Маркс К.* К критике политической экономии// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.
- Мартыросян А.Б.* 200 мифов о Великой Отечественной. Трагедия 1941. М., 2008.
- Мельников Д.Е., Черная Л.Б.* Преступник номер 1. Нацистский режим и его фюрер. М., 1981.
- Молоков И.В.* Интернациональная помощь РСФСР и ДВР Монголии и Синьцзяну (Китай) в разгроме белогвардейцев в 1920–1922 гг. Омск, 1991.
- Морозов М.* 1941: почему СССР не напал первым// Аргументы и факты. 2005. 22 июня. № 25 (1286).
- Мягков М.Ю.* Битва под Москвой в документах группы армий «Центр»// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 248–266.
- Некрич А.М.* 1941. 22 июня. М., 1995.
- Нехамкин С.* Взрыв на бульваре Атаатюрка// Известия. 24 мая 2005.
- Обухов В.* Схватка шести империй. М., 2007.
- Оружие Победы.* М., 1975.

- Осинов С.* Под крылом — Сталинград// Аргументы и факты. 2008. 30 января. № 5 (1422).
- Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993.
- Паршиев А.П.* Почему Россия не Америка. М., 2000.
- Писарев Ю.А.* Австро-сербский конфликт — пролог Первой мировой войны (мифы и факты)// Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории. М., 1994.
- Поздеева Л.В.* Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 324–338.
- Полетика Н.П.* Возникновение Первой мировой войны. М., 1964.
- Полетика Н.П.* Сараевское убийство. Л., 1930.
- Розанов Г.Л.* Последние дни Гитлера. М., 1961.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М., 1984.
- Селюнин В.* Черные дыры экономики// Новый мир. 1989. № 10. С. 153–178.
- Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения. М., 1989.
- Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1995. М., 1995.
- Соединенные Штаты Америки// БСЭ. 1-е изд. М., 1945. Т. 51. С. 580–842.
- Соколов Б.* Победа, что была страшнее многих поражений// Знание—сила. 2000. № 5–6.
- Солженицын А.И.* Архипелаг ГУЛАГ. В 3-х томах// Собрание сочинений в семи томах. Т. 5–7. М., 1991–1992.
- СССР. Статистический справочник. М., 1982.
- Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950.
- Сталин И.В.* Сочинения. Т. 11.
- Станилов В.* На кого надеяться?// Правда Виктора Суворова. М., 2007. С. 288–291.
- Суворов В.* Беру свои слова обратно. Донецк, 2005.
- Суворов В.* День-М. М., 1993.
- Суворов В.* Ледокол. М., 1992.
- Суворов В.* Ледокол. М., 2002.
- Суворов В.* Очищение. М., 1998.
- Суворов В.* Последняя республика. М., 1995.
- Суворов В.* Самоубийство. М., 2000.
- Суворов В.* Святое дело. М., 2008.
- Суворов В.* Тень победы. М., 2002.

- Суоров В. Ледокол-2. Минск, 2003.
- Струве В.В. К вопросу о специфике рабовладельческих обществ Древнего Востока// Вестник ЛГУ. 1953. № 9. С. 81–91.
- Струве П.Б. Интеллигенция и революция// Вехи. М., 1909. С. 127–146.
- Уткин А.И. Дипломатия Франклина Рузвельта. Свердловск, 1990.
- Фельштинский Ю.Г. Читая книги «Ледокол» и «День-М» Виктора Суворова// Правда Виктора Суворова. С. 133–154.
- Филитов А.М. В коридорах Наркоминдела// Вторая мировая война. Актуальные проблемы. С. 54–71.
- Фуллер Дж. Вторая мировая война. М., 1956.
- Хакимбаев А. К оценке деятельности Ма Чжунина// Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1983. Ч. 3.
- Харрисон М. Советское производство 1941–1945 гг. К переоценке// Россия в XX веке. С. 492–501.
- Хаффнер С. Самоубийство Германской империи. М., 1972.
- Хлюпин В.Н. Геополитический треугольник Казахстан — Китай — Россия. М. – Вашингтон, 1999.
- Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год.// Отечественная история. 1993. № 4.
- Храмчихин А.А. Вторая мировая: сослагательное наклонение// Знамя. 2005. № 5. С. 182–190.
- Чельшиев И.А. Международное положение СССР накануне Великой Отечественной войны// Россия в XX веке. С. 410–420.
- Чунтулов В.Т. Экономическая история СССР. М., 1969.
- Шелленберг В. Мемуары. Минск, 1998.
- Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. М., 1958. Т. 1.
- Шерман Саиша. Черная рука// Gazeta.ru. 1999. 25 июня.
- Шишкин О.А. Битва за Гималаи. М., 1999.
- Шмелев И.П. Танки БТ. СПб., 1995.
- Эрнст Генри. Китай против Азии. М., 1979.
- Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999.
- Яковлев Н.Н. Маршал Жуков. Роман-газета. 1986. № 1.
- Яковлев Н.Н. 3 сентября 1945 г.// Избранные произведения. М., 1990. С. 511–668.

- Яковлев Н.Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1981.
- Berchin I.B.* Geschichte der UdSSR. Berlin (Ost), 1971.
- Blum J.* From the Morgentau Diaries. — Vol.1. — Boston, 1959.
- Briekhill P.* The Dam Busters. L., 1951.
- British and American Tanks of World War II. N.Y., 1969.
- FDR. His Personal Papers. N.Y., 1950. Vol.3.
- FDR. Public papers. — 1934. Uol.
- Goralski R.* World War II Almanac. L., 1956.
- Hearings of American Aspects of the Richard Sorge Spy Case. House of Representatives. 82nd Congress. First Session. August 9, 22 and 23. Washington, 1951.
- Historical Statistics of the United States. — Washington D.C., 1961.
- Manchester W.* The Glory and the Dream. N.Y., 1958.
- Marx K.* Das Kapital. Hamburg; 1890. Bd.1.
- Mealson J.* Russian BT series. Windsor, 1971.
- Mc Neal A.* Stalin: Man and Ruler. Basingstore, 1988.
- Muller-Hillebrand B.* Das Heer, 1933–1945. Frankfurt/M, 1954. Bd.I.
- Perking F.* The Roosevelt I knew. — N.Y., 1946.
- Sutton A.* National Suicide: A Military Aid to the Soviet Union. Cambridge (Mass.), 1974.
- United States Department of Labor. Growth of Labor Law in the United States. — Washington D.C., 1967.
- Warren H.* Herbert Hoover and the Great Depression. — N.Y., 1967.
- Wittfogel K.* Oriental Despotism. New Haven, 1957.
- Zaloga S.* Soviet Tanks and Combat Vehicles of World War Two. N.Y., 1975.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I	
ТАК КТО ЖЕ ПОБЕДИТЕЛЬ?	5
Глава II	
СКОЛЬКО БЫЛО ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ	8
Глава III	
ПОЧЕМУ РОССИЯ?	16
Глава IV	
НАЧАЛО	25
Глава V	
БИТВА ЗА АМЕРИКУ	33
Глава VI	
ДЛЯ КОГО ПАКТ МОЛОТОВА – РИББЕНТРОПА БЫЛ ВЫНУЖДЕННЫМ?	42
Глава VII	
О ВОЙНАХ СПРАВЕДЛИВЫХ И НЕСПРАВЕДЛИВЫХ	48
Глава VIII	
КТО ПЕРВЫМ РАЗГАДАЛ ЗАМЫСЕЛ СТАЛИНА	52
Глава IX	
КОГДА НАСТУПИЛ ПЕРЕЛОМ ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	56
Глава X	
КТО И ЗАЧЕМ ПРЕДУПРЕЖДАЛ СТАЛИНА	69
Глава XI	
О ГЛУПОЙ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКЕ	73
Глава XII	
А КАК У НАС?	82
Глава XIII	
А МОГЛО ЛИ БЫТЬ ИНАЧЕ?	89
Глава XIV	
«ОБОСТРЕНИЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ»	92

Глава XV	
ПРЕВРАТИТЬ ВОЙНУ В ГРАЖДАНСКУЮ!	98
Глава XVI	
СОРОК ПЕРВЫЙ: СЧИТАЛИ ЛИ СТАЛИН ВСЕ ПОТЕРЯННЫМ ПОСЛЕ 22 ИЮНЯ?	103
Глава XVII	
ЗАЧЕМ ОНИ НАПАЛИ НА АМЕРИКУ?	109
Глава XVIII	
И СНОВА ВОЗДУШНЫЙ ДЕСАНТ, ИЛИ «ГРОЗА-2»	117
Глава XIX	
ЗАГАДКА ХАРЬКОВА	126
Глава XX	
КАК СТАЛИН ВЫРВАЛ «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС»	133
Глава XXI	
ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНОМ ПЕРИОДЕ	137
Глава XXII	
ДЛЯ ЧЕГО ПРЕДНАЗНАЧАЛИСЬ «КРЫЛАТЫЕ ТАНКИ»	142
Глава XXIII	
КАК БЫЛ ПОТЕРЯН ПОСЛЕДНИЙ ШАНС	146
Глава XXIV	
ВТОРОЙ ФРОНТ	154
Глава XXV	
КТО ОБЕРЕГАЛ ГИТЛЕРА ОТ ПОКУШЕНИЙ?	157
Глава XXVI	
ВЗРЫВ НА БУЛЬВАРЕ АТАТЮРКА	161
Глава XXVII	
ДЕЛА ПЕРИФЕРИЙНЫЕ	167
Глава XXVIII	
«ФИНЛЯНДИЯ» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	169
Глава XXIX	
НА ТИХОМ ОКЕАНЕ	177
Глава XXX	
НУ И ВОЯКИ!	183
Глава XXXI	
КТО ПОТЕРЯЛ КИТАЙ?	187
Глава XXXII	
ПОЧЕМУ СОЮЗНИКИ НЕ ВЗЯЛИ БЕРЛИН	195
Глава XXXIII	
ПОЧЕМУ СОВЕТСКИЕ ТАНКИ НЕ ПЕРЕШЛИ ЭЛЬБУ	198
Глава XXXIV	
БЫЛ ЛИ У СТАЛИНА ПРОТИВНИК НА КОНТИНЕНТЕ	210

Глава XXXV	
ВОЗМОЖНО ЛИ НЕВОЗМОЖНОЕ	215
Глава XXXVI	
НА КОГО РАБОТАЛО ВРЕМЯ	224
Глава XXXVII	
ПОЧЕМУ СТАЛИН НЕ УБИЛ РУЗВЕЛЬТА	231
Глава XXXVIII	
О КАПИТУЛЯЦИИ В ЯЛТЕ	236
Глава XXXIX	
КТО НАЧАЛ «ХОЛОДНУЮ ВОЙНУ»	239
Глава XL	
КОГДА КОНЧИЛАСЬ ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	241
Глава XLI	
КТО И КАК СЛОМАЛ МЕЧ ИМПЕРИИ	245
Глава XLII	
ЕЩЕ РАЗ О ГОТОВНОСТИ К ВОЙНЕ	249
Глава XLIII	
ЧТО ДАЛЬШЕ?	253
Глава XLIV	
ИСТОРИЯ ВОЙНЫ, КОТОРАЯ БЫЛА	259
Глава XLV	
ИСТОРИЯ ВОЙНЫ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО	263
Глава XLVI	
ЧТО «РАБСКИЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ» ПРИНЕСЛИ МИРУ (вместо заключения)	269
Список литературы	279

Дмитрий Винтер

**ПОЧЕМУ СТАЛИН ПРОИГРАЛ
ВТОРУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ?**

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *С. Курбатов*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *С. Пяташ*
Корректор *М. Колесникова*

ООО «Яуза-пресс»
109439, Москва, Волгоградский пр-т, д. 120, корп. 2

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

Подписано в печать с готовых диапозитивов 31.03.2009.
Формат 84x108 $\frac{1}{32}$. Гарнитура «Garamond».
Печать офсетная. Бум. тип. Усл. печ. л. 15,12.
Доп. тираж 3 000 экз. Заказ № 4932006.

Отпечатано в ОАО «Нижеполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

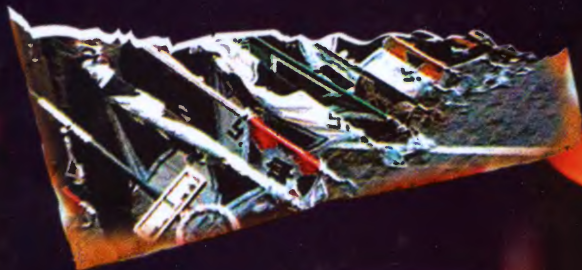
**Почему Сталин проиграл Вторую мировую войну?
Почему сам он считал победу над гитлеровской
Германией недостаточной, неполной, «пирровой»?
Почему сорвался его «освободительный поход в
Европу»?**

**Кто разгадал его тайный замысел и противо-
действовал его «ледоколным» планам?**

**Кто сравнил Гитлера и Сталина, заставив то-
талитарные режимы обескровить друг друга в
самоубийственной борьбе?**

**И главный вопрос: если Сталин проиграл войну за
мировое господство, то кого следует считать на-
стоящим победителем во Второй мировой?**

**Эта сенсационная книга — новый взгляд на
причины и итоги самой страшной войны от начала
времен, радикальный пересмотр прошлого, реше-
тельная ревизия истории XX века.**

ISBN 978-5-9955-0047-6

9 785995 500476 >

